

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ,
ПРАКТИКА,
НАУКА

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в июле 2004 года
Выходит 6 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет
имени В. Ф. Яковлева»
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

РЕДАКЦИЯ

В. В. ДОЛГАНИЧЕВ, главный редактор
К. С. ПУТУШКИНА, редактор
И. В. ЛЕДНЕВ, ответственный
секретарь

АДРЕС РЕДАКЦИИ

620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 23, каб. 209.
Адрес для корреспонденции:
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21.
тел./факс (343) 375-58-47,
<https://rospravojournal.usla.ru>
e-mail: rp@usla.ru

*Издание зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуника-
ций, свидетельство ПИ № ФС 77-55438 от
17 сентября 2013 г.*

*Использование материалов возможно то-
лько с письменного согласия редакции*

*Фотографии, использованные в номере, пре-
доставлены авторами статей, героями
интервью и организаторами мероприятий*

*Журнал распространяется по подписке;
придерживается независимой политики.
Мнения авторов могут не совпадать
с мнением редакции*

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Безбородов Ю. С., Лихачев М. А.**
Евразийский регионализм:
постсоветская апология или утопия
универсализма? 4
- Лунёв А. А.**
Научная дискуссия о международной
правосубъектности национальных
юридических лиц 12

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Назарькова Е. О.**
Концепция совместного действия
во времени нормативных правовых
и интерпретационных актов: теория
и практика 27

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- Максуров А. А.**
Понятие и формы объединений граждан
в религиозных целях в России, Италии
и Франции: сравнительно-правовой анализ 35

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- Тетерин Т. Д.**
Вознаграждение работника за служебные
технические решения по праву России
и Англии 48
- Тихонов А. Н.**
Некоторые аспекты правового
регулирующего отношений суррогатного
материнства 56

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, Л. Н. Берг, В. С. Белых, А. В. Брызгалин, В. А. Бублик, А. В. Винницкий, Д. В. Винницкий, Б. М. Гонгало, В. В. Гошуляк, Е. Ю. Грачева, Д. А. Гришин, И. Г. Дудко, Т. Д. Зражевская, В. Б. Исаков, А. Я. Капустин, И. Я. Козаченко, Ю. В. Козубенко, Г. А. Кокурин, Г. Н. Комкова, А. Н. Костюков, В. В. Круглов, В. И. Крусс, А. М. Куренной, А. А. Ливеровский, Н. А. Мехренцева, А. Н. Митин, А. Н. Мочалов, Е. И. Носырева, В. В. Полянский, А. Д. Прошляков, И. В. Решетникова, В. Н. Руденко, М. С. Саликов (председатель), Н. М. Саликова, А. С. Смыкалин, С. Д. Хазанов, А. М. Хлус, С. Н. Чернов, В. В. Ярков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Авакьян, С. Н. Бабурин, В. В. Блажеев, А. К. Голиченков, В. В. Ершов, В. В. Игнатенко, Г. С. Казинян, Л. О. Красавчикова, П. В. Крашенинников, В. А. Малиновский, С. П. Степкин, Т. Я. Хабриева, Ю. Я. Чайка, Г. Н. Чепотарев, М. Ф. Чудаков, Ю. С. Шемшученко, Б. С. Эбзеев, Э. С. Юсубов

**ГРАЖДАНСКИЙ
И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС****Ярков В. В.**

Содержит ли статья 248.1 АПК РФ презумпцию ограничения процессуальных прав российских лиц в условиях санкций? 65

Двуречинский Д. В.

Конклюдентные действия и бездействие в цивилистическом процессе 74

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО**Домченко А. С.**

Административный режим как признак нормативного административного акта 83

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**Никитина Е. В., Раменская В. С.**

Получение информации от присяжных заседателей: вопросы процессуального характера, возникающие в связи с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации 91

**ТРУДОВОЕ ПРАВО
И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ****Голосова Н. С.**

Развитие научных представлений о социальной защите детей отдельных категорий в исследованиях по трудовому праву и праву социального обеспечения 97

CONTENTS

INTERNATIONAL LAW

- Bezborodov Yu. S., Likhachev M. A.**
Eurasian Regionalism: Post-Soviet Apology or Utopia of Universalism? 4
- Lunev A. A.**
Scientific Discussion on the International Legal Personality of National
Legal Entities 12

THEORY OF STATE AND LAW

- Nazarkova E. O.**
Joint Temporal Scope of Normative and Interpretative Acts' Concept:
Theory and Practice 27

CONSTITUTIONAL LAW

- Maksurov A. A.**
The Concept and Forms of Associations of Citizens for Religious
Purposes in Russia, Italy, and France: A Comparative Legal Analysis 35

CIVIL LAW

- Teterin T. D.**
Compensation for Employees' Objects of Patent Law in Russia and England 48
- Tikhonov A. N.**
Some Aspects of the Legal Regulation of Surrogacy Relations 56

CIVIL AND COMMERCIAL PROCEDURE

- Yarkov V. V.**
Does Article 248.1 of the CPC of the Russian Federation Establish a Presumption
of Restriction of the Procedural Rights of Russian Persons under Sanctions? 65
- Dvurechinsky D. V.**
Conclusive Actions and Inaction in Civil Procedure 74

ADMINISTRATIVE LAW

- Domchenko A. S.**
Administrative Regime as a Sign of a Regulatory Administrative Act 83

CRIMINAL PROCEDURE

- Nikitina E. V., Ramenskaya V. S.**
Getting Information from Jurors: Procedural Issues Arising in Connection
with the Legal Position of the Constitutional Court of the Russian Federation 91

LABOR LAW AND LAW OF SOCIAL SECURITY

- Golosova N. S.**
Development of Scientific Ideas about the Social Protection of Certain Categories
of Children in Research on Labor Law and Social Security Law 97

Ю. С. Безбородов, М. А. Лихачев
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)
Тюменский государственный университет
(Тюмень)

ЕВРАЗИЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ: ПОСТСОВЕТСКАЯ АПОЛОГИЯ ИЛИ УТОПИЯ УНИВЕРСАЛИЗМА?*

В статье описана работа дискуссионной панели, организованной в рамках XVI сессии Европейско-Азиатского правового конгресса «Баланс интересов в праве». Отмечается, что универсализация и регионализация – двуединый процесс, а не противоположные тренды. Глобализированный мир не оставляет иного пути, кроме разноформатной интеграции в широком смысле слова для включения государств во всеобщую повестку и для продвижения национальных интересов. Современное международное право требует объединения усилий правительств на основе баланса национальных интересов между собой, с одной стороны, и с интересами международного сообщества – с другой. Универсальность если и утопична, то как нормативная цель, требующая последовательности и уступок.

Евразийские идеи в правовом варианте, в том числе в области прав человека, подчинены общим задачам универсальности, выражающим интересы международного сообщества. Любые локальные проекты не должны выстраиваться на оппозиции требованиям современного международного права, а должны именно дополнять их. Местнические инициативы из разряда «особого пути» обречены: человечество к настоящему времени уже прошло слишком долгий путь ценой исполинских усилий, чтобы «пересоздавать» в целом неплохо работающую систему в угоду политической конъюнктуре или «переписывать» отработанные стандарты (например, правозащитные) под настроения отдельных национальных лидеров.

Ключевые слова: универсализация, регионализация, Евразия, интеграция, правозащитный механизм, ШОС, ЕАЭС, международное право

Для цитирования

Безбородов Ю. С., Лихачев М. А. Евразийский регионализм: постсоветская апология или утопия универсализма? // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 4–11. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_4.

УДК 341.176

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_4

Ключевая тема проведенной в начале лета 2023 г. XVI сессии Европейско-Азиатского правового конгресса – «Баланс интересов в праве». Направление панельной дискуссии, организованной в рамках Конгресса кафедрой международного и европейского права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева, вторит заявленной тематике: оно посвящено оценке потенциала евразийской интеграции, в первую очередь в сфере прав человека и в вопросах экологического сотрудничества. Процесс такой интеграции связан с неоднозначными и даже противоречивыми интересами

реальных и потенциальных акторов: после выхода РФ из Совета Европы для нас актуально участие в региональном правозащитном механизме [Международное право 2023: 345]; для государств евразийского региона такая выгода и даже заинтересованность в проекте неочевидны. Как показывает практика, евразийские партнеры крайне осторожно идут на усиление сотрудничества с РФ в неэкономической сфере.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00874. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00874/>.

Научное сообщество центрально-азиатских государств не пришло к консенсусу относительно необходимости и даже целесообразности развития правозащитного вектора евразийской интеграции [Оганесян 2019: 83–85]. Осторожность в формулировке темы панельной дискуссии даст коллегам из Центральной Азии большую свободу в оценке правозащитных инициатив на евразийском пространстве.

«Апология» и «утопия» в названии дискуссии – не эмоциональные и тем более не ироничные характеристики, а узнаваемые любым международником маркеры проблемы. Предложенное название обыгрывает наименование фундаментального труда авторитетного международника Марти Коскениemi по проблемам международно-правовой аргументации – «*From Apology to Utopia*» [Koskenniemi 2005]. Его публикация – знаковая веха постмодернизма в международном праве и международных отношениях. Именно этим совершенно прозрачным в среде международников намеком организаторы задали дискуссии постмодернистский тон.

Парадоксом последних десятилетий в международно-правовом измерении является одновременное существование двух противоположных тенденций – универсализма и регионализма. Эти две тенденции пронизывают всю социальную реальность и все международное право как проявление этой реальности. Разная социальная сущность, разная скорость и степень интенсивности сотрудничества государств – вот что подпитывает регионализацию и притормаживает общие процессы универсализации. Там, где универсальный подход оказывается неэффективным и дает явные сбои, там, где государствам сложно добиться согласия по глобальным проблемам, верх берет регионализм [Безбородов 2020: 47].

В международном праве, регулирующем отношения в первую очередь между суверенными государствами и сохраняющем преимущественно публично-правовую природу¹, сложно выстроить научно беспристрастный баланс интересов, не увлекшись политологическим анализом. Дабы нивелировать или хотя бы снизить такие риски,

организаторы панельной дискуссии сосредоточились на балансе международно-правовых интересов в аспекте соотношения универсализма и регионализма (существуют интересы универсальные, свойственные всему мировому сообществу, и региональные, характерные для конкретного региона).

Панельная дискуссия была выстроена вокруг двух блоков для обсуждения с двумя спикерами в каждом. Первый посвящен особенностям сотрудничества на постсоветском пространстве, а второй – евразийскому региональному механизму защиты прав человека, его возможностям в текущих реалиях².

Модератором первого блока выступил профессор кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева Юрий Сергеевич Безбородов. Первым направлением для научного анализа и дискуссии стали евразийское пространство, особенности межгосударственного взаимодействия в нем и готовность государств перейти от декларативных форм сотрудничества к интеграционным. Основным спикером заявленного направления выступил профессор Казанского (Приволжского) федерального университета Руستم Шамилович Давлетгильдеев.

Евразийский регион имеет особое геополитическое значение и потенциал в связи с включением в него некоторых крупнейших во всех смыслах акторов-государств, за счет своей территориальной протяженности и самой существенной физической основы – популяции, а также вследствие своей неоднородности и нестабильности – экономической, политической и идеологической [Marochkin, Bezborodov 2022].

В доктрине международного права не сложилось единого мнения о существовании и наполнении как евразийского, так и постсоветского пространства. Евразийский регион является в большей степени географическим, поэтому в науке не возникает особых трудностей с определением его границ, как в случае с постсоветским регионом, поскольку его первичная характеристика – геополитическая.

Некоторые исследователи полагают, что постсоветского пространства как отдельно-

¹ PCIJ. The Case of the S. S. «Lotus» (France v. Turkey). Judgment of 7 September 1927 // URL: <https://documents.law.yale.edu/sites/default/files/SS%20Lotus%20-%20PCIJ%20-%201927.pdf> (дата обращения: 06.05.2023).

² Деловая программа XVI сессии Европейско-Азиатского правового конгресса // URL: <https://lawcongress.ru/programma/delovaya-programma/> (дата обращения: 06.05.2023).

го региона не существует, другие считают, что постсоветское пространство существовать перестало, а третьи склонны предполагать, что оно находится в процессе распада. В качестве доказательства заключений об отсутствии постсоветского пространства как такового часто приводят тот факт, что на данной территории у государств внешнеполитические ориентиры достаточно разновекторные. Одни стремятся к евразийской интеграции и видят свое будущее в сотрудничестве с Российской Федерацией, другие тяготеют к Западу, у третьих внешнеполитические ориентиры весьма размыты: в разные периоды своей истории они видели в качестве партнеров и США со странами Запада, и Россию, и Китай. В любом случае потребность в сотрудничестве в этом регионе очевидна, и проявляется она в создании межправительственных блоков, в том числе интеграционных.

Государство-локомотив региональной интеграции должно интенсифицировать работу по наполнению нормативного массива в рамках ЕАЭС прежде всего

Страны-члены СНГ унаследовали от бывшего СССР ряд системных связей, которые объективно подталкивают их к воссозданию в новых условиях комплекса международных хозяйственных связей интеграционного типа. Вместе с тем на постсоветском пространстве наблюдаются смешение различных интеграционных и дезинтеграционных факторов, активное противодействие процессам сближения (в том числе правового) постсоветского пространства как вне этих государств, так и внутри них, обострение отношений между странами Запада и Российской Федерацией.

Тщательно проанализировав особенности сотрудничества государств на евразийском и постсоветском пространстве, Р. Ш. Давлетгильдеев пришел к выводу о том, что такое сотрудничество, в том числе в рамках интеграции, во многом осуществляется по принципу ситуативного регулирования. И действительно, основной особенностью правовой интеграции постсоветского пространства является то, что этот процесс проходит в большей степени в институциональных формах,

нежели в нормативных. В рамках дискуссии были обозначены важные для международного права маркеры, связанные с оценкой качества сотрудничества государств (произошел ли переход от деклараций к интеграции?). Кроме того, был поставлен значимый для юридической доктрины вопрос: может ли в принципе интеграция быть политическим инструментом, или это инструмент сугубо экономический?

Сегодня апогеем интеграционных процессов на постсоветском пространстве является ЕАЭС – региональная международная организация интеграционного толка, которая охватывает постсоветский регион и выходит за его рамки. Совершенно оправданно обсуждение особенностей сотрудничества государств в рамках панельной дискуссии расширило географические рамки и вышло на новый – евразийский – уровень. Благодаря ключевому докладу профессора Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина Натальи Александровны Соколовой акцент обсуждения международно-правовых проблем сместился в область ЕАЭС и того, как работают евразийские стандарты в международных экологических отношениях. Подвергнув анализу такую узкую сферу сотрудничества государств в рамках ЕАЭС, как сфера экологии, Н. А. Соколова достаточно критично оценила качество такого сотрудничества, однако увидела положительные перспективы для Российской Федерации в этих процессах: государство-локомотив региональной интеграции должно интенсифицировать работу по наполнению нормативного массива в рамках ЕАЭС прежде всего. Положительных перспектив у правовой интеграции постсоветского и евразийского пространства только две: или усиление нормативной составляющей правовой интеграции, оформленной в настоящее время в ЕАЭС, или же построение новых интеграционных блоков, что называется, «с нуля». Первое направление, очевидно, является самым приоритетным и жизнеспособным.

Второй блок панельной дискуссии (повторим) был посвящен евразийскому региональному механизму защиты прав человека: возможностям его построения и реалиям функционирования. Модератором стал профессор Тюменского государственного

университета Сергей Юрьевич Марочкин. С докладами выступили доцент Сибирского федерального университета Валентина Владимировна Терешкова и доцент Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева Максим Александрович Лихачев. В. В. Терешкова представила оценку прикладных аспектов учреждения и деятельности возможного регионального правозащитного механизма (институциональные решения, каталог прав человека). М. А. Лихачев с более общих позиций сосредоточился на проблеме универсальности прав человека (необходимость таковой, ее условия).

В. В. Терешкова обратила внимание на преобладание релятивистской риторики в политическом дискурсе государств-участников евразийских интеграционных проектов. Так, глава внешнеполитического ведомства Китая Цинь Ган прямо заявлял, что «...с учетом различий культур, традиций, конкретных национальных особенностей и стремлений народов стран мира модели осуществления прав человека по единым лекалам вообще не бывает»¹.

Конституционная практика государств-членов ШОС и БРИКС оставляет противоречивое ощущение: далеко не все национальные конституции признают за правами человека высшую ценность. Стратегические документы ШОС хотя и упоминают права человека как конструкцию, все же смещают акцент в пользу отдельных прав в области культурного сотрудничества. Идентичный перечень прав вовсе не гарантирует единообразия в их содержании: в этом смысле обманчиво сходство Конвенции СНГ о правах человека и Европейской конвенции по правам человека.

Среди возможных механизмов защиты прав человека предпочтение следует отдавать суду как органу, состоящему из независимых компетентных членов и принимающему юридически обязательные решения. Рекомендации несудебных органов малоэффективны, да и универсальные механизмы в этой части справляются со своей задачей. Некоторым потенциалом в правозащитном направлении обладает Суд Евразийского экономического союза, формальных препятствий для доступа к нему индивидов нет. Однако такой

Суд все-таки создавался для рассмотрения специальных экономических споров и изначально обладает ограниченными наднациональными полномочиями. Подобное расширение компетенции Суда ЕАЭС потребует не только внесения изменений в учредительные документы, но и пересмотра подходов к квалификации судей, процедуре их избрания, применяемых Судом методов толкования международно-правовых норм и выстраивания неизбежного и необходимого диалога с национальными судами в части установления правозащитных стандартов.

М. А. Лихачев обратился к историческим истокам идеи прав человека. Во-первых, эта идея глубоко европоцентрична по происхождению и по содержанию. Во-вторых, такая европоцентричность не исключает возможности существования универсальных прав человека.

Современная международно-правовая концепция прав человека берет начало в либерально-гуманистических идеях эпохи Ренессанса и последовавшей за ним эпохи Просвещения [Толстых 2016: 48; Haas 2014: 26–30; Koskenniemi 2018: 41–42; Shelton 2013: 2]. На тот же период XIV–XVI вв. пришлось формирование современного государства [Cassese 2014: 50]. В этих условиях права человека рождаются как дискурсивный инструмент построения и структурирования отношений человека и государства [Трудобов 2015: 112–113; Шайо, Уитц 2021: 459, 493–497].

Другой важный фактор становления идеи прав человека – христианская идеология. «Возрождение связало богоподобие человека и вездесущность Бога» в идее человеческого достоинства [Толстых 2016: 53], а гуманизм Просвещения возвел человека на Олимп, обозначив его превосходство в природном разуме и неотчуждаемой свободе [Braidotti 2013: 13–14].

Несмотря на выраженную европоцентричность правозащитной концепции, важно то, каким образом во второй половине XX в. она универсализировалась. Показательна в этом плане история создания Всеобщей декларации прав человека 1948 г.: в подготовке ее текста принимали участие представители условных западного и восточного миров [Nowak 2022], а при голосовании в Генеральной Ассамблее ни один из тогдашних 56 членов ООН не решился проголосовать против [Green 2018].

¹ Цинь Ган выступил с видеообращением на сегменте высокого уровня 52-й сессии Совета ООН по правам человека // URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202303/t20230301_11033362.html (дата обращения: 06.05.2023).

Еще одно основание современной правозащитной концепции – идея преследования преступлений против человечности. Криминализация преступлений государства против собственного населения бесповоротно разрушила герметичность национального правопорядка: «жестокости, совершенные в отношении гражданского населения» влекут индивидуальную ответственность вне зависимости от положений внутреннего права (ст. 6 «с» Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге). В основании криминализации такого поведения лежат представления об универсальной общечеловеческой морали, диктующей необходимость защиты человека и его высшую ценность [Верле 2011: 6–8]¹.

Во второй половине XX в. права человека вышли за рамки отдельной, пусть и важной предметной сферы межгосударственного сотрудничества, став дискурсивным средством, пригодным для применения и необходимым в любой международно-правовой области. Сегодня права человека – это элемент глобальной повестки в сфере безопасности, фактор защиты окружающей среды и борьбы с экологическим кризисом, направление региональной интеграции, цель и инструмент международного уголовного правосудия.

Несмотря на это, достаточно сторонников так называемого правового релятивизма, отрицающих саму возможность универсального понимания прав человека. Одна из причин такого релятивизма – упрек в адрес прав человека в их политизированности [Kolb, Kilibarda, 2022; Бенуа 2009: 339]. Однако их имманентная политизированность определяет их высокую гибкость. Отсюда и применимые техники для определения содержания прав

¹ См. также: *Murphy S. D. Crimes Against Humanity. International Law Commission. First Report on Crimes Against Humanity. 2015 // URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_680.pdf (дата обращения: 06.05.2023).*

человека в конкретной ситуации: балансирование частного и публичного интереса, частных интересов, поле усмотрения государства, межгосударственный консенсус, эволютивное (динамичное) толкование, пропорциональность ограничения, субсидиарность [Харрис, О'Бойл, Уорбрик 2021: 8–27; Shany 2018: 14–19].

Апеллируют к релятивизму чаще всего государства с сомнительным правозащитным бэкграундом и уж явно не для расширения гарантий свободы своих граждан [Велижев, Атнашев, Зорин 2018: 9–10]. Решить проблему культурного разнообразия можно за счет просветительских усилий государственной пропаганды и решительной защиты интересов меньшинств от диктата большинства [Binderup 2022: 29–33].

Зато текущая практика применения прав человека в качестве риторического приема и референтной точки для обсуждения прав корпораций, животных, природы вообще [Kauffman, Martin 2018: 46–47; Jones 2021: 84–85, 87, 90] свидетельствует о том, сама правозащитная идея давно переросла проблему собственной универсальности: якобы права человека универсальны настолько, что теперь пришло время с их помощью защищать сущности не-человеческие.

Едва ли универсальность прав человека – эмпирическая реальность. Скорее, это нормативное притязание, задающее динамику социально-правового и политического развития. В этом смысле универсальные права человека – реальная ценность международного правопорядка и необходимое условие его существования. Признание ценности человеческого достоинства, вызванное трагическими лишениями мировых войн и тоталитарного прошлого, диктует безальтернативность универсального правозащитного дискурса и равенства человека перед международным правом.

Список литературы

Binderup L. G. Universalism and (Cultural) Relativism // Elgar Encyclopedia of Human Rights. 2022. URL: <https://www.elgaronline.com/display/book/9781789903621/9781789903621.xml> (дата обращения: 06.05.2023).

Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013. 229 p.

Cassese A. States: Rise and Decline of the Primary Subject of International Community // The Oxford Handbook of the History of International Law / ed. by B. Fassbender, A. Peters. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 39–70.

Green C. 70 Years of Impact: Insights on the Universal Declaration of Human Rights. 2018 // URL: <https://unfoundation.org/blog/post/70-years-of-impact-insights-on-the-universal-declaration-of-human-rights/> (дата обращения: 06.05.2023).

Haas M. International Human Rights. A Comprehensive Introduction. 2nd ed. L.; N. Y.: Routledge, 2014, 663 p.

Jones E. Posthuman International Law and the Rights of Nature // Journal of Human Rights and the Environment. 2021. Vol. 12. P. 76–102.

Kauffman C. M., Martin P. L. Constructing Rights of Nature Norms in the US, Ecuador, and New Zealand // Global Environmental Politics. 2018. Vol. 18. P. 43–62.

Kolb R., Kilibarda P. Human Rights and Humanitarian Law // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. 2022. URL: <https://opil.ouplaw.com/home/MPIL> (дата обращения: 06.05.2023).

Koskeniemi M. From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 704 p.

Koskeniemi M. Rights, History, Critique // Human Rights: Moral or Political? / ed. by A. Stinson. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 41–61.

Marochkin S., Bezborodov Yu. The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons. L.; N. Y.: Routledge, 2022. 262 p. DOI: 10.4324/9781003170617.

Nowak M. Universal Declaration of Human Rights // Elgar Encyclopedia of Human Rights. 2022. URL: <https://www.elgaronline.com/display/book/9781789903621/9781789903621.xml> (дата обращения: 06.05.2023).

Shany Y. The Universality of Human Rights: Pragmatism Meets Idealism. N. Y.: The Jacob Blaustein Institute for the Advancement of Human Rights, 2018. 52 p.

Shelton D. Introduction // The Oxford Handbook of International Human Rights Law / ed. by D. Shelton. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 1–8.

Безбородов Ю. С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве: моногр. М.: Проспект, 2020. 240 с.

Бенуа А. де. Против либерализма: к Четвертой политической теории. СПб.: Амфора, 2009. 476 с.

Велижев М. Б., Атнашев Т. М., Зорин А. Л. «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: Нов. лит. обозрение, 2018. 488 с.

Верле Г. Принципы международного уголовного права. Одесса: Фенікс; М.: ТрансЛит, 2011. 910 с.

Международное право: учеб. / отв. ред. Л. А. Лазутин, Ю. С. Безбородов, М. А. Лихачев. М.: Норма; Инфра-М, 2023. 656 с. DOI: 10.12737/1983247.

Оганесян Т. «Азиатские ценности» и их роль в становлении субрегиональной системы защиты прав человека в Азии // Международное правосудие. 2019. № 1. С. 81–92.

Толстых В. Л. Ренессансное понимание достоинства и его влияние на современную концепцию прав человека // Правоведение. 2016. № 2. С. 48–61.

Трудолюбов М. Люди за забором: частное пространство, власть и собственность в России. М.: Нов. изд-во, 2015. 246 с.

Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. Право Европейской конвенции по правам человека. М.: Развитие правовых систем, 2021. 1432 с.

Шайо А., Уитц Р. Конституция свободы: введение в юридический конституционализм. М.: Ин-т права и публич. политики, 2021. 579 с.

Юрий Сергеевич Безбородов – доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21; ведущий научный сотрудник Тюменского государственного университета. 625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Володарского, д. 6. E-mail: yury.bezborodov@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-5782-417X

Максим Александрович Лихачев – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21; научный сотрудник Тюменского государственного университета. 625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Володарского, д. 6. E-mail: m.a.likhachev@gmail.com.
ORCID: 0000-0002-7848-5007

Eurasian Regionalism: Post-Soviet Apology or Utopia of Universalism?

The authors describe the work of the discussion panel organized within the framework of the XVI session of the European-Asian Legal Congress «Balance of Interests in Law». It is stated, that universalization and regionalization are not contradictory trends but a two-fold process. There is no other way to be included in the global agenda and to advance national interests than multifaceted integration lato sensu. The modern international law demands states to balance their national interests with one another and them all with the interests of the international community. Even if utopian, universality is a normative aim to be followed consistently and decisively.

Eurasian ideas about law and human rights are inferior to the requirements of the universality and interests of the international community. All regional projects should not be opposed to the demands of international law but should implement and enhance international standards. Parochial initiatives are of no prospect: too much has been done and paid to reach the current stage of universality in international law to give in to demands of reconsideration and reconstruction of universal standards (despite proper critique of their vagueness and weakness) and whims of national authoritative powers.

Keywords: universalization, regionalization, Eurasia, integration, human rights mechanism, SCO, EAEU, international law

Recommended citation

Bezborodov Yu. S., Likhachev M. A. Evraziiskii regionalizm: postsovetskaya apologiya ili utopiya universalizma? [Eurasian Regionalism: Post-Soviet Apology or Utopia of Universalism?], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 4–11, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_4.

References

Benua A. de. *Protiv liberalizma: k Chetvertoi politicheskoi teorii* [Against Liberalism: Towards a Fourth Political Theory], Saint Petersburg, Amfora, 2009, 476 p.

Bezborodov Yu. S. *Metody i formy pravovoi konvergentsii v mezhdunarodnom prave* [Methods and Forms of Legal Convergence in International Law], Moscow, Prospekt, 2020, 240 p.

Binderup L. G. *Universalism and (Cultural) Relativism*, *Elgar Encyclopedia of Human Rights*, 2022, available at: <https://www.elgaronline.com/display/book/9781789903621/9781789903621.xml> (accessed: 06.05.2023).

Braidotti R. *The Posthuman*, Cambridge, Polity Press, 2013, 229 p.

Cassese A. *States: Rise and Decline of the Primary Subject of International Community*, Fassbender B., Peters A. (eds.) *The Oxford Handbook of the History of International Law*, Oxford, Oxford University Press, 2014, pp. 39–70.

Green C. *70 Years of Impact: Insights on the Universal Declaration of Human Rights*, 2018, available at: <https://unfoundation.org/blog/post/70-years-of-impact-insights-on-the-universal-declaration-of-human-rights/> (accessed: 06.05.2023).

Haas M. *International Human Rights. A Comprehensive Introduction*, London, New York, Routledge, 2014, 663 p.

Jones E. Posthuman International Law and the Rights of Nature, *Journal of Human Rights and the Environment*, 2021, vol. 12, pp. 76–102.

Kauffman C. M., Martin P. L. Constructing Rights of Nature Norms in the US, Ecuador, and New Zealand, *Global Environmental Politics*, 2018, vol. 18, pp. 43–62.

Kharris D., O'Boil M., Uorbrik K. *Pravo Evropeiskoi konventsii po pravam cheloveka* [The Law of the European Convention on Human Rights], Moscow, Razvitie pravovykh sistem, 2021, 1432 p.

Kolb R., Kilibarda P. *Human Rights and Humanitarian Law*, *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*, 2022, available at: <https://opil.ouplaw.com/home/MPIL> (accessed: 06.05.2023).

Koskenniemi M. *From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument*, Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 704 p.

Koskenniemi M. *Rights, History, Critique*, Stinson A. (ed.) *Human Rights: Moral or Political?* Oxford, Oxford University Press, 2018, pp. 41–61.

Lazutin L. A., Bezborodov Yu. S., Likhachev M. A. (eds.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Norma, Infra-M, 2023, 656 p., DOI: 10.12737/1983247.

Marochkin S., Bezborodov Yu. *The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons*, London, New York, Routledge, 2022, 262 p., DOI: 10.4324/9781003170617.

Nowak M. *Universal Declaration of Human Rights*, *Elgar Encyclopedia of Human Rights*, 2022, available at: <https://www.elgaronline.com/display/book/9781789903621/9781789903621.xml> (accessed: 06.05.2023).

Oganesyan T. «Aziatskie tsennosti» i ikh rol' v stanovlenii subregional'noi sistemy zashchity prav cheloveka v Azii [«Asian Values» and their Role in the Emergence of a Sub-Regional Human Rights Protection System in Asia], *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2019, no. 1, pp. 81–92.

Shaio A., Uitts R. *Konstitutsiya svobody: vvedenie v yuridicheskii konstitutsionalizm* [The Constitution of Liberty: An Introduction to Legal Constitutionalism], Moscow, In-t prava i publich. politiki, 2021, 579 p.

Shany Y. *The Universality of Human Rights: Pragmatism Meets Idealism*, New York, The Jacob Blaustein Institute for the Advancement of Human Rights, 2018, 52 p.

Shelton D. *Introduction, The Oxford Handbook of International Human Rights Law*, Oxford, Oxford University Press, 2013, pp. 1–8.

Tolstykh V. L. *Renessansnoe ponimanie dostoinstva i ego vliyanie na sovremennuyu kontseptsiyu prav cheloveka* [Renaissance Understanding of Dignity and Its Influence on Modern Conception of Human Rights], *Pravovedenie*, 2016, no. 2, pp. 48–61.

Trudolyubov M. *Lyudi za zaborom: chastnoe prostranstvo, vlast' i sobstvennost' v Rossii* [People Behind the Fence: Private Space, Power and Property in Russia], Moscow, Nov. izd-vo, 2015, 246 p.

Velizhev M. B., Atnashev T. M., Zorin A. L. «Osobyi put'»: ot ideologii k metodu [The Particular Way: From Ideology to Method], Moscow, Nov. lit. obozrenie, 2018, 488 p.

Verle G. *Printsipy mezhdunarodnogo ugolovnogo prava* [Principles of International Criminal Law], Odessa, Feniks, Moscow, TransLit, 2011, 910 p.

Yurii Bezborodov – doctor of juridical sciences, professor of the Department of international and European law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21; leading researcher, Tyumen State University. 625003, Russian Federation, Tyumen, Volodarskogo str., 6. E-mail: yury.bezborodov@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-5782-417X

Maksim Likhachev – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of international and European law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21; researcher, Tyumen State University. 625003, Russian Federation, Tyumen, Volodarskogo str., 6. E-mail: m.a.likhachev@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-7848-5007

Дата поступления в редакцию / Received: 28.06.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023

А. А. Лунёв

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Несмотря на очевидное влияние коммерческих компаний, некоммерческих организаций, транснациональных корпораций на международные отношения, в науке до сих пор ведутся споры о том, могут ли такие образования быть носителями международных прав и обязанностей и следует ли считать их субъектами международного права. В статье анализируются два основных подхода к рассмотрению правосубъектности юридических лиц – отрицательный и позитивный. Согласно первому подходу активность частных лиц в международном праве опосредована государством. Следовательно, национальные юридические лица могут быть субъектами лишь национального или транснационального права, но не международного права. Сторонники второго подхода отвергают эти аргументы и утверждают, что современный международный правопорядок обеспечивает юридическим лицам собственные материальные и процессуальные права. В конце работы также исследуется третий подход, согласно которому классическое понимание субъекта права не отражает современную действительность, и юридических лиц в таком случае нужно рассматривать не как субъектов права, а как акторов международно-правовой системы или же образований *sui generis*.

Автор критикует отрицательное отношение к международной правосубъектности национальных юридических лиц и приходит к выводу о том, что сегодня их необходимо рассматривать как полноценных участников международных правоотношений, т. е. как субъектов международного права.

Ключевые слова: юридические лица, ТНК, международно-правовой статус, международная правосубъектность, доктрина

Для цитирования

Лунёв А. А. Научная дискуссия о международной правосубъектности национальных юридических лиц // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 12–26. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_12.

УДК 341

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_12

Введение

На современные международные экономические и социальные процессы значительное влияние оказывают различные юридические лица. Крупные компании, в первую очередь транснациональные корпорации (далее – ТНК), такие как *Apple*, *British Petroleum*, *General Motors*, *Microsoft*, *Nestle*, *Tesla*, являются ведущими участниками торговой, инвестиционной и иных финансово-экономических сфер деятельности наравне с государ-

ствами. Усиливается значение правозащитных и природоохранных организаций и движений. Немаловажную роль юридические лица играют и в вооруженных конфликтах. Речь идет не только о Международном Комитете Красного Креста, обладающем широкими полномочиями гуманитарного характера, но и о частных военных компаниях, которые зачастую выступают определяющей силой в конфликте. Так, в 2014 г. мировой рынок частных военных компаний составлял не-

сколько сотен миллиардов долларов ежегодно и обслуживал более ста стран на шести континентах [Буше-Сольнье 2017: 945].

При таких «могущественных» позициях юридические лица не могут не воздействовать в том числе на международные политические процессы. Известный американский политолог Най Джозеф еще во второй половине XX в. указывал, что современные ТНК оказывают влияние на мировую политику прямо и косвенно [Joseph 1974: 153–175].

В первом случае ТНК могут осуществлять свою собственную внешнюю политику, воздействуя на другие государства с помощью экономических факторов. К примеру, они могут обещать новые инвестиции или же, наоборот, угрожать выводом денежных средств.

Так, с использованием упомянутых способов в прошлом столетии осуществлялась политика американской транснациональной корпорации *United Fruit Company* (UFCO) на территории «банановых республик». Владея обширными территориями и транспортными сетями, компания оказала сильное влияние на экономическое и политическое развитие ряда латиноамериканских стран. Однако у такого влияния была сомнительная репутация: с одной стороны, UFCO обеспечивала тысячи рабочих мест, прокладывала железные дороги, занималась строительством портов, учебных заведений, больниц и жилья; с другой стороны, компания часто критиковалась за подкуп правительств принимающих государств в обмен на льготы и благоприятный налоговый режим, за эксплуатацию своих работников, несоблюдение их трудовых и социальных прав, а также за агрессивную монополизацию рынка. UFCO активно вмешивалась во внутреннюю политику принимающих государств, особенно в случаях, в которых ее выгодное положение находилось под угрозой. В частности, в 50-е гг. XX в. компания деятельно способствовала свержению «неудобного» гватемальского лидера, убеждая руководство США организовать государственный переворот.

Вместе с тем транснациональные корпорации сами могут стать «инструментами давления» как со стороны государства регистрации, так и со стороны принимающего государства для осуществления их внешнеполитических целей. Именно таким образом

в 70-е гг. XX в. страны Ближнего Востока смогли добиться от западных нефтяных компаний (*Gulf Oil*, *Royal Dutch Shell* и др.) практически полного соблюдения нефтяного эмбарго, введенного против США, Нидерландов и других стран, поддержавших Израиль в ходе Войны Судного дня. Эти события спровоцировали в 1973 г. крупный нефтяной кризис.

Косвенное влияние корпораций на международную политику заключается в том, что корпорации своей деятельностью вынуждают государства развивать и реформировать их антимонопольное законодательство, регулировать торговые ограничения и налоговую политику, взаимодействовать с другими государствами по торговым и промышленно-производственным вопросам. Тем самым ТНК определяют повестку межгосударственного сотрудничества [Joseph 1974: 159–161].

Тем не менее, несмотря на такое влиятельное положение юридических лиц в мировой политике, их международно-правовой статус в науке до сих пор является предметом споров.

Специальное и общетеоретическое понимание международной правосубъектности

Средневековый юрист Альберико Джентили писал: «Существуют вещи, которые настолько хорошо известны, что если вы попытаетесь объяснить их смысл, то он тут же ускользает» [Цит. по: Koskenniemi 2021: 233]. Пожалуй, эта цитата верно характеризует современное состояние международной правосубъектности. Очевидной кажется *prima facie* фундаментальность этой концепции в международном праве, однако при более детальном изучении исследователь неизбежно сталкивается с большими различиями в ее интерпретации научным сообществом¹.

Нет проблемы в том, что международную правосубъектность ученые-юристы определяют по-разному. Скорее, наоборот, как указывает В. Л. Толстых, прочно укоренился подход, согласно которому под международ-

¹ Как справедливо отмечает американский юрист Хосе Альварес, в действительности значимость международной правосубъектности кажется очевидной из-за того, что за последнее столетие практически в каждом международно-правовом научном труде этой концепции отводится почетное место наряду с источниками, указанными в ст. 38 Статута Международного суда ООН [Alvarez 2011: 25].

ной правосубъектностью понимается способность лица или образования быть участником международных правоотношений [Толстых 2009: 281–282]. Научная дискуссия сосредоточена на другом: обладает ли это лицо или образование достаточными признаками, чтобы быть таким участником, т. е. субъектом международного права. Несмотря на разноеобразие доктринальных позиций, можно выделить два основных подхода к пониманию субъекта международного права: специальный и общетеоретический [Международное право 2023: 70].

Специальный подход был распространен в советской доктрине и сохраняется отчасти в современной российской науке. Он базируется на этатистских воззрениях: поскольку государства, как принято считать, являются основными и первичными субъектами международного права, то правосубъектность иных образований должна быть им аналогична и соответствовать следующим признакам.

Для субъекта международного права достаточно иметь субъективные права и юридические обязанности по международному праву

Во-первых, субъекты международного права должны обладать способностью заключать международные договоры. По мнению Д. И. Фельдмана и Г. И. Курдюкова, качество международной договороспособности – основной признак субъекта международного права [Фельдман, Курдюков 1974: 47].

Во-вторых, субъекты должны участвовать в процессе образования норм международного права [Международное право 2015: 74]. В. М. Шуршалов отмечал при этом, что субъекты международного права являются не только единственными создателями норм международного права, но и силой, обеспечивающей соблюдение этих норм [Шуршалов 1971: 54].

В-третьих, субъекты международного права должны обладать независимым международным статусом и быть подчиненными непосредственно международному праву. И. И. Лукашук считал, что «международная правосубъектность есть юридическое выра-

жение членства в международном сообществе» [Лукашук 2007: 104].

Некоторые авторы также в качестве признака субъекта международного права выделяют его «коллективность», т. е. наличие у субъекта международного права элементов организации [Бирюков 2016: 104]. Н. А. Ушаков писал, что фактическое наличие такой организации является необходимой предпосылкой правоспособности субъекта международного права [Курс международного права 1989: 163]. Следовательно, согласно этому подходу субъектами международного права считаются *ipso facto* государства, а также народы, борющиеся за независимость, государствовподобные образования и международные межправительственные организации. Однако на этом круг субъектов замыкается. Правосубъектность иных участников, таких как физические и юридические лица, не признается, поскольку они не соответствуют вышеуказанным атрибутам, а их статус в международном праве опосредован межгосударственным сотрудничеством¹. По этой причине специальный подход можно охарактеризовать как довольно ограниченный.

В последние десятилетия в отечественной доктрине наблюдается постепенный отказ от специального подхода как не соответствующего современным реалиям в пользу общетеоретического. Его суть раскрыл Г. В. Игнатенко: «...Есть все основания для того, чтобы распространить на международное право понимание субъекта права, принятое в общей теории права, т. е. идентифицировать понятие „субъект международного права“ с юридической возможностью участия в правоотношениях, регулируемых международно-правовыми нормами, и обладания необходимыми для этого правами и обязанностями» [Международное право 2017: 69]. Таким образом, по мнению сторонников общетеоретического подхода, для субъекта международного права достаточно иметь субъективные права и юридические обязанности по международному праву. Обладать для этого специальными признаками

¹ Индивида в таком случае характеризуют в качестве «бенефициария международного права» (И. И. Лукашук), или «выгодоприобретателя» (В. М. Шумилов), или «дестинатора международно-правовых норм» (С. В. Черниченко).

не требуется. Отсюда признается правосубъектность физических и юридических лиц.

Важно подчеркнуть, что речь идет только об ограниченной международной правосубъектности частных лиц, поскольку они не могут участвовать в любых международных правоотношениях, в отличие от государств. Однако это никак не влияет на их статус как субъектов международного права. Н. В. Захарова справедливо утверждает, что «качество правосубъектности лицо приобретает вне зависимости от величины круга правоотношений, в которых оно участвует. Достаточно наличия одного такого правоотношения, чтобы приобрести качество правосубъектности» [Захарова 1989: 114].

М. А. Лихачев следующим образом объясняет, как индивид проявляет свою международную правосубъектность [Международное право 2023: 111–118]. В первую очередь индивид обладает материальными правами и свободами непосредственно по международному праву¹. Об этом свидетельствуют как международно-правовые документы универсального² и регионального³ уровня, так и практика Международного суда ООН. Так, в деле братьев Лагранд 2001 г. Международный суд ООН указал, что нормы международного права не только регулируют отношения между государствами, но и устанавливают определенные права физических лиц⁴.

Более того, для индивида существует возможность прямо и *proprio nomine* процессуально обеспечить защиту этих прав, обратившись в соответствующие международные органы: Европейский Суд по правам человека, договорные органы ООН, Межамериканскую комиссию по правам человека, Междуна-

родный центр по урегулированию инвестиционных споров⁵. При обращении индивид заявитель выступает в качестве юридически самостоятельной личности и является при этом процессуально равной государству стороной.

Помимо международных прав и свобод, индивид также наделен международными обязанностями и в случае их нарушения может нести международно-правовую ответственность. Наиболее явно это проявляется в международном уголовном праве, когда индивид привлекается к ответственности за совершение международных преступлений. Нюрнбергский трибунал указывал, что международное право налагает обязанности не только на государства, но и на физических лиц. Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными образованиями, и только путем наказания лиц, совершающих такие преступления, можно обеспечить соблюдение положений международного права [Trial of the Major War Criminals 1945–1946: 223].

Следовательно, индивид – субъект международного права, поскольку обладает международными материальными и процессуальными правами, несет международные обязанности и может быть привлечен к международной ответственности.

В действительности сложно не учитывать то важное влияние, какое человек оказывает на текущий международный правопорядок. Международное право уже давно перестало быть исключительно правом межгосударственным. А. Я. Капустин справедливо замечает, что современные государства серьезно отличаются от своих предшественников прошлых эпох и строят свои отношения с гражданским обществом на иных правовых принципах [Международное право 2014: 140]. Рассматривать в качестве участников международных правоотношений лишь традиционные образования кажется устарелым и неактуальным.

Однако аргументы «за» и «против» высказываются при рассмотрении международ-

¹ В качестве примера такой непосредственной связи можно привести ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. Согласно ей «...государства признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни».

² Например, Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г.

³ Например, Европейская конвенция по правам человека 1950 г., Американская конвенция о правах человека 1969 г., Африканская хартия прав человека и народов 1981 г.

⁴ International Court of Justice. LaGrand (Germany v. United States of America). Judgment of 27 June 2001. P. 32. § 77.

⁵ Р. А. Мюллерсон тем не менее отмечает: «Сложнее, конечно, обстоит дело с международной правосубъектностью индивидов по отношению к международным документам в области прав человека в случаях, если индивид непосредственно не может выступать перед международными органами» [Курс международного права 1989: 179].

ной правосубъектности не только индивида, но и национальных юридических лиц.

Национальные юридические лица – не субъекты международного права

Против признания правосубъектности юридических лиц выступали многие зарубежные ученые-юристы.

Так, английский профессор Ян Броунли относил национальные юридические лица к «спорным случаям» и отмечал, что корпорации, образованные на основании внутригосударственного права, не обладают международной правосубъектностью [Броунли 1977: 117–118].

Итальянский юрист Антонио Кассезе считал, что ТНК не обладают никакими международными правами и обязанностями, а являются субъектами лишь национального и «транснационального» права, поскольку государства, опасаясь влияния таких юридических лиц, никогда не позволят им играть самостоятельную роль в международных делах, стараясь держать их под контролем [Cassese 1986: 103].

Немецкий профессор Питер Маланчук занимает менее категоричную позицию. Он отмечает, что международная правосубъектность компаний (и физических лиц) – довольно редкое явление. Более того, такая правосубъектность производна, поскольку предоставляется исключительно государствами или же международными организациями, которые созданы государствами. Поэтому когда некоторые государства утверждают, что частные лица являются субъектами международного права, в то время как другие государства с этим не согласны, то обе стороны могут быть правы. Если государства первой группы наделяют частных лиц международными правами, то их необходимо считать субъектами международного права в том, что касается этих государств. При этом государства второй группы могут препятствовать наделению частных лиц качеством международной правосубъектности, воздерживаясь от предоставления им каких-либо прав в соответствии с международным правом [Malanczuk 1997: 100–104].

В общих чертах позиция зарубежных юристов, отрицающих правосубъектность юридических лиц, сводится к тезису о том, что деятельность каких-либо частных лиц опосредована государством. Американский

профессор Луи Хенкин утверждал, что многонациональное предприятие не является «лицом» по международному праву. Многонациональное предприятие действует в рамках международной системы как юридическое лицо государства регистрации и подчиняется законодательству любого государства, в котором оно действует [Henkin 1990: 198–199].

Отечественная доктрина в целом исходит из тех же позиций. Если обратиться к до-революционной науке, то на первый взгляд кажется, что внимание положению юридических лиц в международном праве особо не уделялось. Это действительно так, поскольку для юристов той эпохи господствующим было воззрение, согласно которому единственным субъектом международного права является государство [Левин 1982: 135]. Так, Ф. Ф. Мартенс писал: «...Ни частные лица, ни общества, участвующие в международных сношениях, не должны быть считаемы субъектами международного права» [Мартенс 1904: 238–239]. Тем не менее автор рассматривал в качестве международных некоторые права таких обществ: 1) право на признание своего существования со стороны иностранного государства; 2) право на преследование своих законных целей в условиях и пределах иностранной юрисдикции; 3) право на защиту своих прав в иностранных судах [Там же: 333–334]. Однако такие права присущи юридическим лицам все же в международном частном, но не публичном праве.

Советские и некоторые современные российские ученые руководствуются логикой зарубежных «отрицателей» правосубъектности юридических лиц и говорят, что положение частных образований в международном праве опосредовано государством.

Г. И. Тункин писал: «...Влияние [частных корпораций] сказывается в международной системе главным образом через государства. Но это внесистемное влияние. Оно не делает частные корпорации акторами (компонентами) международной системы» [Тункин 1983: 25]. Д. И. Фельдман соглашался с этой позицией и указывал, что ТНК не отвечают критериям субъекта международного права (участие в международных правоотношениях; автономность воли участников международных правоотношений; обладание собственными международными правами и обязанностями) [Feldman 1985: 358–361].

По мнению В. М. Шумилова, международная активность юридических лиц свидетельствует о том, что они являются субъектами не международного, а транснационального права [Шумилов 2016: 73–75].

А. Н. Талалаев указывал, что на практике встречаются многосторонние договоры, в которых наряду с государствами участвуют национальные организации публичного или частного характера. Такие договоры условно называются «смешанными». Однако, по мнению советского ученого, участие данных организаций в «смешанных» договорах не означает, что они становятся субъектами международного права. Эти договоры предусматривают два вида обязательств: с одной стороны, между государствами, т. е. международно-правовые обязательства; с другой – между государствами и несубъектами международного права, т. е. гражданско-правовые и другие не международно-правовые обязательства. Двусторонние договоры между государством или межгосударственной организацией и частной компанией, которые внешне похожи на международные, необходимо считать квазимеждународными [Талалаев 1980: 94–96].

С. В. Черниченко категорически не отрицал правосубъектности юридических лиц, однако доступ индивида в международные органы для защиты своих прав и, следовательно, такой же доступ юридических лиц ученый рассматривал как обязательство государства по соответствующему международному договору. Соглашения между государствами и компаниями, по его мнению, относятся к частноправовым контрактам в сфере международного частного права [Международное право 2006: 164–165].

Отдельно можно выделить позицию Г. М. Вельяминова. С его точки зрения, ТНК не могут претендовать на статус субъекта международного права, поскольку не обладают свойствами государства (территория, население, власть, а также защита своих прав посредством индивидуальной или коллективной обороны), не учреждаются в качестве межправительственных организаций [Вельяминов 2015: 546–550].

Последовательным критиком международной правосубъектности юридических лиц среди отечественных юристов следует признать И. И. Лукашука. По его мнению, современные транснациональные предприятия

не обладают международными правами и обязанностями, несмотря на масштабы своей деятельности и влияния на внутреннюю и международную политику. В международных отношениях они рассматриваются как юридические лица определенного государства [Арцт, Лукашук 1996: 94]. Следовательно, соглашения между ТНК и государствами не являются международными договорами и подчиняются внутреннему праву соответствующих государств. Автор отмечал: «Даже если предположить, что с согласия участвующего в соглашении государства оно изымается из-под действия права этого государства, то это не изымает его из-под действия права страны, в которой компания зарегистрирована. Компания не может освободить ни себя, ни иностранное государство от действия этого права» [Лукашук 2004]. Таким образом, ученый не считал компании субъектами международного права, что, однако, не означает отрицания их роли в мировой экономике, а также настоятельной необходимости регулирования их деятельности, в том числе с помощью международного права [Лукашук 2007: 39].

Эти выводы, очевидно, вытекают из представлений о международном праве как исключительно межгосударственном. Однако, как уже указывалось ранее, такой взгляд не позволяет полностью адекватно оценить современные международные реалии, в которых правоотношения строятся не только исключительно между государствами, но и между государством и частными лицами. Представляется, что многие проблемы, не решаемые в рамках внутреннего права, вполне разрешаемы в рамках современного международного права. Следовательно, нет необходимости в построении конструкций типа квазимеждународного права, поскольку эти концепции лишь «загромождают» юридическую науку, а не объясняют реальный механизм международно-правового регулирования отношений.

Национальные юридические лица – субъекты международного права

В качестве субъектов юридических лица признавались сторонниками прагматичного подхода к международному праву в середине и второй половине XX в.

Филип Джессап писал, что международное право, в особенности в делах с претензиями, привыкло иметь дело с корпорация-

ми, гражданство или национальность которых принадлежит какому-либо государству, таким же образом, каким оно имеет дело с физическими лицами. До тех пор, пока национальное законодательство создает этих юридических лиц, международное право должно относиться к ним как к отдельным лицам. Соответственно, корпорации или партнерства также могут быть субъектами международного права [Jessup 1948: 19–20]. По мнению американского ученого, признание юридических лиц субъектами международного права, вне зависимости от того, являются ли они частными, государственными или межгосударственными, приведет к тому, что их взаимоотношения будут поставлены под обычный международно-правовой контроль, осуществляемый международными организациями и в соответствии с процедурами, которые необходимо было бы создать и установить [Ibid: 21].

Английский профессор Херш Лаутерпахт видел реализацию этой идеи в реформировании доступа к Международному суду ООН. По его мнению, структура международного права позволяет отдельным лицам быть участниками разбирательств в международных судах, и в связи с этим предусмотренное в ст. 34 Статута Международного суда ООН определение¹ может быть заменено на менее бескомпромиссное и более практичное², чтобы обеспечить доступ к суду негосударственных субъектов – частных корпораций и частных лиц. С точки зрения ученого, представление о том, что частные лица не могут иметь никаких процессуальных или материальных прав в соответствии с международным правом, является «устаревшим и неверным» [Lauterpacht 1947: 458].

К тому же, по мнению Филипа Джессапа, юридические лица могут заключать аналогичные международным договорам соглашения по международному праву (*international law agreements*). Логика американского юри-

ста такова: соглашения между сторонами необходимо отличать согласно критерию применимого права – международного или внутригосударственного. Поскольку государства между собой могут заключать, помимо международных договоров (*treaties*), соглашения по внутригосударственному праву (*municipal law contracts*)³, то и юридические лица в данном случае могут заключать с государствами соглашения, в которых в качестве применимого права выбирается международное. К таким соглашениям по международному праву автор относил некоторые концессионные соглашения [Jessup 1948: 27].

Американский ученый Вольфганг Фридман, развивая эту мысль, указывал, что помимо простых концессий, предусматривающих эксплуатацию корпорацией природных ресурсов государства-контрагента на определенных условиях, юридические лица и государства могут заключать более сложные соглашения, которые влияют на публичные международные отношения и соответственно необязательно выходят за рамки публичного международного права. Он утверждал, что корпорации обладают ограниченной субъективностью *ad hoc* в той мере, в какой их сделки регулируются нормами публичного, а не частного международного права [Friedmann 1964: 222–223]. В качестве примера автор приводил Иранское соглашение 1954 г. о нефтяном консорциуме, в котором, помимо прочего, устанавливались подробные условия выплаты Ираном компенсации Англо-Иранской нефтяной компании и всеобъемлющие положения в социальной сфере. Так, Национальная иранская нефтяная компания брала на себя обязательства обеспечивать в зоне действия Соглашения условия труда, медицинскую помощь, общественный транспорт, а также обслуживать жилые помещения и дороги. Все это, как считал автор, оказывало непосредственное влияние

¹ Статья 34 Статута Международного суда ООН гласит, что только государства могут быть сторонами дел, разбираемых этим судом.

² Херш Лаутерпахт предлагал следующую редакцию ст. 34 Статута Международного суда ООН: «Суд обладает юрисдикцией: (1) в спорах между государствами; (2) в спорах между государствами и частными и государственными органами или частными лицами в случаях, когда государства заранее или по специальному соглашению согласились предстать перед Судом в качестве ответчиков» [Lauterpacht 1947: 458].

³ В качестве примера соглашений по внутригосударственному праву Филип Джессап приводил типовые контракты о покупке земли для строительства посольства или же некоторые соглашения займа, к которым относятся межсоюзнические займы времен Первой мировой войны [Jessup 1948: 27]. Фрэнсис Манн приводил другие примеры межгосударственных соглашений по внутригосударственному праву: соглашения займа Дании с Иорданией, Бразилией, Ираном и Малайзией, которые регулируются датским правом [Mann 1944: 490–496].

на общественную жизнь и экономику Ирана и на международные политические отношения [Ibid 1964].

Вольфганг Фридман отмечал, что в качестве права, применимого к соглашениям подобного рода, может быть выбрано косвенно или напрямую международное публичное право вместо какого-либо национального права. К тому же «публичный характер» таких соглашений усиливает арбитражная оговорка о назначении независимого арбитра. Следовательно, стороны соглашения, частная корпорация и государство, таким образом оказываются в одинаковом правовом положении и в равном статусе [Ibid 1964].

Тем не менее проблема способности юридических лиц заключать соглашения по международному праву, которые иногда именуется государственными контрактами (*state contracts*), остается сложной. Проблема правовой природы этих соглашений активно обсуждалась в середине и второй половине XX в. [Greenwood 1982; Jennings 1961] в связи с развивающейся практикой, во-первых, заключения сделок между государством и иностранным инвестором и применимости к таким сделкам норм международного права, во-вторых, инвестиционных споров между сторонами, причиной которых становились национализация и одностороннее изменение или прекращение государством обязательств по соглашению [Крупко 2002: 2–3]. Юристы не могли прийти к единому мнению по данным вопросам ни в доктрине, ни на практике, соответственно и арбитражные решения по таким делам были неоднородны.

Одним из особенных в этих дебатах стало решение 1977 г. по делу *Texaco Overseas Petroleum Company / California Asiatic Oil Company v. Government of the Libyan Arab Republic*.

Американские нефтяные компании «Тексако Оверсиз Петролеум Компани» и «Калифорния Азиатик Ойл Компани» в период с 1955 по 1966 г. заключили с правительством Ливии четырнадцать концессионных договоров о разработке нефти. В 1973 и 1974 г. Ливия национализировала собственность компаний. Согласно условиям концессий компании обратились в арбитраж, однако Ливия отказалась принимать участие в споре, сославшись на то, что национализация – это акт суверенитета.

Французский профессор Рене-Жан Дюпюи, будучи единоличным арбитром в деле, пришел к следующим выводам: процедура арбитражного разбирательства регулируется международным правом (пп. 11–16); концессионные соглашения между сторонами являются контрактами, относящимися к сфере международного права (пп. 19–35); все договорные отношения являются «интернационализированными» (пп. 36–52)¹. Профессор определил следующие три критерия интернационализации контрактов:

ссылка в соглашении на общие принципы права в качестве применимого права, несмотря на то что такие общие принципы не могут рассматриваться как совпадающие с международным правом во всей его полноте. Такая ссылка не исключает применения национального права, но опровергает презумпцию о том, что государство не может подчинять действительность своих обязательств какому-либо другому праву, кроме своего собственного;

включение в соглашение оговорки, предусматривающей, что возможные разногласия в части толкования и исполнения контракта должны быть переданы на арбитраж. Следовательно, арбитражное решение является международным судебным актом, обязательность которого вытекает из международно-правового документа, учреждающего трибунал;

квалификация контракта как соглашения об экономическом развитии [Цит. по: Cantegreil 2011: 445].

Таким образом, по мнению арбитра, выбор международного права в качестве надлежащего права соглашения указывает на то, что американские компании-заявители были наделены ограниченной международной правосубъектностью для целей нефтяных концессионных контрактов, заключенных с Ливией. Решение было вынесено в пользу компаний. Спустя некоторое время конфликт между компаниями и Ливией был улажен, а арбитражное разбирательство прекращено.

Однако такая логика расходится со сделанным Постоянной палатой международного правосудия в деле о сербских займах (1929 г.) выводом о том, что любое соглаше-

¹ International Arbitral Tribunal. *Texaco Overseas Petroleum Company / California Asiatic Oil Company v. Government of the Libyan Arab Republic (Compensation for Nationalized Property)*. Judgment of 19 January 1977.

ние, которое не является договором между государствами в их качестве субъекта международного права, основано на внутреннем праве какой-либо страны¹. По этой причине решение делу *Texaco Overseas Petroleum Company / California Asiatic Oil Company v. Government of the Libyan Arab Republic* вызвало неоднозначную реакцию в юридической науке.

Роланд Портманн отмечает, что аргументация, использованная в этом решении, представляет собой отражение концепции признания международной правосубъектности. На это дело сегодня регулярно ссылаются в вопросах, касающихся роли частных субъектов в международном праве. Однако, например, заявления о международной правосубъектности вызвали резкую критику в доктрине, и аргументация в арбитражном решении, безусловно, не отражает позицию большинства международников о том, что юридические лица способны заключать соглашения по международному праву [Portmann 2010: 119]. Жюльен Кантогрэй, наоборот, считает, что это арбитражное решение является перспективным и долгосрочным вкладом Рене-Жана Дюпюи в науку международного права [Cantegreil 2011: 442].

Проблема «соглашений по международному праву» между государствами и юридическими лицами остается спорной. В действительности, как утверждает профессор Винсент Шотай, в интернационализованных контрактах права и обязанности сторон подпадают под действие международного права, и, следовательно, частная сторона обладает конкретными международными полномочиями [Chetail 2013: 110–119]. В то же время, как справедливо отмечает А. Я. Капустин, не нужно преувеличивать значение этих факторов, поскольку речь идет лишь о фрагментарной практике [Международное право 2014: 162].

Однако современные российские и зарубежные юристы обращают внимание на другой аспект международной правосубъектности юридических лиц – способность иметь права. Международные права юридических лиц закреплены в нескольких международных договорах, таких как Вашингтонская

конвенция 1965 г. о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами, Договор к Энергетической хартии 1995 г., Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) 1993 г. У. Ю. Маммадов добавляет, что ТНК обладают материальными правами и обязанностями также по Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., согласно которой на юридических лиц налагаются ограничения присвоения части Международного района морского дна (пп. 1, 3 ст. 137) и за ними закрепляется право осуществлять в пределах Района эксплуатацию имеющихся там природных ресурсов (подп. b п. 2 ст. 153) [Международное право 2011: 365–367].

В некоторых случаях юридические лица могут защищать свои права в международных органах. В. Л. Толстых указывает, что коммерческие корпорации обладают *locus standi* в международных инвестиционных судах (Постоянная палата третейского суда и Международный центр по урегулированию инвестиционных споров) и в международных судах по правам человека [Толстых 2019: 377]. Что касается последних, то речь идет о региональных системах защиты прав человека. В качестве неправительственных организаций юридические лица могут обращаться за защитой прав человека в африканские² и межамериканские [Hennebel, Tigrodja 2022: 1006] правозащитные органы в порядке *actio popularis*. В Европейском Суде по правам человека неправительственные организации отстаивают собственные права (защита собственности, право на справедливое судебное разбирательство, свобода выражения мнения, право на жилище и корреспонденцию).

Современная активность юридических лиц демонстрирует, что они уже давно вышли за рамки национальных правовых систем. Как и индивид, они обладают собственными правами и в ряде случаев могут процессуально обеспечить защиту этих прав в международных органах. В то же время юридических лиц невозможно (пока что) привлечь к международной ответственности. Тем не менее, как справедливо утверждает немецкий профессор Анне Петерс, современные

¹ Permanent Court of International Justice. *Serbian Loans Case (French Republic v. Kingdom of the Serbs, Croats and Slovenes)*. Judgment of 12 July 1929. P. 41.

² African Commission on Human and People's Rights. *Article 19 v. Eritrea*. Communication № 275/2003. Decision of 30 May 2007. § 65.

правовые системы не обуславливают осуществление прав (например, младенцев и людей с умственными недостатками) способностью выполнять юридические обязанности. К тому же международные договоры по правам человека, как правило, не налагают обязанностей на людей. Таким образом, право в его нынешнем виде демонстрирует, что субъекты могут иметь права, но не иметь обязанностей [Peters 2022: 130].

Юридические лица – акторы международно-правовой системы

Помимо исследователей, признающих и отрицающих международную правосубъектность юридических лиц, можно выделить группу ученых-юристов, отказывающихся рассматривать статус этих образований в контексте «субъект – объект права».

Экс-председатель Международного суда ООН Розалин Хиггинс пишет, что само понятие субъектов и объектов не отражает достоверной реальности и, на ее взгляд, не имеет никакого функционального предназначения. Более полезно и ближе к воспринимаемой реальности вернуться к взгляду на международное право как на особый процесс принятия решений. В рамках этого процесса (который является динамичным, а не статичным) существует широкий круг участников, которые предъявляют иски сквозь государственные границы в целях максимального улучшения различных благ. В такой модели нет субъектов и объектов, а есть только участники. Индивиды являются участниками наряду с государствами, международными организациями (такими как Организация Объединенных Наций, Международный валютный фонд или Международная организация труда), многонациональными корпорациями и, конечно, частными неправительственными группами [Higgins 1994].

В вопросах международно-правового статуса автор отстаивает «концепцию актора», согласно которой любое образование, которое осуществляет «эффективную власть» в международном «процессе принятия решений», следует признать «участником» или «действующим лицом». Сторонники этой концепции отвергают теорию международной правосубъектности и используют понятие участника для описания того, какие социальные образования имеют отношение к международному праву [Ibid].

Британский юрист Эндрю Клэпхэм придерживается той же позиции и, указывая на необходимость учитывать положение юридических лиц в международном праве, утверждает, что отсылки к субъектам международного права явно вводят в заблуждение. Смешивание вопроса о субъективности с концепциями международной правосубъектности и международной дееспособности помешало четкому пониманию того факта, что негосударственные акторы могут быть носителями международных прав и обязанностей [Clapham 2006: 80].

Хосе Альварес соглашается с данными утверждениями. По его мнению, применение понятия «участник» к корпорациям, неправительственным организациям и физическим лицам является более целесообразным и точным. Реалии современных международных правотворческих процессов таковы, что корпорации, наряду с другими негосударственными субъектами, расширяют свое участие в ряде международных форумов и разрабатывают тем самым нормы международного права, в первую очередь международного инвестиционного права посредством участия в инвестиционных спорах с государствами [Alvarez 2011: 8–9]. Американский юрист приходит к выводу о том, что очевидно наличие у корпораций международных прав и обязанностей, однако юристы-международники должны тратить свое время не на рассмотрение того, являются ли они субъектами международного права, а на то, какие нормы международного права к ним применимы [Ibid: 31].

Оксфордский профессор Воан Лоу высказывает схожую точку зрения. Корпорации не являются ни субъектами, ни объектами, ни государствами, ни лицами, подобными людям, если использовать принятые в международном праве классификации. У них есть черты и того, и другого, но их необходимо рассматривать как образования *sui generis* [Lowe 2004: 38]. Так, изучая положение юридических лиц в разных областях международного права, профессор заключил, что в вопросах прав человека корпорации выступают и как гаранты (подобно государствам), и как обладатели (подобно индивидам) прав человека [Ibid: 26–38].

Рассмотрение юридических лиц в качестве акторов международного правового процесса

или же образований *sui generis* в принципе также отражает современные реалии международных правоотношений. Пожалуй, можно согласиться с выраженным указанными авторами мнением о том, что употребление понятия «субъект международного права» создает определенные проблемы при оценивании положения того или иного образования в международно-правовой системе. Тем не менее использование аналогичных понятий, например «участник международного правового процесса» или «актор международного правового процесса», преследует ту же цель, что и теория международной правосубъектности, т. е. являет собой попытку объяснить роль определенных образований в международной правовой системе. Но если понятие субъекта, как справедливо было указано, загоняет нас в «интеллектуальное заточение», то понятие участника, наоборот, слишком абстрактно.

Заключение

Несмотря на уже более чем полувековые научные дебаты, проблема международно-

правового статуса юридических лиц остается неразрешенной. По этой причине некоторые авторы отказываются делать какие-либо выводы о положении этих образований в современной международной правовой системе. Так, Малкольм Шоу считает, что вопрос о международной правосубъектности ТНК остается открытым [Shaw 2008: 250]. Питер Мучлински отмечает, что выработка норм, касающихся корпораций в международном праве, все еще далека от завершения. Общего международного корпоративного права как такового не существует, и признание международной правосубъектности корпораций остается труднодостижимым [Muchlinski 2014].

По всей видимости, юридическим лицам еще предстоит «побороться» за звание субъекта международного права, однако это не отменяет того факта, что сегодня они являются одними из основных участников международных правоотношений и, следовательно, оказывают непосредственное влияние на современное международное право.

Список литературы

- Alvarez J.* Are Corporations «Subjects» of International Law? // *Santa Clara Journal of International Law*. 2011. Vol. 9. № 1. P. 1–36.
- Cantegreil J.* The Audacity of the Texaco / Calasiatic Award: René-Jean Dupuy and the Internationalization of Foreign Investment Law // *European Journal of International Law*. 2011. Vol. 22. № 2. P. 441–458.
- Cassese A.* *International Law in a Divided World*. Oxford: Clarendon Press, 1986. 429 p.
- Chetail V.* The Legal Personality of Multinational Corporation, State Responsibility and Due Diligence: the Way Forward // *Privatizing War. Private Military and Security Companies under Public International Law* / ed. by L. Cameron, V. Chetail. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 754 p.
- Clapham A.* *Human Rights Obligations of Non-State Actors*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 648 p.
- Feldman D.* *International Personality* // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. 1985. Vol. 191.
- Friedmann W.* *The Changing Structure of International Law*. N. Y.: Columbia University Press, 1964. 410 p.
- Greenwood C.* *State Contracts in International Law* // *British Yearbook of International Law*. 1982. Vol. 53. № 1. P. 27–81.
- Henkin L.* *International Law: Politics, Values and Function (General Course on Public International Law)*. Dordrecht; Boston: M. Nijhoff, 1990. 416 p.
- Hennebel L., Tigrodja H.* *The American Convention on Human Rights: A Commentary*. Oxford: Oxford University Press, 2022. 1704 p.
- Higgins R.* *Problems and Process: International Law and How We Use It*. Oxford: Clarendon Press, 1994. 267 p.
- Jennings R.* *State Contracts in International Law* // *British Yearbook of International Law*. 1961. Vol. 37. P. 156–182.

- Jessup Ph.* A Modern Law of Nations. An Introduction. N. Y.: The Macmillan Company, 1948. 236 p.
- Joseph N.* Multinational Corporations in World Politics // Foreign Affairs. 1974. Vol. 53. № 1. P. 153–175.
- Koskenniemi M.* To the Uttermost Parts of the Earth. Legal Imagination and International Power, 1300–1870. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 1124 p.
- Lauterpacht H.* The Subjects of the Law of Nations // Law Quarterly Review. 1947. Vol. 63. № 4. P. 438–460.
- Lowe V.* Corporations as International Actors and International Law Makers // The Italian Yearbook of International Law. 2004. Vol. XIV. P. 23–38.
- Malanczuk P.* Akehurst's Modern Introduction to International Law. L.; N. Y.: Routledge, 1997. 449 p.
- Mann F.* The Law Governing State Contracts // British Yearbook of International Law. 1944. Vol. 21. P. 11–33.
- Muchlinski P.* Corporations in International Law. 2014 // URL: [https://www.uio.no/studier/emner/jus/jus/JUS5851/v13/undervisningsmateriale/muchlinski-\(2009\)-corporations-in-international-law-max-planck-enc.-of-pil-co-1.pdf](https://www.uio.no/studier/emner/jus/jus/JUS5851/v13/undervisningsmateriale/muchlinski-(2009)-corporations-in-international-law-max-planck-enc.-of-pil-co-1.pdf) (дата обращения: 01.06.2023).
- Peters A.* Animal Rights // Elgar Encyclopedia of Human Rights / ed. by C. Binder, M. Nowak, J. A. Hofbauer et al. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022. P. 129–135.
- Portmann R.* Legal Personality in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 333 p.
- Shaw M.* International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 1542 p.
- Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg. 14 November 1945 – 1 October 1946: in 42 vols. Nuremberg: International Military Tribunal, 1947–1949. Vol. 1. 367 p.
- Арцт Д. Е., Лукашук И. И.* Участники международно-правовых отношений // Вне конфронтации. Международное право в период после холодной войны: сб. ст. / отв. ред. Л. Дэмрош, Г. Даниленко. М.: Спарк, 1996. С. 93–107.
- Бирюков П. Н.* Международное право: в 2 т. М.: Юрайт, 2016. Т. 1. 365 с.
- Броунли Я.* Международное право: в 2 кн. М.: Прогресс, 1977. Кн. 1. 535 с.
- Буше-Сольнье Ф.* Практический словарь гуманитарного права. М.: Весь Мир, 2017. 1024 с.
- Вельяминов Г. М.* Международное право: опыты. М.: Статут, 2015. 1006 с.
- Захарова Н. В.* Индивид – субъект международного права // Советское государство и право. 1989. № 11. С. 112–118.
- Крупко С. И.* Инвестиционные споры между государством и иностранным инвестором. М.: БЕК, 2002. 272 с.
- Курс международного права: в 7 т. / отв. ред. Р. А. Мюллерсон, Г. И. Тункин. М.: Наука, 1989. Т. 1. 360 с.
- Левин Д. Б.* Наука международного права в России в конце XIX и начале XX в. М.: Наука, 1982. 267 с.
- Лукашук И. И.* Современное право международных договоров: в 2 т. М.: Волтерс Клувер, 2004. Т. 1. 658 с.
- Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2007. 432 с.
- Мартенс Ф.* Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. СПб.: Тип. А. Бенке, 1904. Т. I. 438 с.
- Международное право / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. М.: Норма; Инфра-М, 2017. 752 с.
- Международное право / под ред. А. Я. Капустина. М.: Юрайт, 2014. 723 с.
- Международное право / под ред. А. А. Ковалева, С. В. Черниченко. М.: Омега-Л, 2006. 831 с.
- Международное право: в 2 т. / под ред. А. Н. Вылегжанина. М.: Юрайт, 2015. Т. 1. 603 с.
- Международное право. Общая часть / отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. М.: Статут, 2011. 543 с.

Международное право: учеб. / отв. ред. Л. А. Лазутин, Ю. С. Безбородов, М. А. Лихачев. М.: Норма; Инфра-М, 2023. 656 с.

Талалаев А. Н. Право международных договоров. Общие вопросы. М.: Междунар. отношения, 1980. 312 с.

Толстых В. Л. Курс международного права. М.: Проспект, 2019. 736 с.

Толстых В. Л. Курс международного права. М.: Волтерс Клувер, 2009. 1031 с.

Тункин Г. И. Право и сила в международной системе. М.: Междунар. отношения, 1983. 200 с.

Фельдман Д. И., Курдюков Г. И. Основные тенденции развития международной правосубъектности. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. 131 с.

Шумилов В. М. Международное право. М.: Юстиция, 2016. 523 с.

Шуршалов В. М. Международные правоотношения. М.: Междунар. отношения, 1971. 238 с.

Андрей Алексеевич Лунёв – аспирант кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: lunefff@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8714-5146

Scientific Discussion on the International Legal Personality of National Legal Entities

Despite the obvious influence of commercial companies, non-profit organizations, and transnational corporations on international relations, there are still debates in science about whether such entities can be bearers of international rights and obligations and whether they should be considered subjects of international law. The article analyzes two main approaches to the legal personality of legal entities – negative and positive. According to the first approach, the activity of private persons in international law is mediated by the state. Therefore, national legal entities can only be subjects of national or transnational law, but not international law. Followers of the second approach reject these arguments and believe that the modern international legal order provides legal entities with their own substantive and procedural rights. At the end of the article, a third approach is also studied, according to which the classical understanding of the subject of law does not reflect modern reality. In this case, legal entities should be viewed not as subjects of law, but as actors of the international legal system or entities sui generis. The author criticizes the negative attitude towards the international legal personality of national legal entities and concludes that today they must be considered as full-fledged participants in international legal relations, i. e. as subjects of international law.

Keywords: legal entities, TNCs, international legal status, international legal personality, doctrine

Recommended citation

Lunev A. A. Nauchnaya diskussiya o mezhdunarodnoi pravosub'ektnosti natsional'nykh yuridicheskikh lits [Scientific Discussion on the International Legal Personality of National Legal Entities], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 12–26, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_12.

References

Alvarez J. Are Corporations «Subjects» of International Law? *Santa Clara Journal of International Law*, 2011, vol. 9, no. 1, pp. 1–36.

Artst D. E., Lukashuk I. I. *Uchastniki mezhdunarodno-pravovykh otnoshenii* [Participants in International Legal Relations], Demrosh L., Danilenko G. (eds.) *Vne konfrontatsii. Mezhdunarodnoe pravo v period posle kholodnoi voiny* [Out of Confrontation. International Law in the Post-Cold War Period], Moscow, Spark, 1996, pp. 93–107.

- Biryukov P. N. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], in 2 vols., Moscow, Yurait, 2016, vol. 1, 365 p.
- Brounli Ya. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], in 2 books, Moscow, Progress, 1977, book 1, 535 p.
- Bushe-Sol'n'e F. *Prakticheskii slovar' gumanitarnogo prava* [Practical Dictionary of Humanitarian Law], Moscow, Ves' Mir, 2017, 1024 p.
- Cantegreil J. The Audacity of the Texaco / Calasiatic Award: René-Jean Dupuy and the Internationalization of Foreign Investment Law, *European Journal of International Law*, 2011, vol. 22, no. 2, pp. 441–458.
- Cassese A. *International Law in a Divided World*, Oxford, Clarendon Press, 1986, 429 p.
- Chetail V. *The Legal Personality of Multinational Corporation, State Responsibility and Due Diligence: the Way Forward*, Cameron L., Chetail V. (eds.) *Privatizing War. Private Military and Security Companies under Public International Law*, Cambridge, Cambridge University Press, 2013, 754 p.
- Clapham A. *Human Rights Obligations of Non-State Actors*, Oxford, Oxford University Press, 2006, 648 p.
- Feldman D. *International Personality, Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, 1985, vol. 191.
- Fel'dman D. I., Kurdyukov G. I. *Osnovnye tendentsii razvitiya mezhdunarodnoi pravosub'ektnosti* [The Main Trends in the Development of International Legal Personality], Kazan', Izd-vo Kazan. un-ta, 1974, 131 p.
- Friedmann W. *The Changing Structure of International Law*, New York, Columbia University Press, 1964, 410 p.
- Greenwood C. State Contracts in International Law, *British Yearbook of International Law*, 1982, vol. 53, no. 1, pp. 27–81.
- Henkin L. *International Law: Politics, Values and Function (General Course on Public International Law)*, Dordrecht, Boston, M. Nijhoff, 1990, 416 p.
- Hennebel L., Tigrodja H. *The American Convention on Human Rights: A Commentary*, Oxford, Oxford University Press, 2022, 1704 p.
- Higgins R. *Problems and Process: International Law and How We Use It*, Oxford, Clarendon Press, 1994, 267 p.
- Ignatenko G. V., Tiunov O. I. (eds.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Norma, Infra-M, 2017, 752 p.
- Jennings R. State Contracts in International Law, *British Yearbook of International Law*, 1961, vol. 37, pp. 156–182.
- Jessup Ph. *A Modern Law of Nations. An Introduction*, New York, The Macmillan Company, 1948, 236 p.
- Joseph N. Multinational Corporations in World Politics, *Foreign Affairs*, 1974, vol. 53, no. 1, pp. 153–175.
- Kapustin A. Ya. (ed.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Yurait, 2014, 723 p.
- Koskenniemi M. *To the Uttermost Parts of the Earth. Legal Imagination and International Power, 1300–1870*, Cambridge, Cambridge University Press, 2021, 1124 p.
- Kovalev A. A., Chernichenko S. V. (eds.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Omega-L, 2006, 831 p.
- Krupko S. I. *Investitsionnye spory mezhdru gosudarstvom i inostrannym investorom* [Investment Disputes between the State and a Foreign Investor], Moscow, BEK, 2002, 272 p.
- Lauterpacht H. The Subjects of the Law of Nations, *Law Quarterly Review*, 1947, vol. 63, no. 4, pp. 438–460.
- Lazutin L. A., Bezborodov Yu. S., Likhachev M. A. (eds.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Norma, Infra-M, 2023, 656 p.
- Levin D. B. *Nauka mezhdunarodnogo prava v Rossii v kontse XIX i nachale XX v.* [The Science of International Law in Russia in the Late XIX and Early XX Century], Moscow, Nauka, 1982, 267 p.

Lowe V. Corporations as International Actors and International Law Makers, *The Italian Yearbook of International Law*, 2004, vol. XIV, pp. 23–38.

Lukashuk I. I. *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast'* [International Law. General Part], Moscow, Volters Kluver, 2007, 432 p.

Lukashuk I. I. *Sovremennoe pravo mezhdunarodnykh dogovorov* [Modern Law of International Treaties], in 2 vols., Moscow, Volters Kluver, 2004, vol. 1, 658 p.

Malanczuk P. *Akehurst's Modern Introduction to International Law*, London, New York, Routledge, 1997, 449 p.

Mann F. The Law Governing State Contracts, *British Yearbook of International Law*, 1944, vol. 21, pp. 11–33.

Martens F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov* [Modern International Law of Civilized Peoples], in 2 vols., Saint Petersburg, Tip. A. Benke, 1904, vol. 1, 438 p.

Muchlinski P. *Corporations in International Law*, 2014, available at: [https://www.uio.no/studier/emner/jus/jus/JUS5851/v13/undervisningsmateriale/muchlinski-\(2009\)-corporations-in-international-law-max-planck-enc.-of-pil-co-1.pdf](https://www.uio.no/studier/emner/jus/jus/JUS5851/v13/undervisningsmateriale/muchlinski-(2009)-corporations-in-international-law-max-planck-enc.-of-pil-co-1.pdf) (accessed: 01.06.2023).

Myullerson R. A., Tunkin G. I. (eds.) *Kurs mezhdunarodnogo prava* [International Law Course], in 7 vols., Moscow, Nauka, 1989, vol. 1, 360 p.

Peters A. *Animal Rights*, Binder C., Nowak M., Hofbauer J. A. et al. (eds.) *Elgar Encyclopedia of Human Rights*, Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2022, pp. 129–135.

Portmann R. *Legal Personality in International Law*, Cambridge, Cambridge University Press, 2010, 333 p.

Shaw M. *International Law*, Cambridge, Cambridge University Press, 2008, 1542 p.

Shumilov V. M. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Yustitsiya, 2016, 523 p.

Shurshalov V. M. *Mezhdunarodnye pravootnosheniya* [International Legal Relations], Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, 1971, 238 p.

Talalaev A. N. *Pravo mezhdunarodnykh dogovorov. Obshchie voprosy* [The Law of International Treaties. General Questions], Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, 1980, 312 p.

Tolstykh V. L. *Kurs mezhdunarodnogo prava* [International Law Course], Moscow, Prospekt, 2019, 736 p.

Tolstykh V. L. *Kurs mezhdunarodnogo prava* [International Law Course], Moscow, Volters Kluver, 2009, 1031 p.

Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945 – 1 October 1946, in 42 vols., Nuremberg, International Military Tribunal, 1947–1949, vol. 1, 367 p.

Tunkin G. I. *Pravo i sila v mezhdunarodnoi sisteme* [Law and Force in the International System], Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, 1983, 200 p.

Valeev R. M., Kurdyukov G. I. (eds.) *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast'* [International Law. General Part], Moscow, Statut, 2011, 543 p.

Vel'yaminov G. M. *Mezhdunarodnoe pravo: opyty* [International Law: Experiments], Moscow, Statut, 2015, 1006 p.

Vylegzhanin A. N. (ed.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], in 2 vols., Moscow, Yurait, 2015, vol. 1, 603 p.

Zakharova N. V. Individ – sub"ekt mezhdunarodnogo prava [An Individual is a Subject of International Law], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1989, no. 11, pp. 112–118.

Andrey Lunev – postgraduate student of the Department of international and European law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: lunefff@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8714-5146

Дата поступления в редакцию / Received: 05.07.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023

Е. О. Назарькова
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

КОНЦЕПЦИЯ СОВМЕСТНОГО ДЕЙСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ И ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ АКТОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Статья посвящена выработанной в российской юридической науке концепции, в соответствии с которой интерпретационный акт действует во времени точно так же, как толкуемый им нормативный правовой акт, и если последний утрачивает силу, акт официального толкования тоже прекращает свое действие. Автор последовательно рассматривает основные способы действия во времени норм права и теоретические представления, составляющие содержание концепции совместного действия во времени интерпретационных актов, указывает на их противоречивость и необходимость корректировки данной концепции.

Далее анализируются ситуации, которые возникают в российском законодательстве и в юридической практике и не могут быть разрешены с использованием концепции совместного действия во времени нормативных правовых актов и актов официального толкования. На основе изучения механизма пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по новым обстоятельствам ввиду определения или изменения практики применения нормы права Верховным Судом Российской Федерации, специального указания последним на перспективное действие собственных правоположений автор приходит к выводам о том, что, во-первых, темпоральные пределы действия актов официального толкования и нормативных правовых актов могут не совпадать, и, во-вторых, возможно, требуется признать, что акты официального толкования обладают собственными способами действия во времени, которые не могут быть поставлены в зависимость от действия во времени толкуемых норм.

Ключевые слова: акт официального толкования, нормативный правовой акт, способы действия во времени, совместное действие во времени, ретроспективность

Для цитирования

Назарькова Е. О. Концепция совместного действия во времени нормативных правовых и интерпретационных актов: теория и практика // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 27–34. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_27.

УДК 34.046

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_27

Акты официального толкования в российской юридической науке традиционно считаются вспомогательными правовыми актами, которые не могут применяться в отрыве от толкуемого нормативного правового акта [Карташов 1998: 53]. В связи с этим темпоральные пределы действия интерпретационных актов, как правило, отдельно не обсуждаются, поскольку считается, что они совпадают с действием во времени нормы

права. Однако в юридической практике возникают ситуации, которые невозможно разрешить со ссылкой на теоретическую концепцию совместного действия во времени нормативных правовых актов и актов официального толкования. Данное обстоятельство предопределяет необходимость установить содержание рассматриваемой концепции на основе существующих теоретических представлений, а также анализа проблем ее за-

крепления и реализации в российском законодательстве и юридической практике.

Поскольку в данной концепции в качестве основного критерия действия интерпретационного акта во времени признаются темпоральные пределы действия толкуемой нормы, целесообразно сначала рассмотреть основные способы действия ее во времени.

В юридической науке выработаны следующие способы действия новой нормы во времени:

1) перспективное действие – распространяющееся на факты, права и обязанности, возникшие после вступления нормы в силу;

2) ретроспективное действие – распространяющееся на факты и правоотношения, которые возникли до даты вступления нормы в силу;

3) немедленное действие – распространяющееся на факты прошлого, ранее возникшие правоотношения, изменяющие права и обязанности их участников с даты вступления нормы в силу, а также на факты, отношения, возникшие после ее вступления в силу [Бахрах 2004: 169–170].

С. С. Алексеев определял обратную силу нормативного правового акта как распространение действия нового акта на факты и порожденные ими последствия, которые возникли до введения в действие новых норм [Алексеев 1973: 128]. При этом действие нового нормативного акта может распространяться:

1) на факты прошлого, окончательные юридические последствия которых еще не наступили (простая обратная сила);

2) на факты, окончательные юридические последствия которых наступили [Там же: 142].

К. И. Комиссаров предложил понимать обратную силу нормативного правового акта более широко – как распространение действия закона на факты и правовые последствия, возникшие в прошлом, а применительно к будущим правоотношениям – и на следующие права и обязанности, ранее урегулированные надлежащим правоприменительным актом [Комиссаров 1971: 141]. В соответствии с предложенным определением обратной силы ретроактивность закона означает:

1) переоценку правового значения фактов, возникших до его введения в действие, вследствие чего ранее неюридические факты становятся юридическими и, наоборот, юри-

дические факты утрачивают правовое значение или приобретают иное правовое значение;

2) соответствующее новому закону регулирование ранее возникших недлящихся правоотношений;

3) по будущим неурегулированным правоотношениям – соответствующее новому закону определение прав и обязанностей, возникших в прошлом;

4) по будущим и уже урегулированным правоотношениям – изменение правовых последствий и на будущее время путем пересмотра ранее вынесенного решения.

Соответственно, в концепциях С. С. Алексеева и К. И. Комиссарова те ситуации, которые Д. Н. Бахрах называет немедленным действием (распространение действия нормы на факты прошлого, ранее возникшие правоотношения, изменяющие права и обязанности их участников с даты вступления нормы в силу, а также на факты, отношения, возникшие после ее вступления в силу), являются частными случаями обратной силы (в контексте воздействия новой нормы на правоотношения, которые не прекратили существование к моменту ее вступления в силу).

В то же время в соответствии с точкой зрения Д. Н. Бахраха распространение действия новой нормы на факты, отношения, возникшие после ее вступления в силу, может быть охарактеризовано и как перспективное, и как немедленное действие, что может вызвать определенные трудности в их различении. Это, в свою очередь, дает основание в современных исследованиях уравнивать перспективное и немедленное действие норм права во времени, «когда норма действует на все отношения, права и обязанности, которые возникли после даты вступления в силу...» [Горбунов, Кузнецова 2022: 350].

Поскольку данная точка зрения представляется более убедительной, предлагается использовать следующее определение способов действия во времени: в темпоральном аспекте норма права может распространять свое действие на правоотношения, которые возникли или изменились после даты ее вступления в силу (перспективное действие) или прекратили существование до указанной даты (ретроспективное действие).

Также выделяют ультраактивное действие старой нормы («переживание» во времени), которое чаще всего связано с тем, что зако-

нодатель считает необходимым сохранить за субъектами их права, ранее приобретенный правовой статус, поскольку новая норма его не улучшает, и тем самым обеспечить стабильность существующих правоотношений [Бахрах 2004: 161–162].

Переходя к интерпретационным актам, следует прежде всего подчеркнуть, что акты официального толкования определяются как вспомогательные акты, которые действуют в единстве с теми нормативными правовыми актами, в которых содержатся толкуемые юридические нормы [Терехов 2016: 99]. В связи с этим в юридической науке выработана концепция совместного действия (презумпция совместного действия) во времени актов официального юридического толкования и разъясняемых юридических актов [Шаронов 2004: 11]: интерпретационный акт разделяет судьбу интерпретируемого нормативного правового акта и утрачивает силу вместе с ним [Пиголкин 1962: 125].

В то же время теоретические представления о содержании данной концепции применительно к разным актам официального толкования и способам действия их во времени являются неоднородными.

Во-первых, считается, что норма, выработанная судебной практикой, в российской правовой системе начинает действовать всегда немедленно, с момента ее провозглашения судом, но ни о каком обратном или перспективном действии судебной практики речи быть не может, так как суд лишен нормотворческих функций, а следовательно, и возможности устанавливать временные пределы действия правоположений, содержащих общие правила [Капустина 1997: 188–189]. Примечательно, что та же самая аргументация, в соответствии с которой акты официального толкования не создают, не могут создавать и не содержат новых правовых норм, положена в основу утверждения о том, что интерпретационные акты действуют с момента действия толкуемой правовой нормы, т. е. имеют обратную силу [Недбайло 1960: 349].

В связи с этим и с учетом необходимости выделения перспективного, ретроспективного и ультраактивного действия норм во времени, а также ввиду предусмотренной российским процессуальным законодательством возможности обжаловать судебные право-

применительные акты, содержащие результаты официального казуального толкования, столь категорическое представление об исключительно немедленном действии правоположений представляется, как минимум, дискуссионным.

Во-вторых, темпоральные пределы действия акта официального толкования обусловливаются моментами вступления в силу толкуемой нормы и прекращения ее действия. В этом смысле интерпретационный акт может действовать с обратной силой, т. е. распространяться на правоотношения, возникшие до его издания, но с момента вступления в силу нормы права [Черданцев 1979: 161]. Я. М. Магазинер видел объяснение в следующем: «...Обратная сила руководящих решений основана на том, что они не являются новыми законами, а только восполняют и толкуют старый закон: они раскрывают правило, которое уже существовало, но было скрыто в складках закона, и теперь оно только судьями обнаружено, а не впервые создано...». Но это положение не распространяется на уже разрешенные в установленном порядке дела [Магазинер 2006: 93–94].

В то же время существует мнение о том, что, поскольку необходимо разграничивать вступление юридических актов в силу (момент, когда они включаются в правовую систему государства) и их действие, в том числе во времени (определение круга фактических отношений, в зависимости от возникновения которых во времени начинают действовать юридические акты), то и нельзя говорить об «обратной силе» толкуемого акта, так как он в сущности действует после вступления в силу и на будущее, в то время как обратную силу имеет само толкование [Спасов 1986: 233–234]. Ретроактивный эффект акта толкования проявляется в том, что правоотношения, возникшие под действием одной правовой нормы, должны развиваться и реализовываться в соответствии со смыслом этой нормы, который придается актом о толковании [Спасов 1986: 234].

В случае же прекращения действия толкуемой нормы, если в новом нормативном акте содержатся нормы, тождественные тем, что содержались в ранее действовавшем нормативном акте, продолжают действовать уже выработанные для данного предписания положения интерпретационного акта; если

в новом нормативном акте аналогичная норма подверглась изменению, но в ней сохранились термины и выражения, употребленные в том же значении, что и в отмененном нормативном акте, сохраняют действие положения интерпретационного акта, относящиеся к истолкованию указанных терминов и выражений [Черданцев 1979: 161].

В данном контексте считается, что очень часто интерпретационные акты «переживают» во времени нормативные правовые акты, утратившие силу [Тарасова 2002: 55].

В-третьих, предпринимается попытка определить пределы действия во времени акта официального толкования в зависимости от его вида. Например, по мнению Т. Л. Терниловой, действие во времени постановлений Конституционного Суда, а также решений Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации может быть как

ющих в деле, в компетентный орган (суд) в предусмотренной законодательством форме: с заявлением о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам [Там же: 174].

Далее, как правило, прекращение действия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (ранее также Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации) не обусловлено утратой юридической силы законом, который толкует это постановление [Ельцова 2010: 180–181], а прекращение действия актов Конституционного Суда Российской Федерации связано с прекращением действия соответствующих конституционных норм [Там же: 185].

Наконец, Д. Н. Бахрах указывает, что особенностью актов правосудия, принимаемых по результатам нормоконтроля, является то, что они, признавая недействующими нормативные правовые акты в целом и их нормы, тем самым расширяют действие иных норм права или легализуют определенные правовые позиции, правоположения [Бахрах 2004: 73]. В данной ситуации темпоральные пределы действия толкуемой нормы не обуславливают моменты начала и прекращения действия акта официального толкования, а, напротив, могут быть поставлены в зависимость от содержания правоположения и специального указания суда о способе его действия во времени.

Следовательно, выработанная в юридической науке концепция совместного действия во времени нормативных правовых актов и интерпретационных актов подлежит корректировке с учетом теоретических представлений о возможности «переживания» (ультраактивного действия во времени) правоположениями толкуемой нормы при ее формальной отмене в случае наличия в новом нормативном правовом акте аналогичной нормы, а также с учетом внутренней неоднородности системы интерпретационных актов.

Следует проанализировать устоявшуюся и единичную юридическую практику применения концепции совместного действия нормативных правовых и интерпретационных актов с целью подтверждения вывода о необходимости ее корректировки.

Российское законодательство не дает прямого и однозначного ответа на вопрос о возможности и пределах применения концепции

Российское законодательство не дает прямого и однозначного ответа на вопрос о возможности и пределах применения концепции совместного действия во времени актов официального толкования и нормативных правовых актов

немедленным, так и направленным на перспективу: постановления Конституционного Суда Российской Федерации могут иметь обратную силу, решения иных судов вводятся в действие немедленно, но, являясь определенным образцом применения права, могут быть также рассчитаны на перспективное разрешение спорных вопросов [Тернилова 1999: 8].

В развитие этого подхода Т.С. Ельцова предлагает далее дифференцировать акты официального судебного толкования, указывая, что такие постановления Конституционного Суда Российской Федерации, как акты абстрактного нормоконтроля, постановления по спорам о компетенции, акты толкования Конституции Российской Федерации, обратной силы не имеют [Ельцова 2010: 170]. В свою очередь постановления Конституционного Суда Российской Федерации – акты конкретного нормоконтроля – имеют обратную силу. При этом для пересмотра правоприменительного (судебного акта) необходимо обращение одного из лиц, участву-

совместного действия во времени актов официального толкования и нормативных правовых актов. В то же время, например, в соответствии с ч. 4 ст. 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, на постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также на обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации.

В ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 4 июня 2014 г. № 8-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „Об арбитражных судах в Российской Федерации“ и статью 2 Федерального конституционного закона „О Верховном Суде Российской Федерации“» указано, что разъяснения по вопросам судебной практики применения законов и иных нормативных правовых актов арбитражными судами, данные Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, сохраняют силу до принятия соответствующих решений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации.

Следовательно, российский законодатель допускает возможность прекращения действия правового положения, выработанного Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, путем его отмены Верховным Судом Российской Федерации. При этом толкуемая высшими судами норма может и не измениться, что позволяет поставить под сомнение универсальность концепции совместного темпорального действия нормативных правовых и интерпретационных актов.

Примечательно, что до «официального» нормативного закрепления подобные переосмотры правовых положений также происходили без специального указания Пленумом Верховного Суда Российской Федерации об отмене правового положения, выработанного Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации. Например, в информационном

письме от 21 июня 2004 г. № 77 «Об Обзоре практики рассмотрения дел, связанных с исполнением судебными приставами-исполнителями судебных актов арбитражных судов» Высший Арбитражный Суд Российской Федерации указал, что закон не запрещает судебному приставу-исполнителю принять мотивированное постановление об отмене или изменении своего ранее принятого необоснованного постановления (п. 8). Однако в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» сам судебный пристав-исполнитель не вправе отменять вынесенное им постановление, это могут сделать только старший судебный пристав или его заместитель.

Кроме того, в юридической практике возникают ситуации, в которых темпоральные пределы действия разъяснения и нормы права не совпадают.

С одной стороны, рассматриваемая концепция не может быть применена при реализации механизма пересмотра решений по новым обстоятельствам в связи с определением или изменением практики применения правовой нормы в постановлении Пленума или Президиума Верховного Суда Российской Федерации (ранее также Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации).

Толкуемая норма права не изменялась и действует, вероятнее всего, перспективно или немедленно и была применена при разрешении конкретного дела. После того как разбирательство в суде уже состоялось, появляется новый акт официального толкования, который предусматривает иное понимание примененной нормы. Содержание правила о совместном действии во времени нормативных правовых актов и интерпретационных актов не позволяет ответить на вопрос о том, возможен ли в подобной ситуации пересмотр вступивших в законную силу судебных актов. Вместе с тем российское законодательство допускает это в случае наличия в постановлении Пленума или Президиума Верховного Суда Российской Федерации так называемой ретроспективной оговорки – специального указания на возможность пересмотреть судебные акты со схожими

фактическими обстоятельствами по новым обстоятельствам. Другими словами, пределы действия нормы права во времени не только не определяют возможности ретроспективного применения акта толкования, но и в принципе не влияют на нее.

С другой стороны, Верховный Суд Российской Федерации склоняется к необходимости специально указывать на перспективное действие вырабатываемых правовых положений. Например, в Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 декабря 2019 г.) говорится, что решение общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью, в соответствии с которым в отношении решений общества будет применяться альтернативный способ подтверждения, требует нотариального удостоверения (п. 2). В определении от 30 декабря 2019 г. № 306-ЭС19-25147 по делу № А72-7041/2018 Суд указал, что данное разъяснение применяется только при рассмотрении споров, связанных с оспариванием решений общих собраний участников (решений единственного участника), принятых после даты утверждения Обзора.

Тот же подход был реализован в п. 14 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 ноября 2021 г.), в котором вместе с разъяснением содержится специальное указание о том, что недопустимо привлекать к ответственности арбитражного управляющего в случае, если он совершил расчеты с залоговым кредитором в противоречие с указанной позицией до ее «формирования». В данной ситуации подлежащая при-

менению при рассмотрении вопроса об ответственности арбитражного управляющего норма не изменялась, она действует перспективно, тогда как правовоположение, выработанное Верховным Судом Российской Федерации, в силу специального указания не может применяться ретроспективно, хотя и в пределах действия толкуемой нормы. Несмотря на то что это только единичная судебная практика, тем не менее она также иллюстрирует «неуниверсальность» концепции совместного действия.

Следовательно, вопреки рассматриваемой концепции, правовоположение может действовать во времени перспективно, несмотря на возможную обратную силу толкуемого нормативного правового акта, либо ретроспективно, несмотря на обычное, перспективное действие нормы права, т. е. темпоральные пределы их действия не совпадают. Представляется, это происходит потому, что, как правило, акт официального толкования издается позднее даты вступления нормы права в силу.

Таким образом, концепция совместного действия во времени нормативных правовых актов и актов официального толкования объединяет противоречивые теоретические представления об отдельных аспектах темпорального действия интерпретационных актов и нуждается в уточнении для более эффективного определения темпоральных пределов действия правовых положений. Подтвержденная ссылками на законодательство и примерами из юридической практики возможность «несовместного» с нормативными правовыми актами перспективного и ретроспективного действия актов официального толкования свидетельствует, скорее, о том, что интерпретационные акты имеют собственные темпоральные пределы действия.

Список литературы

Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1973. Т. 1. 403 с.

Бахрах Д. Н. Действие норм права во времени: теория, законодательство и судебная практика. М.: Норма, 2004. 224 с.

Горбунов В. Г., Кузнецова О. А. Типы действия норм права во времени // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 57. С. 348–371. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371.

Ельцова Т. С. Действие во времени нормативных правовых актов и актов официального судебного толкования: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 231 с.

Капустина М. А. Действие юридических норм: темпоральный аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 213 с.

Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: в 8 ч. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1998. Ч. 4: Интерпретационная практика: текст лекций. 127 с.

Комиссаров К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1971. 165 с.

Магазинер Я. М. Избранные труды по общей теории права. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2006. 352 с.

Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. 511 с.

Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. М.: Госюриздат, 1962. 166 с.

Спасов Б. Закон и его толкование. М.: Юрид. лит., 1986. 246 с.

Тарасова В. В. Акты судебного толкования правовых норм: Юридическая природа и классификация. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2002. 152 с.

Терехов Е. М. Интерпретационная форма реализации правовой политики в современной России: моногр. М.: Юрлитинформ, 2016. 240 с.

Тернилова Т. Л. Время в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 210 с.

Шаронов А. Н. Сущность и пределы (сферы) действия актов официального юридического толкования (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. 209 с.

Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М.: Юрид. лит., 1979. 166 с.

Евгения Олеговна Назарькова – аспирант кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: eonazarkova@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-5883-3943

Joint Temporal Scope of Normative and Interpretative Acts' Concept: Theory and Practice

The article is devoted to the joint temporal scope of normative and interpretative legal acts concept declared in Russian legal theory. In accordance with that rule temporal scope of an interpretative act and a construed normative act coincides. Therefore, if a normative act terminates, an interpretative act will end too.

The author draws attention to different ways of normative acts temporal operation (for example, retroactivity), highlights an essence of concept in question, and concludes that the joint temporal rule is ambiguous and should be corrected. Then the author goes to real situations occurred in legislation and legal practice (review of decisions on the basis of new circumstances, to be more precisely on the basis of new positions of the highest courts; perspective clause in the Highest Court of the Russian Federation decisions). These situations can be not resolved with the joint temporal scope of normative and interpretative legal acts concept. It is possible to discuss on autonomous temporal rule of normative and interpretative legal acts. There are examples that interpretative act temporal scope cannot be dependent on normative act temporal scope.

Keywords: *interpretative act, normative act, ways of temporal operation, joint temporal scope, retroactivity*

Recommended citation

Nazarkova E. O. Kontsepsiya sovmestnogo deistviya vo vremeni normativnykh pravovykh i interpretatsionnykh aktov: teoriya i praktika [Joint Temporal Scope of Normative and Interpretative Acts' Concept: Theory and Practice], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 27–34, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_27.

References

Alekseev S. S. *Problemy teorii prava* [Problems of Legal Theory], in 2 vols., Sverdlovsk, Izd-vo Sverdl. jurid. in-ta, 1973, vol. 2, 403 p.

Bakhrakh D. N. *Deistvie norm prava vo vremeni: teoriya, zakonodatel'stvo i sudebnaya praktika* [Temporal Scope of Law: Theory, Legislation, Judicial Practice], Moscow, Norma, 2004, 224 p.

Cherdantsev A. F. *Tolkovanie sovetskogo prava* [Interpretation of Soviet Law], Moscow, Yurid. lit., 1979, 166 p.

El'tsova T. S. *Deistvie vo vremeni normativnykh pravovykh aktov i aktov ofitsial'nogo sudebnogo tolkovaniya: problemy teorii i praktiki* [Temporal Scope of Normative Acts and Acts of Obligatory Judicial Interpretations: Issues of Theory and Practice]: cand. jur. sc. thesis, Nizhnii Novgorod, 2010, 231 p.

Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Tipy deystviya norm prava vo vremeni [Types of Legal Norms' Operation in Time], *Herald of Perm University. Juridical Sciences*, 2022, no. 57, pp. 348–371, DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371.

Kapustina M. A. *Deistvie yuridicheskikh norm: temporal'nyi aspekt* [Operation of Legal Rules: Temporal Aspect: a Candidate of Legal Sciences Thesis]: cand. jur. sc. thesis, Saint Petersburg, 1997, 213 p.

Kartashov V. N. *Vvedenie v obshchuyu teoriyu pravovoi sistemy obshchestva* [Introduction to General Theory of Legal System], in 8 parts, Yaroslavl, Yarosl. gos. un-t, 1998, pt. 4, 127 p.

Komissarov K. I. *Zadachi sudebnogo nadzora v sfere grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Objectives of Judicial Review in Civil Proceedings], Sverdlovsk, Sverdl. jurid. in-t, 1971, 165 p.

Magaziner Ya. M. *Izbrannye trudy po obshchei teorii prava* [General Writings on Legal Theory], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2006, 352 p.

Nedbailo P. E. *Primenenie sovetskikh pravovykh norm* [Application of Soviet Legal Rules], Moscow, Gosyurizdat, 1960, 511 p.

Pigolkin A. S. *Tolkovanie normativnykh aktov v SSSR* [Interpretation of Normative Acts in the USSR], Moscow, Gosyurizdat, 1962, 166 p.

Sharonov A. N. *Sushchnost' i predely (sfery) deystviya aktov ofitsial'nogo yuridicheskogo tolkovaniya (problemy teorii i praktiki)* [The Essence and Scopes of Interpretive Acts Effect (Challenges of Theory and Practice)]: cand. jur. sc. thesis, Yaroslavl, 2004, 209 p.

Spasov B. *Zakon i ego tolkovanie* [Law and Its Interpretation], Moscow, Yurid. lit., 1986, 246 p.

Tarasova V. V. *Akty sudebnogo tolkovaniya pravovykh norm: Yuridicheskaya priroda i klassifikatsiya* [Acts of Judicial Interpretation: Legal Essence and Classification], Saratov, Izd-vo Saratov. gos. akad. prava, 2002, 152 p.

Terekhov E. M. *Interpretatsionnaya forma realizatsii pravovoi politiki v sovremennoi Rossii* [Interpreting Form on Legal Policy Implementation in Modern Russia], Moscow, Yurlitinform, 2016, 240 p.

Ternilova T. L. *Vremya v prave* [Time in Law]: cand. jur. sc. thesis, Nizhnii Novgorod, 1999, 210 p.

Evgeniya Nazarkova – postgraduate student of the Department of theory of state and law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: eonazarkova@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-5883-3943

Дата поступления в редакцию / Received: 16.05.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023

А. А. Максуров

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
(Ярославль)

ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ ОБЪЕДИНЕНИЙ ГРАЖДАН В РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕЛЯХ В РОССИИ, ИТАЛИИ И ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В современных условиях вопросы правового регулирования реализации права граждан на свободу совести становятся достаточно острыми. Государство, с одной стороны, должно препятствовать нарушению этого естественного права, а с другой – призвано ограждать интересы личности и общества от деструктивного религиозного воздействия. Сравнительно-правовой анализ с близкими по романо-германской правовой семье национальными правовыми порядками Франции и Италии потенциально способен обогатить российское законодательство, а также отечественную правовую доктрину.

Автор отмечает недостатки правового регулирования обеспечения прав граждан на свободу совести в Российской Федерации, в частности излишний государственный контроль за деятельностью религиозных групп. Не учитывает отечественный законодатель и распространенное в развитых странах (включая Францию и Италию) деление отправления религиозного культа на частный и публичный, что во многом предопределяет и специфику правового регулирования. На основании анализа действующего законодательства в этой области автор обосновывает необходимость изменения подхода к решению этой проблемы. Предлагается изложить п. 1 ст. 7 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в иной редакции, предусматривающей большую самостоятельность и независимость религиозных групп от излишнего государственного контроля, а пп. 2 и 3 ст. 7 упомянутого Федерального закона исключить из него как создающие необоснованные препятствия для реализации гражданами РФ права на свободу совести.

Ключевые слова: *религия, религиозная группа, религиозное объединение, отправление культа, вера*

Для цитирования

Максуров А. А. Понятие и формы объединений граждан в религиозных целях в России, Италии и Франции: сравнительно-правовой анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 35–47. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_35.

УДК 343.1

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_35

Введение

Религия по-прежнему занимает важную часть в духовной жизни современного общества. Коллективной формой отправления религиозного культа и удовлетворения потребности в вере являются религиозные объединения. На практике они встраиваются в жизнь общества в виде особых юридических лиц – религиозных организаций.

Государство активно взаимодействует с религиозными организациями, начиная с их

признания в качестве таковых и регистрации в форме юридических лиц, надзора и контроля за их деятельностью и вплоть до их ликвидации, в том числе в принудительном порядке. Вопросы взаимоотношений государства и религиозных организаций имеют длительную историю, на протяжении которой принципиальные основы и формы их взаимодействия существенно менялись. В настоящее время в Российской Федерации разработан

механизм правового регулирования в указанной сфере, но он недостаточно совершенен как с практической точки зрения (есть противоречия между нормами Гражданского кодекса Российской Федерации и законодательства о религиозных объединениях), так и доктринально, методологически.

Однако любое исследование в этой сфере можно считать пробельным, если не рассмотреть концепции правового регулирования деятельности религиозных организаций, которые сложились в странах романо-германской правовой семьи. Именно они могут быть признаны теми результатами развития юридической мысли и правотворческой практики, потребность в которых российская доктрина статуса религиозных организаций имеет сегодня.

При проведении юридического исследования целесообразно использовать сравнительно-правовой метод, под которым принято подразумевать сопоставление как государства и права различных стран в целом, так и отдельных элементов, особенностей правовых систем [Перевалов 2020: 274]. Суть данного метода заключается в параллельном изучении эволюции права различных народов, результатом чего является определение общей формулы движения права [Скриплев 1995: 24]. Особый смысл сравнительный метод приобретает в настоящее время в условиях глобализации и, как следствие, возрастающего взаимного влияния правовых систем. Национальное право во все исторические периоды чаще всего совершенствовалось именно путем рецепции иностранного права, в некоторой части, как мы увидим ниже, это характерно и для института религиозных организаций. Причем рецепция могла быть как добровольной, так и навязанной [Имбер 1981: 72].

В сфере российского гражданского права число исследований в рассматриваемой области в последнее время значительно увеличилось. Однако слабая разработанность методологии таких работ имеет негативные последствия. Нередко подобные исследования превращаются в простой перевод зарубежного законодательства, в них отсутствует какая-либо связь с российским правом [Синюков, Григорьев 1995: 4]. По словам В. Д. Зорькина, негативными последствиями механического переноса зарубежных «цен-

ностей на иную почву, как показывает опыт, являются их деформация, формирование искаженных представлений о демократических институтах, правовой нигилизм, абсолютизация власти, а как следствие – разочарование населения в указанных институтах и возможность их отторжения» [Зорькин 2007: 7]. Копирование чуждых норм вне связи с особенностями культуры народа также может привести к коллапсу всей гражданской процессуальной системы [Marcus 2005: 710].

Тут дело заключается в том, что в любом случае подобные работы имеют большую ценность для развития российского права, хотя, безусловно, цель сравнительного правоведения не сводится только к изложению норм иностранного права. Речь должна идти, по словам М. Н. Марченко, «не о некоей механической „операции“, а о творческом подходе и учете при этом исторических, национальных, экономических, политических и других условий и особенностей той или иной страны» [Марченко 2001: 247]. «Изучать иной опыт можно и должно, – отмечал Л. Н. Гумилев, – но стоит помнить, что это именно чужой опыт» [Гумилев 2017: 299]. При реформировании российской правовой системы опыт иностранных правовых систем нужно использовать «не для копирования иностранных институтов в нашем законодательстве» [Кудрявцева 1998: 6], а для учета общемировых тенденций развития отдельных правовых институтов, в том числе института религиозных организаций.

Для нас большее значение имеет в связи с этим возможность интерпретации зарубежных норм о религиозных организациях и включения их в той или иной форме (части и проч.) в современное российское законодательство с обязательным соблюдением следующих двух условий: во-первых, отечественная правовая система от таких норм должна стать более эффективной, и, во-вторых, данные нормы не должны противоречить истории развития и принципам формирования российского права, отечественной правовой культуре.

Может показаться удивительным, но в отечественной юридической литературе отсутствуют современные фундаментальные исследования правового регулирования религиозных организаций. Безусловно, имеются отдельные работы ученых-юристов по

указанному вопросу, хотя их нельзя назвать концептуальными, и зачастую они либо сводятся к рассмотрению отдельных узких вопросов (например, вопросов имплементации международных норм о религиозных организациях и реализации гражданами своих религиозных свобод и т. п.), либо посвящены обзору юридической литературы по данной теме и представляют собой, по сути, научный доктринальный комментарий к законодательству в указанной области.

Взаимоотношения государств и религиозных объединений

Международное право предполагает, что в современном мире свобода исповедовать ту или иную религию есть неотъемлемая составляющая свободы личности.

В ст. 18 Международного пакта «О гражданских и политических правах», принятого 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН¹, говорится, что право каждого человека на свободу мысли, совести и религии включает в себя свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении.

Аналогичное положение включено в ст. 28 Конституции Российской Федерации, что не противоречит изначальному принципу построения Российского государства как светского государства [Козлова, Кутафин 2003: 117]. Схожие по смыслу нормы, в том числе в преамбуле, содержит и Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Таким образом, в качестве одного из практических проявлений свободы совести выступает возможность для граждан объединяться в религиозных целях. Скорее всего, потребность верующих в объединении изначально присуща любой или почти любой религии вследствие обычной социальной

и государственной практики преследования ее сторонников на начальном этапе распространения конкретных религиозных знаний и учений [Уитноу 2020: 57].

Конституция Российской Федерации в силу иного своего назначения упоминает о религиозных объединениях лишь в части.

Прежде всего ч. 1 ст. 30 Конституции РФ закрепляет право каждого на объединение и свободу объединений. Часть 4 ст. 13 Конституции РФ провозглашает равенство объединений перед законом, одновременно устанавливая запрет на создание и деятельность объединений, цели или действия которых с точки зрения государства противоправны, например, в числе прочего, если цели или сама деятельность какого-либо объединения направлены на разжигание религиозной розни. О принципе построения России как светского государства и отделении религиозных объединений от государства, а также об их равенстве перед законом сказано в ст. 14 Конституции РФ, хотя отдельные авторы и отмечают, что такая конструкция выполнена «по остаточному принципу» [Лупарев 2005: 62], а фактически федеральное законодательство отдает предпочтение представителям одной из конфессий и на практике отходит от провозглашенного в Конституции РФ принципа их равенства перед законом [Страшун 2003: 33]. Часть 1 ст. 67.1 Конституции РФ говорит о вере в Бога, но не в качестве чьей-либо обязанности или принципа российской государственности, а в контексте преемственности поколений в российском обществе.

Попутно необходимо отметить и еще одно отступление от принципа равенства религий и конфессий – в преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» признается особая роль православия в истории России, в развитии ее культуры и духовности, что явно не соответствует конституционным принципам равенства религиозных объединений перед законом. На данное несоответствие обращали внимание не только ученые, но и отдельные официальные лица².

¹ Пакт открыт для подписания, ратификации и присоединения 19 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН, вступил в силу 23 марта 1976 г. СССР подписал Пакт 18 марта 1968 г. с заявлением, Пакт вступил в силу для СССР 23 марта 1976 г. Постановлением ВС СССР от 5 июля 1991 г. № 2305-1 СССР признал компетенцию Комитета по правам человека в соответствии со ст. 41 Пакта.

² Заключение Уполномоченного по правам человека в РФ «О проверке соответствия Федерального закона „О свободе совести и о религиозных объединениях“ международно-правовым обязательствам Российской Федерации».

Таким образом, имеются все необходимые конституционные установления для создания и деятельности религиозных объединений по собственному усмотрению, в рамках непосредственного понимания ими необходимой иерархической и институциональной структуры [Алексеев 1994: 17]. Отделение религиозных организаций от государства означает ограничение их функционала в рамках государственной деятельности (отсутствие функций органов власти, неучастие именно в качестве религиозных организаций в избирательном процессе и политической деятельности в целом и т. п.), но не предполагает установления каких-либо ограничений и запретов для самих членов таких религиозных организаций, которые могут в полной мере осуществлять свои гражданские права, но вне данной религиозной организации [Пятин 2006].

Исторически вопрос взаимоотношений государства и церкви всегда был еще более актуален в Италии.

В ст. 3 Конституции Итальянской Республики провозглашено равенство людей независимо от религиозной принадлежности, в ст. 7 указывается на независимость и суверенитет государства и католической церкви в их сферах деятельности. Отношения между государством и церковью регулируются Латеранскими соглашениями 1929 г., заключенными между Италией и Ватиканом в завершение процесса объединения Италии и ликвидации Папской области в 1870 г. Интересно, что лишь с заключением в 1984 г. нового Конкордата между Италией и Ватиканом католическая религия перестала быть единственной религией в Италии¹.

Статья 8 Конституции Итальянской Республики устанавливает равенство религиозных исповеданий перед законом, а также равенство конфессий помимо католической церкви. В самом общем виде формы объединений по религиозному признаку предусмотрены ст. 19 Конституции Италии.

Вопросы взаимоотношений власти с религиозными организациями выведены из числа достаточно широких прерогатив областей и коммун и отнесены к исключительному ведению самой Республики (ст. 117 Конституции Италии).

Конституция Французской Республики говорит о правах граждан на объединение с ре-

лигиозными целями не столь прямо, а, скорее, опосредованно. В частности, ст. 1 Конституции провозглашает, что Франция – светское государство. Основой французской Конституции является Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г., ст. 4 которой, например, указывает в качестве первоисточника государства и общества свободу человеческой воли в пределах, не запрещенных законом, а ст. 10 запрещает притеснять за религиозные взгляды. Таким образом, право на объединение граждан по религиозному признаку не исключается, а Преамбула к Конституции от 27 октября 1946 г. даже говорит о коллективном пользовании провозглашенными правами и свободами².

В связи с этим мы полагаем, что в таком важном для любого государственного устройства документе, как конституционный акт, регулирование взаимоотношения государства и религиозных организаций отражает внутреннюю природу гражданского общества в этих государствах. В России, Италии и Франции они разрешаются в соответствии с исторической традицией жизни народов этих стран. Какое-либо заимствование или имплементация норм здесь вряд ли необходимы и возможны. Вместе с тем очевидно и другое: во всех трех государствах право граждан на объединение с религиозными целями подтверждается в качестве естественного права любого человека.

Право граждан на объединение по религиозному признаку

Непосредственно о возможности граждан России создавать религиозные объединения говорится в п. 1 ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» без какой-либо конкретизации этого права. Таким образом, граждане могут исповедовать любую религию и совершать связанные с этим обряды и действия как индивидуально, так и коллективно. Коллективная форма может подразумевать или не подразумевать некоторую институализацию, т. е. то, создали ли граждане некую организацию, либо же их объединение стихийно.

С точки зрения этимологии объединение – это соединение³, организация, форми-

¹ Конкордат 1984 г. // Италия. Конституция и законодательные акты. М., 2018. С. 19.

² Конституции зарубежных государств. М., 2020. С. 78.

³ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2019. Т. I. С. 678.

рование, содружество¹, интеграция, сплочение², союз людей, имеющих общие задачи³. Понятие религии многозначно, однако в близком к теме нашего исследования смысле под ней понимают одну из форм общественного сознания⁴, мироощущение, совокупность духовных представлений, основанных на вере в существование Бога⁵, связанные с этой верой особое поведение и специфические действия (культ)⁶, одна из форм мировоззрения, система традиций, обрядов и связанного с ними поведения, основанная на определенном духовном учении⁷. Можем сделать предварительный вывод о том, что религиозное объединение – это сформировавшийся в организацию союз людей, имеющих схожие духовные представления, основанные на вере в Бога, в рамках конкретного догматического учения и коллективного мировоззрения.

В связи с этим следует отметить, что легальное определение религиозного объединения, предлагаемое в п. 1 ст. 6 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», явно далеко от совершенства.

Прежде всего, вряд ли имеет смысл указание на добровольность такого рода объединения [Пашакова 1996: 16]. В противном случае данный признак необходимо включать в определение понятия любой коммерческой или некоммерческой организации. Отдельные авторы вообще отрицают добровольность в таких организациях, как духовные учебные заведения или органы церковного управления, основанные на жесткой иерархии [Малиновский, Бурковская 1999: 5], однако такое сравнение все-таки недостаточно корректно.

Из прямого толкования нормы закона следует, что объединяться с религиозными

целями могут только граждане Российской Федерации и иные лица, постоянно и на законных основаниях проживающие на территории Российской Федерации, т. е. иностранные граждане и лица без гражданства.

Между тем непонятно, как быть, например, с иностранными гражданами, которые проживают в России на условиях временного проживания (ВНЖ) и продлевают свой статус ежегодно в течение многих лет. Также неясно, почему не могут быть участниками объединения и граждане другого государства, лишь пребывающие в России, например, с просветительской миссией, для миссионерской деятельности и т. п. Порочен и сам критерий «постоянного проживания».

**Религиозное объединение –
это сформировавшийся в организацию
союз людей, имеющих схожие духовные
представления, основанные на вере в Бога,
в рамках конкретного догматического учения
и коллективного мировоззрения**

Необходимо ли под ним подразумевать только наличие у лица права на постоянное проживание на территории России (из текста Закона вроде бы следует, что это так и есть), либо этот статус, скорее, связан с понятием резидентства? Во втором случае под такой критерий должны подпадать и российские граждане, постоянно проживающие за рубежом, а в первом случае не совсем понятно, в каких целях установлено подобное ограничение. Обратим внимание и на то, что сегодня достаточно широко распространены международные религиозные организации, и постоянно проживающий на территории другого государства иностранный гражданин вполне может реально являться «частью» такого религиозного объединения, «представительством» которого действует и в России.

Также в Законе не раскрывается содержание самого понятия лиц, которые «объединяются»: неясно, идет ли речь только об учредителях и (или) о руководителях конкретной религиозной организации, или же обо всех ее участниках.

Органы власти предпринимали не самые удачные попытки разъяснить смысл указанных норм.

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2017. С. 562.

² Даль В. И. Толковый словарь русского языка. М., 2020. С. 712.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2019. С. 788.

⁴ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. С. 566.

⁵ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2018. С. 567.

⁶ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2020. С. 799.

⁷ Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / под ред. Т. Ф. Ефремовой. М., 2021. Т. 1. С. 634.

В частности, согласно письму Минюста РФ от 24 декабря 1997 г. «О применении законодательства о религиозных объединениях»¹ требование о наличии российского гражданства распространяется только на учредителей религиозных организаций, участниками же религиозной организации могут быть иностранные граждане и лица без гражданства, которые в установленном порядке получили разрешения на постоянное проживание и виды на жительство в Российской Федерации. Эти лица могут возглавлять религиозные организации, однако для этого они должны постоянно проживать в России, а вот временно пребывающие в России иностранцы и лица без гражданства такого права не имеют. В то же время сама религиозная организация вправе приглашать иностранных граждан для занятия профессиональной религиозной деятельностью в данной организации.

Таким образом, учредители религиозной организации – только граждане России, руководители религиозной организации – любые лица, постоянно проживающие (скорее всего, имеющие право на постоянное проживание) в России независимо от их гражданства, участники религиозной организации – любые лица, имеющие право на проживание в России (постоянное или временное), иные лица могут лишь привлекаться к деятельности религиозной организации, но не быть ее участниками.

Хотя прямо из норм Закона такое толкование и не следует, с ним можно согласиться и прямо обозначить в п. 1 ст. 6 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» правомочность всех указанных выше лиц в интерпретации, предложенной Минюстом России. Если же ставить вопрос принципиально, то с точки зрения норм международного права, в частности п. 2 ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, данное дискриминационное в отношении иностранных граждан положение вообще должно быть исключено из Закона.

¹ Письмо Минюста РФ от 24 декабря 1997 г. «О применении законодательства о религиозных объединениях» (вместе с «Методическими рекомендациями по осуществлению органами юстиции контрольных функций в отношении религиозных организаций», «Методическими рекомендациями о применении органами юстиции некоторых положений Федерального закона „О свободе совести и о религиозных объединениях“»).

Далее согласно п. 1 ст. 6 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозная организация обрывается в целях совместного исповедания и распространения веры. Такое указание мы считаем ошибкой законодательной техники, поскольку существуют религиозные организации, в которых либо не предусмотрено совместное вероисповедание, либо не ставятся задачи по распространению веры. То есть уместнее будет союз «или», а не «и».

Кроме того, российский законодатель предусматривает, что религиозное объединение должно обладать такими признаками, как 1) наличие вероисповедания; 2) совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; 3) обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

Указанная формулировка явно некорректна.

Во-первых, очевидно, что существуют религиозные объединения, которые не преследуют какие-либо из этих целей (например, религиозное воспитание своих последователей); не во всех религиях предусмотрено совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний и т. п. Соответственно эта совокупность признаков не может рассматриваться как обязательная.

Во-вторых, сомнительны и сами термины. Например, термин «обучение религии» вряд ли уместен, если расценивать религию как мироощущение конкретного человека. Вероисповедание как религиозная система со свойственной ей обрядностью также характерна не для каждой религии. Например, есть объединения граждан вроде Церкви Летающего Макаронного Монстра, которые формально подпадают под указанные в российском законодательстве признаки, но имеют явный пародийный характер².

В итоге считаем возможным предложить следующую редакцию п. 1 ст. 6 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»:

«1. Религиозное объединение – это объединение физических лиц с целью совместного исповедания и (или) распространения веры.

Для религиозных объединений обычны, но не обязательны наличие особого вероис-

² Русская Пастафарианская Церковь | РПЦ МП // URL: <https://vk.com/rpcmp>.

поведания, совершение богослужений, религиозных обрядов и церемоний, обучение системе религиозного вероучения и религиозное воспитание».

Во Франции и Италии законодатель несколько иначе подходит к исследуемому вопросу.

Правовое регулирование деятельности религиозных организаций во Франции двояко: с одной стороны, регулируются создание и деятельность объединений как форм и результатов реализации субъективного гражданского права на объединение, с другой – право определяет основные аспекты отправления религиозного культа. На «стыке» двух указанных схем правового регулирования и находится регулирование деятельности религиозных организаций.

Законом от 1 июля 1901 г. «Об учредительном договоре объединения» провозглашена свобода любых объединений независимо от их целей (ранее действовало ограничение: объединения, включающие свыше 20 человек, должны были получать государственное разрешение на свою деятельность – регистрироваться, с принятием же Закона разрешительный порядок сменился на порядок уведомительный). Объединением признается соглашение, в результате которого два или более лица объединяют на постоянной основе свои знания или деятельность для достижения иной цели, чем распределение получаемых доходов (ст. 1 Закона) [Шахов 2015: 319]. Объединения могут быть декларируемыми (по аналогии с российским понятием – зарегистрированными) и недеклалируемыми. Недекларируемые объединения не имеют статуса юридического лица [Потанина 2001: 105].

В Италии ситуация еще более уникальна.

С одной стороны, исторически длительное время единственной религиозной организацией, достаточно жестко институализированной, в Италии была Римско-католическая церковь. На протяжении XIX–XX вв. между государством и церковью заключались различного рода соглашения, связанные с территориальными вопросами, проблемой признания католического христианства как единственно допустимой на территории Италии религии, религиозным воспитанием, финансированием церкви за счет государства и т. п. [Язькова 2009: 19; Баллестрем 2002: 67; Тютчев 1913: 37], что обычно приводило к уменьшению церковных возможностей и притязаний

и к расширению государственного господства [Salvemini 2019: 37]. «Статус-кво» в указанной сфере был закреплен, видимо, лишь в 1970-х гг. [Шашкова 2016: 29]. В рамках достаточно изменчивого законодательства, регулирующего данные вопросы, Римско-католическая церковь воспринималась как построенная на иерархических принципах единая централизованная система, имеющая не только духовное, но и историко-правовое и культурное значение. Соответственно, вопрос о понимании Римско-католической церкви как религиозного объединения вообще не поднимался.

С другой стороны, с учетом все большей «конкуренции» различных конфессий законодатель для обозначения религиозного объединения выбрал широко используемую в итальянском законодательстве категорию религиозного культа.

Закон от 24 июня 1929 г. № 1159, называемый иногда Законом о разрешенных культах [Ferrari, Ferrari 2010: 19], не предлагает развернутого определения именно религиозного объединения, устанавливая возможность деятельности любых объединений и выделяя среди них религиозные по целям, однако указывает на коллективную возможность отправления религиозного культа без какой-либо регистрации или получения разрешения в органах власти. В то же время в силу ст. 1 Закона деятельность таких религиозных объединений допустима только в той части, в которой они не придерживаются принципов и не осуществляют обряды, которые противоречат общественному порядку и морали.

Таким образом, приходим к следующим промежуточным выводам.

Во-первых, в силу исторических и правовых традиций законодатели Франции и Италии не предлагают развернутых определений именно религиозных объединений, в том числе поскольку предполагают, что религиозное объединение весьма схоже с иными объединениями. Это значительно отличает законодательство указанных государств от законодательства других стран романо-германской правовой семьи [Robbers 2001: 643]. Само по себе объединение рассматривается в качестве способа реализации субъективного гражданского права на объединение и права на коллективное отправление религиозного культа.

Во Франции религиозное объединение – это, по сути, аналог российской некоммерческой организации, имеющей религиозные цели. В Италии подход двоякий: Римско-католическая церковь рассматривается как сложившаяся религиозная система и, в том числе в силу положений конкордатов с государством, не рассматривается как объединение, а иные организационные формы религиозных конфессий допускаются как формы реализации прав верующих без какой-либо их формализации на первоначальном этапе.

Российское понимание религиозного объединения намного более формализовано. Выше нами указаны недостатки легального определения религиозного объединения в российском праве и предложена собственная дефиниция этого социально-правового феномена.

Во-вторых, законодательство всех трех государств для отграничения религиозных объединений от иных видов объединений граждан в качестве основного критерия использует понятия «религиозные цели» и «цели отправления религиозного культа», не предлагая характеристик такого рода целей, видимо, ввиду их очевидности. Однако в ряде случаев оговаривается (Италия), что осуществляемые в таких целях обряды не должны противоречить нормам общественного порядка и морали. Российский законодатель, напротив, предложил крайне неудачные определения религиозных целей, подлежащие корректировке.

Кроме того, в Италии и Франции нет каких-либо ограничений для создания на первоначальном уровне в наиболее простых формах религиозных объединений иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также для руководства ими. Как мы указывали выше, такое ограничение должно быть снято и в российском законодательстве.

В результате в исследуемой части мы не установили необходимости имплементации какой-либо французской или итальянской нормы в российское законодательство о религиозных объединениях.

Формы религиозных объединений

Специфика понимания религиозного объединения в России, Италии и во Франции в значительной мере определяет и формы религиозных объединений.

Пункт 2 ст. 6 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» предусматривает возможность создания в Российской Федерации религиозных объ-

единений в двух формах: в форме религиозной группы и в форме религиозной организации. Анализ ст. 7 и 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», закрепляющих соответственно особенности религиозных групп и религиозных организаций, позволяет выделить следующее основное различие между ними: религиозная группа не регистрируется и вследствие этого не получает прав юридического лица. Тем не менее в силу п. 2 ст. 7 Закона руководство группы должно уведомлять в специально установленной форме в письменном виде о начале и продолжении своей деятельности орган, уполномоченный принимать решение о государственной регистрации религиозной организации, по месту осуществления деятельности данной религиозной группы. Следует отметить, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации ранее указывал, что такие положения Закона противоречат как международному праву, в том числе европейскому, так и прецедентам органов Совета Европы¹.

В Италии вопрос форм религиозных объединений тесно связан с проблемой взаимоотношений конфессий и государства. Между Италией и Римско-католической церковью существует конкордат, в рамках которого последняя признается не просто организацией, а полноправным партнером Италии. Остальные религиозные объединения по своей форме (религиозная группа или религиозная организация) зависят, во-первых, от волеизъявления их участников и, во-вторых, от наличия соглашения между государством и конкретной конфессией [Long 2001: 319].

Исходной формой религиозного объединения является все-таки религиозная группа. Такие группы могут быть двух видов.

Самые «простые» – группы единомышленников, преследующие религиозные цели и осуществляющие свою деятельность без получения предварительного разрешения и без предварительной регистрации. Они действуют в рамках общих положений итальянского гражданского законодательства об объединениях.

Однако есть и более формализованные религиозные группы – это группы, создавшие

¹ Заключение Уполномоченного по правам человека в РФ «О проверке соответствия Федерального закона „О свободе совести и о религиозных объединениях“ международно-правовым обязательствам Российской Федерации».

объединения без образования юридического лица (*associazioni non riconosciute*) в соответствии с нормами ст. 36–38 Гражданского кодекса Италии. Данные группы могут быть субъектами права, например права собственности на имущество, и выступать в правовых отношениях от своего имени, совершая юридически значимые действия, хотя именно с приобретением группой такого статуса уже начинают проявляться первые признаки государственного регулирования: например, в отношении таких организаций законодательно определен максимальный размер пожертвований от частных лиц.

При желании религиозная группа первого или второго вида может быть зарегистрирована в качестве религиозной организации.

Во Франции основа деления религиозных объединений с точки зрения форм их существования состоит в том, какое именно отправление религиозного культа – публичное или частное – имеет место. Отправление культа считается публичным за исключением тех случаев, когда 1) его участники получают приглашения, оформленные персонально; 2) между организаторами религиозного собрания и персонально приглашенными лицами имеется связь еще до проведения мероприятия; 3) организован контроль допуска на собрание, не позволяющий посетить его лицам, не имеющим персональных приглашений [Веселова, Голуенко 2018: 54].

Исходя из этого критерия религиозные объединения могут быть декларируемыми и недеклалируемыми. Если объединение отправляет публичный религиозный культ, то оно может быть только декларированным. Если отправляется частный культ, то уже от самих организаторов (инициаторов) его отправления зависит, декларировать ли такого рода объединение или нет [Шахов 2019: 45].

Недекларированное религиозное объединение во Франции имеет некоторые сходства с религиозными группами в понимании российского законодательства, однако есть и существенные различия.

В частности, французские недеклаированные религиозные объединения в соответствии с Законом от 1 июля 1901 г. должны иметь в совокупности фиксированное членство (персонально идентифицированный состав участников) и учредительный договор об объединении. В России группа граждан, относительно систематически собирающаяся

вместе для проведения обрядов, отправления религиозного культа и т. п., может быть признана религиозной группой с возложением на ее руководителей соответствующих обязанностей. Во Франции такая группа граждан недеклаированным религиозным объединением признана не будет, соответственно, она не должна сообщать о начале своей деятельности какому-либо стороннему лицу, отчитываться перед кем-либо о продолжительности своей деятельности и проч. Для «начального звена» исходной главенствующей конфессии – католицизма – вообще предусмотрено иное правило: католический приход не подпадает под статус недеклаированного объединения, юридического лица и вообще культового объединения [Шахов 2014: 21].

Выводы

Российское законодательство о формах религиозных объединений граждан не дает религиозным объединениям, не имеющим статуса юридического лица, почти никаких прав, однако предусматривает для таких объединений дополнительные обязанности, не свойственные для их аналогов в других правовых порядках. Так, требование российского Федерального закона об обязательном уведомлении религиозным объединением, не имеющим статуса юридического лица, органов власти о самом факте своего создания, приближает отечественные религиозные группы по объему обязанностей к французским декларируемым организациям, однако, в отличие от французского законодательства, не предоставляет российским религиозным группам каких-либо прав.

Ни во французском, ни в итальянском праве не предусмотрено никаких обязанностей религиозных объединений сообщать о продолжении своей деятельности, нет никаких ограничений по гражданству или наличию прав на проживание в государстве, где действует религиозная группа (такие ограничения сами по себе странны в эпоху глобализации и повышенной мобильности населения); указанное требование также не соответствует международному праву и должно быть исключено из российского Закона.

В связи с этим мы предлагаем изложить п. 1 ст. 7 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в новой редакции (см. ранее) и исключить пп. 2 и 3 из ст. 7 данного Закона.

Список литературы

- Ferrari A., Ferrari S.* Religion and the Secular State: the Italian Case // *Cardozo Electronic Law Bulletin*. 2010. Vol. 16. № 1. P. 19–28.
- Long G.* Church Autonomy and Religious Liberty in Italy Church // *Church Autonomy: A Comparative Survey* / ed. by G. Robbers. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. P. 319–344.
- Marcus R. L.* Putting American Procedural Exceptionalism into a Globalised Context // *The American Journal of Comparative Law*. 2005. Vol. 53. P. 710–718.
- Robbers G.* Religious Freedom in Germany // *BYU Law Review*. 2001. № 6. P. 643–668.
- Salvemini G.* Stato e Chiesa in Italia. Milano: Feltrinelli, 2019. 280 p.
- Алексеев В. А.* Государственно-церковные отношения: содержание, характер, тенденции, эволюция (на материалах отечественной истории послеоктябрьского периода XX века): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1994. 38 с.
- Баллестрем К. Г.* Церковь и демократическая культура: проблема адаптации и конфликты // *Вопросы философии*. 2002. № 1. С. 67–76.
- Веселова А. Р., Голуенко Т. А.* Государственно-церковные отношения во Франции и Германии: сравнительный анализ // *Горизонты образования*. 2018. № 20. С. 54–61.
- Гумилев Л. Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Пальмира, 2017. 381 с.
- Зорькин В. Д.* Конституционные основы развития цивилизации в современном глобальном мире // *Журнал российского права*. 2007. № 4. С. 3–8.
- Имбер Ж.* Исторический метод в сравнительном правоведении // *Проблемы сравнительного правоведения. По материалам VI советско-французского симпозиума юристов*. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1981. С. 72–80.
- Козлова Е. И., Кутафин О. Е.* Конституционное право России. М.: Юристъ, 2003. 585 с.
- Кудрявцева Е. В.* Судебное решение в английском гражданском процессе. М.: Городец, 1998. 143 с.
- Лупарев Г. П.* Конституционная характеристика государства (содержание и значение) // *Право и политика*. 2005. № 4. С. 62–70.
- Малиновский А. А., Бурковская В. А.* Деятельность религиозных объединений (психологические и юридические аспекты): справоч. пособие для работников прокуратуры. М., 1999. 204 с.
- Марченко М. Н.* Сравнительное правоведение: Общая часть. М.: Зерцало, 2001. 560 с.
- Пашакова В. В.* Церковь и государство в современном политическом процессе России: опыт и проблемы взаимодействия: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1996. 22 с.
- Перевалов В. Д.* Теория государства и права. М.: Инфра-М, 2020. 610 с.
- Потанина С. В.* Некоторые аспекты взаимоотношений государства и религии за рубежом // *Журнал российского права*. 2001. № 4. С. 105–113.
- Пятин С. Ю.* Комментарий к Федеральному закону от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (постатейный). 2006 // URL: <http://www.bapt.ru/en/justice/67-comment/331-pyatin?format=pdf> (дата обращения: 10.01.2023).
- Синюков В. Н., Григорьев Ф. А.* Правовая система: вопросы правореализации. Саратов: СВШ МВД РФ, 1995. 155 с.
- Скрипчев Е. А.* Историко-сравнительный метод в правоведении России второй половины XIX – начала XX в. // *Методология историко-правовых исследований*. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1980. С. 17–29.
- Страшун Б. А.* Десять лет конституционных прав и свобод // *Журнал российского права*. 2003. № 11. С. 33–42.
- Тютчев Ф. И.* Папство и римский вопрос // *Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений*. СПб.: Т-во А. Ф. Маркс, 1913. С. 475–501.
- Уитноу Р.* Религия и политика в контексте концепций общественного развития. М.: Дедалус, 2020. Т. 3. 312 с.
- Шахов М. О.* К вопросу о правовом соотношении принципа светскости государства и принципа отделения от него религиозных объединений в современной Франции // *Религия и право*. 2014. № 69. С. 19–24.

Шахов М. О. Объединения религиозного характера в современной Франции // Сретенский сборник: Научные труды преподавателей СДС. Вып. 6. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. С. 319–394.

Шахов М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. 877 с.

Шашкова А. Первая среди равных?.. Динамика развития правового положения католической церкви и других конфессий в Италии // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3. С. 29–39.

Язькова В. Е. Церковь и государство в Италии в политической концепции К. Б. Кавура: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 30 с.

Алексей Анатольевич Максуров – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. 150000, Российская Федерация, Ярославль, ул. Советская, д. 14. E-mail: polzovatel.mos@bk.ru.

ORCID: 0000-0002-5781-6524

The Concept and Forms of Associations of Citizens for Religious Purposes in Russia, Italy, and France: A Comparative Legal Analysis

In modern conditions, the issues of legal regulation of the realization of the citizens' right to freedom of conscience are becoming quite relevant. On the one hand, the state should prevent the violation of this natural right, and, on the other hand, it is called upon to protect the interests of the individual and society from destructive religious influence. Comparative legal analysis with the national legal orders of France and Italy, which are close in the Romano-Germanic legal family, can potentially enrich both Russian legislation and domestic legal doctrine.

The author notes the shortcomings of the legal regulation of ensuring the citizens' rights to freedom of conscience in the Russian Federation in terms of excessive state control over the activities of religious groups. The domestic legislator does not take into account the division of religious worship into private and public one, common in developed countries (including France and Italy), which largely predetermines the specifics of legal regulation. Based on the analysis of the current legislation in this area, the author substantiates the need to change the domestic approach to the problem. In particular, it is proposed that paragraph 1 of Article 7 of the Federal Law «On Freedom of Conscience and Religious Associations» be reworded, providing for greater autonomy of religious groups and their independence from excessive state control. Paragraphs 2 and 3 of Article 7 of the Federal Law should be excluded from it, because they create unreasonable obstacles for the citizens of the Russian Federation to exercise their right to freedom of conscience.

Keywords: religion, religious group, religious association, worship, faith

Recommended citation

Maksurov A. A. Ponyatie i formy ob'edinenii grazhdan v religioznykh tselyakh v Rossii, Italii i Frantsii: sravnitel'no-pravovoi analiz [The Concept and Forms of Associations of Citizens for Religious Purposes in Russia, Italy, and France: A Comparative Legal Analysis], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 35–47, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_35.

References

Alekseev V. A. *Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya: sodержanie, kharakter, tendentsii, evolyutsiya (na materialakh otechestvennoi istorii posleoktyabr'skogo perioda XX veka)* [State-Church Relations: Content, Character, Trends, Evolution (Based on the Materials of the National History of the Post-October Period of the XX Century)]: autoabstr. of doct. philos. sc. thesis, Moscow, 1994, 38 p.

Ballestrem K. G. Tserkov' i demokraticeskaya kul'tura: problema adaptatsii i konflikty [Church and Democratic Culture: the Problem of Adaptation and Conflicts], *Voprosy filosofii*, 2002, no. 1, pp. 67–76.

Ferrari A., Ferrari S. Religion and the Secular State: the Italian Case, *Cardozo Electronic Law Bulletin*, 2010, vol. 16, no. 1, pp. 19–28.

Gumilev L. N. *Ot Rusi k Rossii: ocherki etnicheskoj istorii* [From Rus to Russia], Moscow, Pal'mira, 2017, 381 p.

Imber Zh. *Istoricheskii metod v sravnitel'nom pravovedenii* [Historical Method in Comparative Jurisprudence], *Problemy sravnitel'nogo pravovedeniya. Po materialam VI sovetsko-frantsuzskogo simpoziuma yuristov* [Problems of Comparative Jurisprudence. Based on the Materials of the VI Soviet-French Symposium of Lawyers], Moscow, Izd-vo IGI P AN SSSR, 1981, pp. 72–80.

Kozlova E. I., Kutafin O. E. *Konstitucionnoe pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia], Moscow, Yurist, 2003, 585 p.

Kudryavtseva E. V. *Sudebnoe reshenie v angliiskom grazhdanskom protsesse* [Judicial Decision in English Civil Proceedings], Moscow, Gorodets, 1998, 143 p.

Long G. *Church Autonomy and Religious Liberty in Italy* Church, Robbers G. (ed.) *Church Autonomy: A Comparative Survey*, Frankfurt am Main, Peter Lang, 2001, pp. 319–344.

Luparev G. P. *Konstitucionnaya kharakteristika gosudarstva (soderzhanie i znachenie)* [Constitutional Characteristics of the State (Content and Meaning)], *Pravo i politika*, 2005, no. 4, pp. 62–70.

Malinovskii A. A., Burkovskaya V. A. *Deyatel'nost' religioznykh ob"edinenii (psikhologicheskie i yuridicheskie aspekty)* [Activity of Religious Associations (Psychological and Legal Aspects)], Moscow, 1999, 204 p.

Marchenko M. N. *Sravnitel'noe pravovedenie: Obshchaya chast'* [Comparative Jurisprudence: General Part], Moscow, Zertsalo, 2001, 560 p.

Marcus R. L. Putting American Procedural Exceptionalism into a Globalised Context, *The American Journal of Comparative Law*, 2005, vol. 53, pp. 710–718.

Pashakova B. B. *Tserkov' i gosudarstvo v sovremennom politicheskom protsesse Rossii: opyt i problemy vzaimodeistviya* [Church and State in the Modern Political Process of Russia: Experience and Problems of Interaction]: autoabstr. of cand. polit. sc. thesis, Moscow, 1996, 22 p.

Perevalov V. D. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], Moscow, Infra-M, 2020, 610 p.

Potanina S. V. *Nekotorye aspekty vzaimootnoshenii gosudarstva i religii za rubezhom* [Some Aspects of the Relationship between the State and Religion Abroad], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2001, no. 4, pp. 105–113.

Pyatin S. Yu. *Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 26 sentyabrya 1997 g. № 125-FZ «O svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniyakh» (postateinyi)* [Commentary to Federal Law No. 125-FZ of September 26, 1997 «On Freedom of Conscience and on Religious Associations» (Article-by-Article)], available at: <http://www.bapt.ru/en/justice/67-comment/331-pyatin?format=pdf> (accessed: 10.01.2023).

Robbers G. Religious Freedom in Germany, *BYU Law Review*, 2001, no. 6, pp. 643–668.

Shakhov M. O. *K voprosu o pravovom sootnoshenii printsipa svetskosti gosudarstva i printsipa otdeleniya ot nego religioznykh ob"edinenii v sovremennoi Frantsii* [On the Question of the Legal Relationship between the Principle of Secularism of the State and the Principle of Separation of Religious Associations from it in Modern France], *Religiya i pravo*, 2014, no. 69, pp. 19–24.

Shakhov M. O. *Ob"edineniya religioznogo kharaktera v sovremennoi Frantsii* [Religious Associations in Modern France], *Sretenskii sbornik: Nauchnye trudy prepodavatelei SDS* [Sretensky Compendium: Scientific Works of Teachers of the SDS], Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2015, iss. 6, pp. 319–394.

Shakhov M. O. *Pravovye osnovy deyatel'nosti religioznykh ob"edinenii v Rossiiskoi Federatsii* [Legal Foundations of Religious Associations in the Russian Federation], Moscow, Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2019, 877 p.

Shashkova A. Pervaya sredi ravnykh? Dinamika razvitiya pravovogo polozheniya katolicheskoi tserkvi i drugikh konfessii v Italii [The First among Equals? Dynamics of the Development of the Legal Status of the Catholic Church and other Confessions in Italy], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2016, no. 3, pp. 29–39.

Sinyukov V. N., Grigor'ev F. A. *Pravovaya sistema: voprosy pravorealizatsii* [The Legal System: the Questions of Legal Realization], Saratov, SVSh MVD RF, 1995, 155 p.

Skripilev E. A. *Istoriko-sravnitel'nyi metod v pravovedenii Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* [Historical and Comparative Method in the Jurisprudence of Russia of the Second Half of the XIX Century to the Early XX Century], *Metodologiya istoriko-pravovykh issledovaniy* [Methodology of Historical and Legal Research], Moscow, Izd-vo IGI AN SSSR, 1980, pp. 17–29.

Strashun B. A. Desyat' let konstitutsionnykh prav i svobod [Ten Years of Constitutional Rights and Freedoms], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2003, no. 11, pp. 33–42.

Salvemini G. *Stato e Chiesa in Italia*, Milano, Feltrinelli, 2019, 280 p.

Tyutchev F. I. *Papstvo i rimskii vopros* [Papacy and the Roman Question], Tyutchev F. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Saint Petersburg, T-vo A. F. Marks, 1913, pp. 475–501.

Uitnou R. *Religiya i politika v kontekste kontseptsii obshchestvennogo razvitiya* [Religion and Politics in the Context of Concepts of Social Development], Moscow, Dedalus, 2020, vol. 3, 312 p.

Veselova A. R., Goluenko T. A. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya vo Frantsii i Germanii: sravnitel'nyi analiz [State-Church Relations in France and Germany: A Comparative Analysis], *Gorizonty obrazovaniya*, 2018, no. 20, pp. 54–61.

Yaz'kova V. E. *Tserkov' i gosudarstvo v Italii v politicheskoi kontseptsii K. B. Kavura* [Church and State in Italy in the Political Concept of K. B. Cavour]: autoabstr. of cand. hist. sc. thesis, Moscow, 2009, 30 p.

Zor'kin V. D. Konstitutsionnye osnovy razvitiya tsivilizatsii v sovremennom global'nom mire [Constitutional Foundations of the Development of Civilization in the Modern Global World], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2007, no. 4, pp. 3–8.

Aleksey Maksurov – candidate of juridical sciences, lecturer of the Department of theory and history of state and law, P. G. Demidov Yaroslavl State University. 150000, Russian Federation, Yaroslavl, Sovetskaya str., 14. E-mail: polzovatel.mos@bk.ru.

ORCID: 0000-0002-5781-6524

Дата поступления в редакцию / Received: 06.12.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023

Т. Д. Тетерин

ООО «Интернет Решения» (Москва)

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ РАБОТНИКА ЗА СЛУЖЕБНЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ ПО ПРАВУ РОССИИ И АНГЛИИ

В системе патентного права институт служебных изобретений занимает центральное место. Несмотря на то что в Гражданском кодексе Российской Федерации данный институт урегулирован весьма удачно, отечественному законодателю все же не удастся решить главную проблему несоразмерности вознаграждений, выплачиваемых работникам по случаю создания служебных изобретений, полезных моделей и промышленных образцов.

В статье рассматривается порядок выплаты вознаграждения работникам-изобретателям по праву России и Англии. Сначала приводится анализ постановления Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2020 г. № 1848, которое устанавливает Правила выплаты вознаграждения за служебные изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Далее указанное Постановление сравнивается с положениями Патентного закона Великобритании от 1977 г., согласно которому выплата вознаграждения за служебное изобретение допускается только в том случае, если работодатель сумел извлечь из соответствующего патента «выдающуюся» прибыль. Английский подход к регулированию рассматриваемого вопроса также проиллюстрирован важнейшей судебной практикой. В заключение автор высказывает предложение по дальнейшему совершенствованию отечественного регулирования на основе модели, реализуемой в Англии.

Ключевые слова: патентное право, результаты интеллектуальной деятельности, служебное изобретение, служебная полезная модель, служебный промышленный образец, право автора на вознаграждение

Для цитирования

Тетерин Т. Д. Вознаграждение работника за служебные технические решения по праву России и Англии // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 48–55. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_48.

УДК 347.77

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_48

Большинству современных юрисдикций так или иначе знаком институт служебных изобретений, и Россия не исключение. Причина, по которой законодатели разных стран уделяют данному институту особое внимание, была сформулирована В. О. Добрыниным: «Для коммерциализации объектов интеллектуальной собственности необходимо большое количество финансовых, технологических, технических средств, которые могут быть сосредоточены в крупных хозяйственных субъектах» [Добрынин 2014]. Очевидно, что сами изобретатели не располагают подобной технической базой, а потому количество патентуемых служебных

результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД) неминуемо растёт.

Нельзя не признать, что Гражданский кодекс Российской Федерации довольно детально регулирует распределение патентных прав на служебные изобретения, полезные модели и промышленные образцы. При этом в целях соблюдения баланса интересов сторон отечественный законодатель наделяет работника-изобретателя правом получить вознаграждение за созданное им техническое решение. Однако подобные вознаграждения зачастую носят символический характер, потому что прибыль, извлекаемая работодателем благодаря активному использованию

служебного РИД, может существенно превышать полученную автором сумму.

Проблема несоразмерности вознаграждений известна не только российскому, но и зарубежному праву, и в каждой стране решается по-разному.

Так, в Германии предусмотрено три метода расчета вознаграждения для тех случаев, когда между сторонами не заключено соответствующее соглашение, а у работодателя возникли «объективно определяемые преимущества» от использования служебного РИД¹. В одной из формул расчета за основу берется не что иное, как размер извлеченной работодателем прибыли².

Радикального подхода к решению обозначенной проблемы придерживается право США. Американская доктрина выработала позицию, согласно которой заработная плата, выплачиваемая сотрудникам корпораций, в полной мере покрывает изобретательские амбиции авторов, поэтому необходимость в дополнительном вознаграждении отсутствует. Кроме того, в деле *Goodyear Tire & Rubber Co. v. Miller* 1927 г. суд аргументировал отказ в присуждении компенсации еще и тем, что работодатель истца всячески содействовал созданию патентоспособного РИД, предоставляя своему работнику необходимое оборудование и материальные ресурсы. Развивая эту мысль, Т. Такенака пишет, что американская система призвана поощрять научные инновации не при помощи вознаграждений, а посредством высокой трудовой мобильности талантливых сотрудников [Takenaka 2014]. Н. Оркин, напротив, считает, что сложившаяся в США система всячески подавляет изобретательский потенциал американских работников [Orkin 1974].

Пожалуй, наиболее гибкое и персонализированное регулирование предлагает английское право. В связи с этим весьма полезным видится обращение к законодательному опыту и судебной практике Англии, так как выработанный там подход может быть

с успехом воспринят и адаптирован российским законодателем. Руководствуясь этим сообщением, автор настоящей статьи охарактеризует порядок выплаты вознаграждения авторам служебных РИД по праву России и Англии, после чего выступит с предложением по дальнейшему совершенствованию отечественного регулирования.

Вознаграждение за служебные технические решения по праву РФ

Начнем с того, что согласно ст. 1370 ГК РФ под служебным техническим решением следует понимать такой объект патентного права, который создан автором-работником в связи с выполнением им своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя. Получение материального вознаграждения является одним из центральных элементов отношений, складывающихся по поводу создания служебного РИД. В п. 4 ст. 1370 ГК РФ дается исчерпывающий перечень случаев, когда у работника возникает упомянутое право.

Во-первых, автору предоставляется право на вознаграждение, если работодатель самостоятельно получает патент на служебное техническое решение; если ему не удастся этого сделать по зависящим от него обстоятельствам; если он передает право на получение патента третьему лицу; если он решает сохранить сведения о соответствующем РИД в тайне, о чем надлежаще известит своего подчиненного.

Во-вторых, автор может претендовать на вознаграждение, если к нему вернулось право на получение патента в силу бездействия работодателя, а последний, в свою очередь, решает задействовать техническое решение своего работника в производстве на условиях простой (неисключительной) лицензии в течение срока действия охранного документа. К слову, право на получение патента вновь переходит к изобретателю, если спустя шесть месяцев со дня уведомления о создании охраноспособного объекта работодатель не осуществит одно из следующих действий: не подаст заявку на выдачу патента, не передаст право на получение патента третьему лицу или же не примет решение о сохранении сведений о соответствующем РИД в тайне. Как отмечено в Определении Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 876-О, установление полугодового пре-

¹ Hohagen G., Burghart S., Shannon C. et al. Compensating Employee Inventors // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=35836b4e-8c96-4f90-9e80-6fd2e33c2d7a> (дата обращения: 22.04.2023).

² Ворожевич А. С. Расчет и выплата авторского вознаграждения за патентоохраняемые объекты // URL: <https://legalinsight.ru/news/raschet-i-vyplata-avtorskogo-voznagra/?ysclid=liarly17v2202962359/> (дата обращения: 22.04.2023).

клюдивного срока способствует своевременной выплате изобретателю материального вознаграждения, а также гарантирует сам факт получения патента.

Логично предположить, что право на вознаграждение имеет гражданско-правовую сущность. Это находит подтверждение в п. 91 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». Цивилистическая природа выплат отражена в абз. 5 п. 4 ст. 1370 ГК РФ, в соответствии с которым право на получение вознаграждения за служебный РИД переходит к наследникам изобретателя на оставшийся срок действия исключительного права.

Итак, имея основания для получения вознаграждения, работник, как правило, заключает со своим работодателем специальный договор. В нем стороны оговаривают размер, условия и порядок осуществления причитающейся работнику выплаты. Если же сторонам не удается достичь договоренности, то указанный вопрос адресуется суду. Дошедший до суда спор подлежит урегулированию по правилам п. 4 ст. 445 ГК РФ и с учетом постановления Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1848 «Об утверждении Правил выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы» (далее – Постановление № 1848).

Согласно Постановлению № 1848 факт создания служебного технического решения поощряется следующим образом: изобретатель получает тридцать процентов, а автор полезной модели или промышленного образца – пятую часть своей средней заработной платы за последние двенадцать календарных месяцев. Работодатель обязан обеспечить выплату вознаграждения в течение двух месяцев с того момента, как он проявит заинтересованность в служебном техническом решении своего сотрудника, а именно получит патент на соответствующий РИД, передаст право на получение патента третьему лицу или же засекретит информацию о созданном объекте. Тем не менее данный срок может быть увеличен до полутора лет в тех случаях, когда работодатель подал заявку на патент, но так и не смог получить охраняемый документ по висящим от него причинам.

Проявление работодателем заинтересованности в служебном техническом решении не

всегда означает, что оно будет задействовано в производстве в понимании ст. 1358 ГК РФ. В связи с этим за использование служебного РИД предусматривается отдельный вид выплат. Такая выплата составляет три средние заработные платы автора за те двенадцать месяцев, в течение которых конкретный объект нашел промышленное применение. Для полезных моделей и промышленных образцов этот коэффициент сокращен до двух средних заработков автора. Указанная сумма перечисляется работнику не позднее одного месяца после истечения очередного года, в котором изобретение, полезная модель или промышленный образец были задействованы в производстве.

Наконец, если работодатель заключает с третьим лицом лицензионный договор, то десять процентов от вознаграждения по такой сделке подлежат перечислению в пользу автора-изобретателя. Аналогичный порядок действует и в отношении договоров об отчуждении третьему лицу права на получение патента или исключительного права на служебный РИД, однако доля автора в таком случае увеличивается до пятнадцати процентов. Указанные суммы подлежат перечислению работнику в течение одного месяца с момента получения работодателем соответствующего вознаграждения. При этом в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» отмечено, что обязанность по выплате вознаграждения не переходит к третьим лицам, а, напротив, остается за работодателем. Переложение данной обязанности возможно только в случае универсального правопреемства, т. е. при реорганизации юридического лица или в результате наследования.

Отдельно в Постановлении № 1848 устанавливается порядок поощрения изобретателей-соавторов. По общему правилу, вознаграждение должно быть поделено между ними поровну, однако авторы могут оговорить иной порядок в специальном договоре, известив об этом своего работодателя в течение пяти календарных дней.

По мнению О. Г. Дьяченко, рассмотренное подзаконное регулирование имеет как минимум три существенных недостатка: во-первых, оно распространяет свое действие только на объекты патентного права, остав-

ля без внимания иные виды служебных РИД; во-вторых, Постановление № 1848 не устанавливает ответственности работодателя за невыплату или несвоевременную выплату вознаграждения своему работнику; наконец, в документе ничего не сказано о поощрении лиц, оказавших автору помощь в создании служебного технического решения [Дьяченко 2018].

В контексте третьего из перечисленных несовершенств особого внимания заслуживают Рекомендации по управлению правами на результаты интеллектуальной деятельности в организациях от 3 октября 2017 г., утвержденные Министерством экономического развития РФ. Согласно этому документу организациям рекомендуется принимать локальные нормативные акты, предусматривающие дополнительные основания для поощрения не только изобретательской, но и сопутствующей деятельности своих работников. Так, в разделе VIII Рекомендаций предложены следующие дополнительные основания для материального стимулирования сотрудников: содействие созданию РИД, а также содействие его внедрению и (или) использованию. Любопытно, что те же основания были предусмотрены в проекте постановления Правительства РФ от 2013 г. «О видах и минимальных ставках вознаграждения за служебные результаты интеллектуальной деятельности».

Итак, привязывая размер материального поощрения к среднему заработку изобретателя, отечественный законодатель, по сути, никак не решает ранее затронутую проблему несоответствия вознаграждения. Конечно, можно предположить, что за выдающиеся успехи на изобретательском поприще заработная плата работника будет значительно увеличена, а потому размер вознаграждения сильно превзойдет его изначальные финансовые ожидания. Однако даже такая сумма вряд ли устроит автора, если внедрение в производство созданного им технического решения позволит работодателю в несколько раз увеличить собственную прибыль. Таким образом, российское право нуждается в более индивидуализированном регулировании, которое бы позволило работнику в полной мере удовлетворить свои изобретательские и материальные амбиции.

Вознаграждение за служебные технические решения по праву Англии

В Великобритании основным источником регулирования по рассматриваемому вопросу выступает Патентный закон 1977 г. (*Patents Act 1977*). Согласно разделу 39 *employee's invention* (в буквальном переводе – «изобретение работника») представляет собой изобретение работника, созданное в рамках его отношений со своим работодателем и отвечающее одному из нижеперечисленных условий: изобретение создано во исполнение лицом своих трудовых функций или в силу специально возложенной на него обязанности; из обстоятельств следует, что от сотрудника разумно ожидали разработки патентоспособно-

Привязывая размер материального поощрения к среднему заработку изобретателя, отечественный законодатель, по сути, никак не решает проблему несоответствия вознаграждения

го РИД; или же такой РИД создан в ситуации, когда за работником была закреплена обязанность по осуществлению деятельности, наилучшим образом отвечающей интересам его организации. Если созданный охраноспособный объект удовлетворяет хотя бы одному из приведенных критериев, то в силу закона он признается служебным, а права на него достаются работодателю.

Патентный закон 1977 г. также содержит специальную норму, регулиющую порядок выплаты вознаграждения авторам служебных изобретений. Однако преимуществами этой нормы могут воспользоваться только те изобретатели, которые не заключили со своим работодателем отдельное соглашение о вознаграждении. Тем не менее, по замечанию М. Пеберди и А. Стру, предусмотренные законом выплаты чрезвычайно редки и «осуществляются только в исключительных обстоятельствах» [Peberdy, Strowel 2009: 63].

Согласно разделу 40 Патентного закона 1977 г. работник вправе обратиться в суд, если считает, что созданное им техническое решение принесло его работодателю выдающуюся (*outstanding*) прибыль. Процедура подачи иска зафиксирована в Правилах гражданского процесса 1998 г. (*Civil Procedure*

Rules 1998, № 3132 (L. 17). Согласно ч. 63.12 Правил иск должен быть подан не раньше даты выдачи патента и не позднее одного года с момента прекращения его действия. Как и в РФ, ответчиком по такому иску может выступать исключительно работодатель заявителя, даже если права на служебный РИД переданы в пользу третьего лица. Так, в деле *Price v. Elf Print Media Ltd & Ors (2001) EWCA Civ 622*, рассмотренном Патентным судом, автору было отказано в присуждении вознаграждения, поскольку в качестве ответчика он указал не своего работодателя, а бывшего директора компании, являющегося фактическим правообладателем его изобретения.

До недавнего времени работник мог получить вознаграждение, только если патент на созданное им техническое решение сам по себе являлся источником выдающейся прибыли. Все изменилось с принятием Закона о патентах 2004 г. (*Patents Act 2004*), которым были внесены поправки в раздел 40 Патентного закона 1977 г. Благодаря указанному нововведению авторы-изобретатели могут получать компенсацию, даже если извлекаемая работодателем прибыль носит куда менее очевидный характер.

В деле *Memco-Med Ltd's Patent (1992) RPC 403* Патентный суд объяснил, в чем состоит разница между этими двумя видами прибыли. Непосредственная прибыль от патента определяется размером получаемых работодателем лицензионных вознаграждений. Неочевидная же выгода, напротив, извлекается им из использования изобретения в своем производстве или благодаря монопольному обладанию патентом. Также, по мнению суда, при оценке неочевидной прибыли следует проводить сравнение между фактическим экономическим положением предприятия и тем рыночным положением, которое оно могло бы занимать в отсутствие анализируемого патента [The Manual of Patent Practice 2016]. При этом суд установил, что для признания прибыли выдающейся нельзя ограничиваться конкретным предприятием работодателя, а следует учитывать совокупный масштаб его бизнеса.

В этом смысле поворотным для судебной практики стало решение по делу *Shanks v. Unilever Plc. & Ors (2019) UKSC 45*. Будучи сотрудником *Unilever UK Central Resources Ltd.* – дочерней компании *Unilever Plc.*, про-

фессор Шэнкс изобрел новый метод использования биосенсоров для измерения уровня сахара в крови. Права на это изобретение были переданы в пользу *Unilever Plc.*, которая успешно получила патенты по всему миру, что в итоге принесло компании доход свыше 24 млн ф. ст. только лишь по заключенным лицензионным соглашениям. Шэнкс утверждал, что данные патенты обеспечивают его работодателю выдающуюся выгоду, что обуславливает законное право профессора на компенсацию. При оценке обстоятельств дела во внимание были приняты совокупный оборот *Unilever Plc.* и осуществляемая ей лицензионная деятельность. Выяснилось, что основная прибыль *Unilever Plc.* складывалась далеко не из реализации патентов, а из продажи собственной продукции – мороженого и дезодорантов. Суд заключил, что для группы компаний *Unilever Plc.* выгода от рассматриваемых патентов не была выдающейся, однако с таким решением не согласился Верховный Суд Великобритании.

Высшая инстанция постановила, что при рассмотрении данного вопроса судам следовало оценить, насколько выгода от изобретения профессора Шэнкса превосходит ту прибыль, которую материнская компания получает от иных РИД, созданных сотрудниками соответствующего дочернего предприятия. Поскольку материальные преимущества от патентов на изобретения Шэнкса действительно выделялись на фоне выгоды от остальных патентов *Unilever UK Central Resources Ltd.*, Верховный Суд резонно вынес решение в пользу изобретателя¹.

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса о размере причитающегося работнику вознаграждения, что упомянуто в разделе 41 Патентного закона 1977 г. Законодатель требует, чтобы материальное поощрение составляло справедливую долю (*fair share*) от уже полученной и разумно ожидаемой выгоды работодателя. В. В. Пирогова говорит, что при расчете суммы вознаграждения в Англии применяется «презумпция разумного предположения», как если бы работодатель извлек доход при передаче или отчуждении прав из заявки или патента, не вступая в какие-либо

¹ *Irvine N., Nelson L. Shanks v. Unilever: an Increase in Employee Compensation Claims? 2020 // URL: <https://www.penningtonslaw.com/news-publications/latest-news/2020/shanks-v-unilever-an-increase-in-employee-compensation-claims/> (дата обращения: 22.04.2023).*

отношения со своим работником по поводу служебного РИД [Пирогова 2012].

При расчете справедливого поощрения за служебное техническое решение во внимание принимаются следующие обстоятельства: характер служебных обязанностей работника, его заработная плата и все дополнительные поощрения, полученные им от своего работодателя по случаю создания изобретательской концепции; приложенные усилия и продемонстрированные навыки при создании изобретения; усилия и навыки соавторов, а также степень содействия иных лиц в процессе создания РИД; степень причастности работодателя к созданию, разработке или использованию изобретения, например предоставление консультаций, необходимого оборудования или любой иной помощи, в том числе связанной с его управленческими и (или) предпринимательскими способностями.

В Англии одним из первых успешных кейсов по вопросу выплаты вознаграждения за служебный РИД стало дело *Kelly & Anor v. GE Healthcare Ltd (2009) EWHC 181 (Pat)*. Доктор Келли и доктор Чиу – два изобретателя радиофармацевтического лекарственного средства – подали в Патентный суд иск о присуждении вознаграждения за созданное ими служебное изобретение. Исследовав обстоятельства дела, суд пришел к выводу, что работодатель истцов действительно извлек из их патента выдающуюся выгоду, поскольку изобретение было коммерчески успешным, а доходы от него составили большую часть прибыли компании (по состоянию на 2007 г. продажи запатентованного препарата превысили 1,3 млрд ф. ст.). Также суд установил, что затраты работодателя на данное изобретение были несущественными, что обеспечило компании высокий валовой доход. Более того, выручка от изобретения истцов позволила компании занять лидирующую позицию на фармацевтическом рынке Великобритании и обеспечила возможность приобретать доли в других крупных британских организациях.

Выявив факт получения выдающейся прибыли, суд приступил к ее количественной оценке. Ввиду высокой конкуренции на рынке незапатентованных препаратов получение охранного документа на указанное лекарственное средство позволило компании увеличить доход от его продаж на 50 млн ф. ст. К тому же суд признал, что работодатель всесторон-

не содействовал изобретательской активности своих сотрудников, обеспечил им достойные технические условия работы, а также организовал тесное сотрудничество доктора Келли и доктора Чиу с ведущими научно-исследовательскими институтами. Когда же разработанное лекарственное средство было запатентовано, работодатель незамедлительно запустил производство фармацевтической продукции по указанной технологии. Помимо этого, именно работодатель придал импульс развитию британского рынка радиофармацевтических лекарственных средств, что стало ключевым фактором успеха патента. Наконец, по итогам своей деятельности оба автора получили карьерное преимущество. Так, доктор Келли сразу же назначили исполняющим обязанности руководителя отдела научных исследований и опытно-конструкторских работ, а доктор Чиу нашел высокооплачиваемую работу в другой организации. Взвесив эти факторы, суд постановил, что размер справедливого вознаграждения для авторов-работников составляет три процента от прибыли их работодателя, извлеченной благодаря существованию патента. В итоге доктору Келли присудили 1 млн ф. ст., а доктору Чиу – 500 тыс. ф. ст.

Интересно, что в решении по данному делу суд оговорил, что материальное поощрение вправе получить только сам автор изобретательской концепции. Работник, ограничившийся содействием созданию патентоспособного объекта, на подобную выплату претендовать не может. Напомним, что российский закон исходит из аналогичного принципа, однако организации на уровне локального нормотворчества могут предусмотреть более гибкие условия для поощрения изобретательской активности своих сотрудников.

Итак, современные исследователи констатируют, что благодаря решению по делу *Kelly & Anor v. GE Healthcare Ltd* в Англии резко возросло количество исков, подаваемых изобретателями против своих работодателей. Тем не менее лишь малая часть соответствующих судебных разбирательств заканчивается для авторов получением желаемого вознаграждения. Поэтому, несмотря на изученные прецеденты, присуждение компенсации за создание служебного изобретения – это скорее исключение, чем правило [Peberdy, Strowel 2009].

Выводы

На примере российского и английского подходов к выплате вознаграждения за служебные объекты патентного права можно сделать вывод о том, что в Англии данный вопрос регулируется с точки зрения неоклассической либеральной модели, в то время как РФ, будучи страной континентального права, продолжает придерживаться традиционного социально-ориентированного подхода [Гаврилов, Еременко 2009].

Однако нельзя не признать, что некоторые из рассмотренных аспектов английского нормотворчества являются примерами весьма гибкого и персонифицированного регулирования, а потому могут быть с успехом восприняты отечественным законодателем. В связи с этим стоило бы задуматься о том, чтобы Правила выплаты вознаграждения за служебные изобретения, полезные модели

и промышленные образцы, которые в 2027 г. придут на смену ныне действующему Постановлению № 1848, были дополнены статьей следующего содержания: «В случае если прибыль, полученная работодателем от патента на служебное изобретение, полезную модель или промышленный образец, значительно превышает прибыль, которую он обычно получает от патентов на служебные изобретения, полезные модели или промышленные образцы, то работодатель выплачивает работнику, являющемуся автором такого изобретения, полезной модели, промышленного образца, вознаграждение в размере пяти процентов от прибыли, полученной от соответствующего патента». Предложенная норма могла бы стать дополнительным стимулом для избирательской активности российских граждан и послужить мощным толчком к развитию отечественной науки и техники.

Список литературы

Orkin N. The Legal Rights of the Employed Inventor: New Approaches to Old Problems (Part 1) // Journal of the Patent Office Society. 1974. № 56. P. 648–651.

Peberdy M., Strowel A. Covington & Burling LLP. Employee's Rights to Compensation for Inventions – a European Perspective // Life Sciences. 2009. № 10. P. 63–70.

Takenaka T. Employee Invention System in the United States // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2014. № 1. P. 41–46.

The Manual of Patent Practice (МОПП). 2016 // URL: <https://www.gov.uk/guidance/manual-of-patent-practice-mopp/> (дата обращения: 22.04.2023).

Гаврилов Э. П., Еременко В. И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009. 973 с.

Добрынин В. О. Особенности правового регулирования служебных изобретений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 220 с.

Дьяченко О. Г. Авторское вознаграждение за служебные изобретения: зарубежный опыт, российская практика и рекомендации. 2018 // URL: https://fips.ru/upload/medialibrary/Doc_Content/prezentaciya1-diyachenko-112018.pdf (дата обращения: 22.04.2023).

Пирогова В. В. Современное патентное право: служебные изобретения в контексте инвестиций // Вестник федерального государственного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции Российской Федерации». 2012. № 6. С. 63–69.

Тимофей Дмитриевич Тетерин – юрист группы правового сопровождения маркетплейса «Ozon» (ООО «Интернет Решения»). 123112, Российская Федерация, Москва, ул. Пресненская наб., д. 10. E-mail: black_grouse@mail.ru.

ORCID: 0009-0005-9235-212X

Compensation for Employees' Objects of Patent Law in Russia and England

In the system of patent law, the institution of employees' inventions occupies a central place. Despite the fact that this institution is regulated quite successfully in the Civil Code of the Russian

Federation, the domestic legislator still fails to eliminate the disproportion of compensation received by employees in case of the creation of inventions, utility models and industrial designs.

The paper analyzes the procedure for paying compensation to employed inventors under the law of Russia and England. First of all, the author analyzes the Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1848 of November 16, 2020, which establishes the Rules for the Payment of Compensation for Employees' Inventions, Utility Models and Industrial Designs. Further, this Resolution is compared with the provisions of the UK Patent Act 1977, according to which the payment of compensation for an employee's invention is allowed only if the employer has managed to extract an «outstanding» profit from the corresponding patent. The English approach to the regulation of the institution is also illustrated by the most important judicial practice. In conclusion, the author makes a proposal for further improvement of the domestic regulation, relying on the model implemented in England.

Keywords: patent law, intellectual property, employee's invention, employee's utility model, employee's industrial design, author's right to compensation

Recommended citation

Teterin T. D. Voznagrazhdenie rabotnika za sluzhebnyye tekhnicheskie resheniya po pravu Rossii i Anglii [Compensation for Employees' Objects of Patent Law in Russia and England], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 48–55, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_48.

References

Dobrynin V. O. *Osobennosti pravovogo regulirovaniya sluzhebnykh izobretenii* [Features of Legal Regulation of Service Inventions]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2014, 220 p.

D'yachenko O. G. *Avtorskoe voznagrazhdenie za sluzhebnyye izobreteniya: zarubezhnyi opyt, rossiiskaya praktika i rekomendatsii* [Author's Remuneration for Service Inventions: Foreign Experience, Russian Practice and Recommendations], 2018, available at: https://fips.ru/upload/medialibrary/Doc_Content/prezentaciya1-diyachenko-112018.pdf (accessed: 22.04.2023).

Gavrilov E. P., Eremenko V. I. *Kommentarii k chasti chetvertoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation], Moscow, Ekzamen, 2009, 973 p.

Orkin N. The Legal Rights of the Employed Inventor: New Approaches to Old Problems (Part 1), *Journal of the Patent Office Society*, 1974, no. 56, pp. 648–651.

Peberdy M., Strowel A. Covington & Burling LLP. Employee's Rights to Compensation for Inventions – a European Perspective, *Life Sciences*, 2009, no. 10, pp. 63–70.

Pirogova V. V. *Sovremennoe patentnoe pravo: sluzhebnyye izobreteniya v kontekste investitsii* [Modern Patent Law: Service Inventions in the Context of Investment], *Vestnik federal'nogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya «Gosudarstvennaya registratsionnaya palata pri Ministerstve yustitsii Rossiiskoi Federatsii»*, 2012, no. 6, pp. 63–69.

Takenaka T. Employee Invention System in the United States, *Chelovecheskii kapital i professional'noe obrazovanie*, 2014, no. 1, pp. 41–46.

The Manual of Patent Practice (MOPP), 2016, available at: <https://www.gov.uk/guidance/manual-of-patent-practice-mopp/> (accessed: 22.04.2023).

Timofei Teterin – lawyer of the Legal support group of the Ozon Marketplace (Internet Resheniya LLC.). 123112, Russian Federation, Moscow, Presnenskaya emb., 10. E-mail: black_grouse@mail.ru.

ORCID: 0009-0005-9235-212X

Дата поступления в редакцию / Received: 29.04.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023

А. Н. Тихонов

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Анализируется юридическая природа договора о суррогатном материнстве. Обосновывается, что семейно-правовая специфика исследуемых отношений обусловлена их направленностью. При заключении договора суррогатного материнства воля лиц, участвующих в правоотношениях суррогатного материнства, направлена на обеспечение возможности для супружеской пары стать родителями.

Отдельно анализируются требования, предъявляемые законом к участникам отношений суррогатного материнства. Можно сделать вывод о том, что некоторые требования, такие как получение письменного согласия супруга суррогатной матери, излишни, а другие, в частности касающиеся возраста суррогатной матери, требуют уточнения. Нововведением в законодательстве является положение, согласно которому лица, чей брак был прекращен или признан недействительным, могут быть записаны как родители ребенка только на основании решения суда и при условии, если судом не будет установлено, что указанный брак был зарегистрирован в целях заключения договора о суррогатном материнстве без намерения создать семью. Еще одно нововведение – возможность в случае смерти потенциального родителя установить факт материнства или отцовства в отношении ребенка, рожденного суррогатной матерью. Делается вывод, что данное при жизни одним из супругов согласие на имплантацию эмбриона суррогатной матери будет достаточным основанием для записи его в качестве родителя и в случае его смерти до момента рождения ребенка.

Ключевые слова: происхождение ребенка, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство, генетические родители, суррогатная мать, эмбрион

Для цитирования

Тихонов А. Н. Некоторые аспекты правового регулирования отношений суррогатного материнства // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 56–64. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_56.

УДК 347.6

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_56

Договор суррогатного материнства представляет собой соглашение лиц, по которому суррогатная мать обязуется выносить и родить ребенка, генетически происходящего от супружеской пары или одинокой женщины. Вопрос о правовой природе договора суррогатного материнства в юридической науке является дискуссионным.

Ряд исследователей полагают, что договор о суррогатном материнстве относится к гражданско-правовым договорам. В частности, В. В. Момотов утверждает, что «основанием возникновения отношений суррогатного ма-

теринства выступает гражданско-правовой договор, заключаемый между генетическими родителями и суррогатной матерью» [Момотов 2019: 33]. Д. Б. Савельев считает, что договор суррогатного материнства, осуществляемый на возмездной основе, несмотря на имеющуюся семейно-правовую специфику, «близок к гражданско-правовым договорам, а именно к договору возмездного оказания услуг» [Савельев 2018: 119].

С этим утверждением не согласны ученые, полагающие, что договор о суррогатном материнстве имеет семейно-правовую

природу. По мнению А. Х. Ульбашева, «договор суррогатного материнства – институт семейного права, имеющий своей целью реализацию родительских прав граждан, а также согласование воли юридических родителей и суррогатной матери» [Ульбашев 2018: 146]. Е. В. Стеблева пишет, что в основе отношений суррогатного материнства «лежит не удовлетворение материальных потребностей сторон и товарно-денежный обмен, а восполнение репродуктивной функции женщины» [Стеблева 2012: 15]. По мнению А. Н. Кокотова, договор суррогатного материнства имеет сложную межотраслевую правовую природу, при этом «такие договоры не могут выстраиваться по простому подобию гражданско-правовых договоров возмездного оказания услуг»¹.

Наличие «генетической» связи права гражданского с правом семейным [Яковлев 2012: 735] позволяет говорить об отсутствии оснований для противопоставления названных отраслей права. Следует отметить, что договор суррогатного материнства является одним из элементов юридического состава, обуславливающего динамику правоотношений суррогатного материнства. Семейно-правовая специфика возникающих отношений предопределена их направленностью. Вступая в отношения суррогатного материнства, супружеская пара или одинокая женщина желают стать родителями рожденного суррогатной матерью ребенка, что вполне соответствует ст. 2 СК РФ.

Привязка договора суррогатного материнства к тому или иному виду договорных обязательств неизбежно приведет к противоречиям. Так, под услугами принято понимать совершение определенных действий в пользу управомоченного лица. Полезный эффект услуги, как правило, потребляется в процессе ее оказания, особенностью же договора подряда является наличие о вещественного результата. При заключении договора суррогатного материнства воля участников правоотношений суррогатного материнства направлена на обеспечение возможности для супружеской пары стать родителями. Основная цель генетических родителей с юридической точки

зрения заключается в установлении родительского правоотношения с ребенком, рожденным суррогатной матерью. Как отмечал О. А. Красавчиков, «современная типизация социальных связей – это лишь одна из сторон процесса общественного развития, которая не устраняет, а, скорее, предполагает многообразие индивидуальных форм и средств достижения поставленных целей, многообразие конкретики повседневного бытия, характера и уровня развивающихся потребностей, удовлетворения соответствующих интересов» [Красавчиков 2001: 171–172]. Договор суррогатного материнства обладает спецификой, которая обусловлена направленностью волеизъявлений его сторон.

Достижение цели стать родителем в рамках отношений суррогатного материнства предполагает прохождение ряда стадий. К основным можно отнести подбор кандидата на роль суррогатной матери, создание эмбриона, вынашивание и рождение ребенка. В рамках рассматриваемых отношений могут заключаться договоры, направленные на создание и хранение эмбриона, подбор кандидатов на роль суррогатной матери, договоры на проведение обследования состояния здоровья суррогатной матери, имплантацию эмбриона, договоры медицинского сопровождения во время беременности и родов. Юридическая природа указанных договоров неоднородна.

Подбором кандидатов на роль суррогатной матери занимаются соответствующие агентства, а также специализированные медицинские организации, оказывающие весь комплекс услуг при лечении бесплодия. Заключается договор между медицинской организацией или агентством и суррогатной матерью, согласно которому соответствующая организация собирает и хранит информацию о женщинах, желающих стать суррогатной матерью, а также предоставляет ее лицам, желающим стать родителями на определенных условиях. С одной стороны, потенциальные родители выбирают суррогатную мать, исходя из своих внутренних предпочтений, с другой – закон предусматривает ряд требований, предъявляемых к женщине, согласившейся выносить и родить ребенка. Статья 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет требования к гражданству, возрасту и состоянию здоровья суррогатной матери, предусматри-

¹ Кокотов А. Н. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ, 2018 // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=557002&dst=100001#hGSehzSW6eQlZSg81> (дата обращения: 30.05.2023).

вает необходимость наличия у суррогатной матери здорового собственного ребенка, а также получение согласия супруга суррогатной матери.

Установленные в Законе возрастные ограничения требуют уточнения.

Во-первых, указанный в Законе возрастной диапазон является наиболее безопасным для вынашивания и рождения ребенка, следовательно, договор о суррогатном материнстве может быть заключен и до достижения женщиной возраста 20 лет, так как с момента заключения договора до самой процедуры имплантации эмбриона может пройти существенное количество времени. Соответственно, возможность заключения договора суррогатного материнства должна быть обусловлена возрастом приобретения полной гражданской дееспособности.

Во-вторых, предусмотренный диапазон основан на медицинских показаниях, следовательно, должны учитываться индивидуальные особенности организма женщины, желающей стать суррогатной матерью. Например, в случае достижения женщиной возраста тридцати шести лет неясно, почему ее нужно ограничить в праве стать суррогатной матерью, если она может выносить и родить здорового ребенка. Перечень противопоказаний, при наличии которых женщина не может стать суррогатной матерью, определен приказом Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению».

Если подбором кандидатов на роль суррогатной матери занимается агентство, то возникают вопросы: в какой степени может быть гарантирована достоверность данных о состоянии здоровья, предоставляемых агентству, например, самой женщиной; в случаях медицинской ошибки или некачественного проведения обследования, в результате чего рождается больной ребенок, может ли быть привлечено к ответственности соответствующее агентство, и если да, то к какой? Поэтому, несмотря на то что услуга по подбору кандидатов на роль суррогатной матери может быть оказана соответствующим агентством на основании отдельного договора, соответствие требованиям к состоянию здоровья суррогатной матери должно быть

установлено медицинской организацией, осуществляющей имплантацию эмбриона и последующее сопровождение во время беременности и родов в рамках договора суррогатного материнства. Если в результате исследования здоровья суррогатной матери будет выявлено наличие у нее противопоказаний, то у супругов появляется право привлечь агентство к гражданско-правовой ответственности за ненадлежащее оказание услуги по подбору суррогатной матери. Предоставление услуги по подбору суррогатной матери медицинской организацией в комплексе с иными позволит в большей степени защитить права и интересы как суррогатной матери, так и потенциальных родителей.

Условие о наличии у суррогатной матери не менее одного здорового ребенка также требует уточнения. Исходя из формулировки нормы неясно, должен ли ребенок генетически происходить от женщины. В частности, если ребенок был усыновлен, то согласно нормам семейного законодательства по объему взаимных прав и обязанностей усыновленные дети приравниваются к детям по рождению. Кроме того, если, например, суррогатная мать была лишена родительских прав, то будет ли достаточно самого факта рождения ею ребенка? Какими критериями нужно руководствоваться при определении состояния здоровья ребенка, а также наличие каких заболеваний у ребенка может стать препятствием для суррогатного материнства? Кем, какие и кому должны быть предоставлены медицинские документы о состоянии здоровья ребенка? В условиях того, что состояние здоровья женщины подлечит детальному исследованию, требования к состоянию здоровья ее ребенка представляются излишними. Предъявляя требования к состоянию здоровья, законодатель не учитывает личностные характеристики суррогатной матери. Данное обстоятельство представляется спорным; например, наличие у суррогатной матери судимости, лишение ее родительских прав или ограничение в таких правах, вероятно, должны иметь юридическое значение.

Следующий аспект касается необходимости получить письменное согласие супруга суррогатной матери. В силу п. 10 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»

женщина может быть суррогатной матерью только с письменного согласия ее супруга. Из приведенной формулировки неясно, на что должен дать согласие муж суррогатной матери. Исходя из сути складывающихся правоотношений необходимость получения такого согласия, вероятно, обусловлена тем, чтобы исключить в дальнейшем споры об установлении отцовства в отношении рожденного суррогатной матерью ребенка. Также неизвестно, каковы последствия отсутствия такого согласия, кому оно должно быть предоставлено, и в какой форме это согласие должно быть выражено. Если договор суррогатного материнства заключили, а согласие не было получено, было отозвано или признано недействительным, какие и для кого должны наступить правовые последствия?

Основываясь на нормах семейного законодательства, во-первых, мы исходим из того факта, что супруг действует с согласия другого супруга. Отсутствие между супругами взаимопонимания, по общему правилу, не должно отражаться на правах третьих лиц. Во-вторых, если родителем будет записана суррогатная мать, будет действовать презумпция отцовства в отношении ее супруга, что само по себе не является препятствием для оспаривания соответствующей записи согласно ст. 52 СК РФ. Для записи в качестве родителей супружеской пары согласия супруга суррогатной матери в соответствии со ст. 51 СК РФ не требуется. Вследствие этого требование о необходимости получить согласие супруга суррогатной матери представляется излишним.

Остается неясным то, как несоблюдение требований ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» может влиять на договор суррогатного материнства. Также непонятно, кто должен контролировать соблюдение предусмотренных Законом требований и какую и перед кем должен нести ответственность.

По договору суррогатного материнства суррогатная мать обязуется выносить и родить ребенка для супружеской пары, желающей стать родителями. В свою очередь генетические родители (супружеская пара) обязуются оплатить все расходы, связанные с этим. Вследствие этого в науке высказана точка зрения, согласно которой «...оказание медицинских услуг не охватывается дого-

вором суррогатного материнства – эти отношения выходят за пределы вынашивания и рождения ребенка, а также предполагают участие третьей стороны (медицинской организации)» [Ульбашев 2018: 142]. Схожей позиции придерживается И. М. Шапиро, утверждая, «что лечебное учреждение в рамках основного договора суррогатного материнства должно заключить два договора возмездного оказания медицинских услуг: отдельно с супругами-заказчиками и отдельно с суррогатной матерью» [Шапиро 2018: 20]. Специфика правоотношений суррогатного материнства обусловлена тем, что «без определенного набора специальных медицинских манипуляций (отбор необходимого генетического материала, культивирование эмбриона, перемещение эмбриона в тело суррогатной матери) исполнение договора невозможно» [Демина 2018: 172]. С. В. Алборов делает вывод о необходимости рассматривать договор суррогатного материнства как трехсторонний [Алборов 2018: 20].

Рождение ребенка по программе суррогатного материнства представляет собой набор медицинских процедур, направленных, с одной стороны, на выявление и обеспечение сохранения здоровья суррогатной матери, с другой – на появление ребенка: создание эмбриона и перенос его в тело суррогатной матери. Таким образом, фактическое исполнение договора без участия медицинской организации невозможно. В рамках правоотношений суррогатного материнства медицинская организация должна выполнить следующие действия:

- 1) определить, может ли женщина, согласившаяся стать суррогатной матерью, выносить и родить здорового ребенка. С этой целью медицинская организация должна провести комплексное обследование на предмет наличия у женщины тех или иных заболеваний, патологий и др.;

- 2) обеспечить появление эмбриона, используя генетический материал супружеской пары или одного из супругов;

- 3) произвести перенос эмбриона в тело суррогатной матери;

- 4) во время вынашивания суррогатной матерью ребенка производить все необходимые процедуры, в том числе осуществлять контроль за тем, выполняются ли обязательные предписания суррогатной матери;

5) оказать услуги по родовспоможению.

Участниками правоотношений суррогатного материнства являются лица, желающие стать родителями, суррогатная мать, а также медицинская организация. Содержание указанных правоотношений составляют права и обязанности их участников. Так, суррогатная мать возлагает на себя обязанность выносить и родить ребенка. Генетические родители (супружеская пара) обязуются компенсировать все расходы, связанные с проведением соответствующей процедуры. Медицинская организация обязуется произвести процедуры и обследования, необходимые для появления, вынашивания и рождения ребенка. При этом общая цель взаимодействия участников правоотношений, связанных с суррогатным материнством, – обеспечить для супружеской пары возможность стать родителями.

Несмотря на то что динамика правоотношений суррогатного материнства невозможна при отсутствии такой стадии, как создание эмбриона, эти отношения не должны быть отнесены к предмету договора суррогатного материнства, так как они имеют самостоятельное значение

Специфика договора суррогатного материнства позволяет четко определить, с одной стороны, цель участников возникающих правоотношений, с другой – функции каждого участника данных правоотношений в целях достижения общего результата. Единая направленность воли и волеизъявлений на достижение общей цели позволяет предположить, что договор о суррогатном материнстве можно отнести к многосторонней сделке. В основе разграничения двусторонних и многосторонних сделок лежит направленность воли сторон. Если воля и волеизъявления сторон сделки противоположные по направленности и встречные по содержанию, такие сделки принято относить к двусторонним. Многосторонняя сделка характеризуется единой направленностью воли и волеизъявления сторон на достижение общей цели [Гражданское право 2023: 351].

Отнесение договора суррогатного материнства к многосторонним сделкам имеет и практическое значение. Предлагаемая кон-

струкция, как представляется, позволит в большей степени обеспечить законный интерес всех участников правоотношений суррогатного материнства, в частности позволит определить взаимные права и обязанности суррогатной матери, генетических родителей, а также медицинской организации в рамках одного договора. Так, в случае возникновения неблагоприятных последствий по вине медицинской организации генетические родители вправе требовать компенсации понесенных расходов, а кроме того, компенсации морального вреда. К подлежащим компенсации можно отнести расходы, связанные с медицинским обследованием, искусственным оплодотворением, имплантацией эмбриона, наблюдением за течением беременности и родами суррогатной матери. Суррогатная мать вправе требовать вознаграждение, предусмотренное договором суррогатного материнства, а также компенсацию расходов, понесенных ею в связи с участием в программе суррогатного материнства. Кроме того, в случае выявления медицинской ошибки, в результате которой был причинен вред здоровью ребенка, такой вред должен подлежать компенсации в порядке, предусмотренном главой 59 ГК РФ. Если неблагоприятные последствия стали результатом грубого невыполнения соответствующих медицинских предписаний суррогатной матерью, ответственность перед остальными участниками должна быть возложена на нее.

Отдельно стоит остановиться на рассмотрении отношений, направленных на создание эмбриона. Договор, направленный на появление и хранение эмбриона, заключается между медицинской организацией и генетическими родителями. Несмотря на то что динамика правоотношений суррогатного материнства невозможна при отсутствии такой стадии, как создание эмбриона, эти отношения не должны быть отнесены к предмету договора суррогатного материнства, так как они имеют самостоятельное значение.

Недостаточность нормативного регулирования отношений суррогатного материнства находит отражение в правоприменительной практике. Назревшая необходимость разрешения комплекса вопросов, связанных с суррогатным материнством, подтверждается и динамикой развития законодательства в данной сфере. Федеральным законом от 19 дека-

бря 2022 г. № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрено положение, согласно которому лица, чей брак был прекращен или признан недействительным, могут быть записаны как родители ребенка только на основании решения суда и при условии, если судом не будет установлено, что указанный брак был зарегистрирован в целях заключения договора о суррогатном материнстве без намерения создать семью. Исключение составляет случай прекращения брака вследствие смерти одного из супругов, а также у добросовестного супруга сохраняется право быть записанным родителем ребенка (п. 6 ст. 51 СК РФ).

Данная норма, в том числе, должна выполнять превентивную функцию и быть направлена на пресечение неправомерного поведения граждан. Но ситуация осложняется тем, что реализация этой нормы может привести к нарушению прав ребенка, рожденного по программе суррогатного материнства. Так, возможность внесения записи родителей в книгу записей рождений ставится в зависимость от целей регистрации брака и не учитывает интерес ребенка, что не соответствует принципу обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних. Декларация прав ребенка 1959 г. предусматривает, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения».

По смыслу семейного законодательства особое значение придается кровному происхождению одного лица от другого. Например, при установлении отцовства в судебном порядке устанавливается именно факт происхождения ребенка от конкретного лица (ст. 49 СК РФ). В связи с этим возникает вопрос о возможности реализации права ребенка знать своих родителей, иных близких родственников, с учетом того что речь идет о лицах, генетически связанных между собой. Исходя из логики норм Семейного кодекса отношения, возникающие между родителями и детьми (родительские), и отношения между супругами (супружеские) безусловно связаны между собой, но являются отношениями самостоятельными. В частности, признание брака недействительным не влияет на права детей, родившихся в таком

браке (ст. 30 СК РФ). Вследствие этого данная норма требует дополнительного осмысления и уточнения.

К нововведениям относится и возможность в случае смерти лица установить факт материнства или отцовства в отношении ребенка, рожденного суррогатной матерью. Так, указанные в абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ лица, давшие в письменной форме согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях вынашивания и рождения ребенка, могут быть записаны родителями ребенка и в тех случаях, если на момент записи родителями ребенка в книге записей рождений один из супругов умер. При этом закон не уточняет, что будет основанием для внесения соответствующей записи, может ли это правило распространяться на случаи отсутствия у умершего супруга генетической связи с рожденным ребенком, когда для создания эмбриона используется донорский генетический материал, можно ли распространить это правило на одинокую женщину, а также на случаи смерти обоих потенциальных родителей. Исходя из содержания ст. 51 СК РФ согласие на имплантацию эмбриона является необходимым юридическим фактом, основанием движения правоотношения суррогатного материнства.

Особое значение согласию придает и правоприменитель. В соответствии с п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» в целях правильного разрешения иска об оспаривании отцовства лицом судам надлежит, в частности, проверить следующие юридически значимые обстоятельства: добровольно ли и осознанно ли было дано указанным лицом согласие на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, на какой срок было дано такое согласие и не было ли оно отозвано до истечения этого срока, не истек ли данный срок на момент проведения искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона. Установление перечисленных обстоятельств будет влиять на возможность оспаривания лицом записи о себе как об отце.

С учетом классификации юридических фактов, предложенной О. А. Красавчиковым, особый интерес в рамках рассматриваемых

вопросов представляют семейно-правовые акты. Под ними следует понимать юридические акты, направленные на установление, изменение или прекращение брачно-семейных правоотношений [Красавчиков 2017: 204]. Отграничивая семейно-правовые акты от иных юридических актов, автор предлагал основываться на сфере применения соответствующих актов, а также на их направленности [Там же: 206].

Так, супружеская пара или одинокая женщина вступают в правоотношения суррогатного материнства с целью реализовать свое право стать родителями. Для достижения указанной цели заключается договор суррогатного материнства. К юридическим основаниям внесения записи о родителях в книгу записей рождений относятся ряд согласий: согласие супругов на имплантацию эмбриона суррогатной матери, согласие суррогатной матери на имплантацию и вынашивание эмбриона, а также согласие на запись супружеской пары в качестве родителей ребенка. Соответственно, данное одним из супругов при жизни согласие на имплантацию эмбриона суррогатной матери будет достаточным основанием для внесения о нем записи как о родителе и в случае его смерти до момента рождения

ребенка. Иными словами, это согласие может рассматриваться как действие, направленное на установление семейно-правовой связи с рожденным суррогатной матерью ребенком, и будет относиться к семейно-правовым актам. Представляется, что положения п. 5 ст. 51 можно распространить и на случаи смерти одинокой женщины, а также на случаи смерти обоих потенциальных родителей, в целях обеспечения права ребенка знать своих родителей. Это правило может распространяться и на случай отсутствия у умершего супруга генетической связи с рожденным ребенком, когда для создания эмбриона используется донорский генетический материал.

Развитие методов искусственной репродукции человека обеспечивает возможность для большого количества супружеских пар стать родителями. Согласно действующему законодательству суррогатное материнство относится к методам лечения бесплодия и может применяться в случаях, когда другие способы лечения оказались для супружеской пары безуспешными. С учетом особой значимости для супружеских пар данного метода лечения бесплодия правовое регулирование отношений суррогатного материнства требует дальнейшего совершенствования.

Список литературы

- Алборов С. В. Договор суррогатного материнства: правовая природа и содержание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 20 с.
- Гражданское право: в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2023. Т. 1. 622 с.
- Демина И. А. Некоторые аспекты правового регулирования договорных обязательств в суррогатном материнстве // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика: сб. ст. XV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 171–174.
- Красавчиков О. А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание, функции // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 166–182.
- Момотов В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex Russica. 2019. № 1. С. 29–39.
- Савельев Д. Б. Соглашения в семейной сфере. М.: Проспект, 2018. 119 с.
- Стеблева Е. В. Проблемы реализации прав участников отношений суррогатного материнства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 18 с.
- Ульбашев А. Х. Договор суррогатного материнства как согласование воли в семейном законодательстве Беларуси, Казахстана и России // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2018. № 2. С. 140–146.
- Шапиро И. М. Сравнительно-правовой анализ условий договоров суррогатного материнства и возмездного оказания услуг // Семейное и жилищное право. 2018. № 3. С. 19–22.
- Яковлев В. Ф. Избранные труды. М.: Статут, 2012. Т. 2. Кн. 1. 974 с.

Андрей Николаевич Тихонов – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21. E-mail: tichonov_a@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-5533-2908

Some Aspects of the Legal Regulation of Surrogacy Relations

In the paper, the legal nature of the surrogacy contract is analyzed. It is proved that the family-legal specificity of the studied relations is due to their orientation. When concluding a surrogacy agreement, the will of the persons participating in the relevant legal relations is aimed at providing an opportunity for a married couple to become parents. The main goal of genetic parents from a legal point of view is to establish a parental legal relationship with a child born by a surrogate mother, which fully complies with the norms of family law.

Separately, the requirements stipulated by law for participants in surrogacy relations are analyzed. The author concludes that some of the requirements, such as obtaining the written consent of the surrogate mother's spouse, seem superfluous, while others, in particular those concerning the age of the surrogate mother, require clarification. According to the amendments made to the legislation, persons whose marriage has been terminated or invalidated can be registered by the child's parents only on the basis of a court decision and provided that the court does not establish that the said marriage was registered for the purpose of concluding a surrogacy agreement without the intention to create a family. The innovations also include the possibility of establishing the fact of motherhood or paternity in cases of death of a person in relation to a child born by a surrogate mother. At the same time, the law does not specify what will be the legal basis for making an appropriate entry, whether this rule can apply to cases when the deceased spouse does not have a genetic connection with a born child, when donor genetic material is used to create an embryo, whether this rule can be extended to a single woman, as well as to cases of death of both potential parents. It is concluded that the consent given during life to the implantation of the embryo of a surrogate mother by one of the spouses will be a sufficient ground for making a record about him as a parent and in the case of his death before the child is born.

Keywords: *origin of a child, assisted reproductive technologies, surrogacy, genetic parents, surrogate mother, embryo*

Recommended citation

Tikhonov A. N. *Nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya otnoshenii surrogatnogo materinstva* [Some Aspects of the Legal Regulation of Surrogacy Relations], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 56–64, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_56.

References

Alborov S. V. *Dogovor surrogatnogo materinstva: pravovaya priroda i sodержanie* [Surrogacy Contract: Legal Nature and Content]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2018, 20 p.

Demina I. A. *Nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya dogovornykh obyazatel'stv v surrogatnom materinstve* [Some Aspects of Legal Regulation of Contractual Obligations in Surrogacy], *Innovatsionnye nauchnye issledovaniya: teoriya, metodologiya, praktika*: [Innovative Scientific Research: Theory, Methodology, Practice]: conference papers, Penza, Nauka i Prosveshchenie, 2018, pp. 171–174.

Gongalo B. M. (ed.) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], in 2 vols., Moscow, Statut, 2023, vol. 1, 622 p.

Krasavchikov O. A. *Grazhdansko-pravovoi dogovor: ponyatie, sodержanie, funktsii* [Civil Law Contract: Concept, Content, Functions], *Antologiya ural'skoi tsivilistiki. 1925–1989* [Anthology of the Ural Civilistics. 1925–1989], Moscow, Statut, 2001, pp. 166–182.

Momotov V. V. Bioetika v kontekste zakonodatel'stva i pravoprimereniya (surrogatnoe materinstvo) [Bioethics in the Context of Legislation and Law Enforcement (Surrogacy)], *Lex Russica*, 2019, no. 1, pp. 29–39.

Savel'ev D. B. *Soglasheniya v semeinoi sfere* [Agreements in the Family Sphere], Moscow, Prospekt, 2018, 119 p.

Shapiro I. M. Sravnitel'no-pravovoi analiz uslovii dogovorov surrogatnogo materinstva i vozmezdnoy okazaniya uslug [Comparative Legal Analysis of the Terms of Surrogacy Contracts and Service Agreement], *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*, 2018, no. 3, pp. 19–22.

Stebleva E. V. *Problemy realizatsii prav uchastnikov otnoshenii surrogatnogo materinstva* [Problems of Realization of the Rights of Participants in Surrogacy Relationships]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2012, 18 p.

Ul'bashev A. Kh. Dogovor surrogatnogo materinstva kak soglasovanie vol' v semeinom zakonodatel'stve Belarusi, Kazakhstana i Rossii [Surrogacy Contract as the Coordination of Expressions of Will according to the Family Legislation of Belarus, Kazakhstan and Russia], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo*, 2018, no. 2, pp. 140–146.

Yakovlev V. F. *Izbrannye trudy* [Selected Works], Moscow, Statut, 2012, vol. 2, book 1, 974 p.

Andrey Tikhonov – candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Department of civil law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: tichonov_a@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-5533-2908

Дата поступления в редакцию / Received: 05.06.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023

В. В. Ярков

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

СОДЕРЖИТ ЛИ СТАТЬЯ 248.1 АПК РФ ПРЕЗУМПЦИЮ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ РОССИЙСКИХ ЛИЦ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ*?

В статье исследуются относительно новые положения ст. 248.1 АПК РФ, которые устанавливают исключительную компетенцию российских судов для российских лиц, находящихся под санкциями. Анализ практики применения арбитражными судами правил данной статьи позволяет выделить три критерия для ее использования: предметный критерий, субъективный критерий и отсутствие иного установленного порядка разрешения спора.

На основе изучения судебной практики автор обосновывает вывод о том, что применение ограничительных мер в отношении российского лица является достаточным для обоснованного предположения о наличии для него ограничений самого доступа к правосудию, несоблюдении гарантий справедливого судебного разбирательства, т. е. о действии презумпции ограничения доступа российского лица, к которому применены меры ограничительного характера, к правосудию в иностранном государстве. В таком случае применяются правила об исключительной компетенции российского арбитражного суда на основании ст. 248.1 АПК РФ. При этом указанная презумпция является опровержимой. Очевидно, что обязанность опровержения презумпции ограничения доступа к правосудию в иностранном государстве возлагается на ответчика по иску российского лица.

Ключевые слова: санкции, ограничительные меры, арбитражный суд, презумпция

Для цитирования

Ярков В. В. Содержит ли статья 248.1 АПК РФ презумпцию ограничения процессуальных прав российских лиц в условиях санкций? // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 65–73. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_65.

УДК 342.91/.95

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_65

Понятие презумпции: очень кратко. Согласно устоявшемуся подходу в законодательстве, судебной практике и доктрине презумпция представляет собой предположение о наличии или отсутствии определенных юридических фактов, которые необходимо установить для разрешения дела [Решетникова 2013: 129–131; Нахова 2017: 203, 204]. Презумпция переносит бремя доказывания с одной спорящей стороны на другую.

При этом юридическое предположение не заменяет собой юридический факт, а выступает в качестве особого типа связи между юридическими фактами [Качур 1982: 6]. Презумпция указывает на юридические факты (презюмируемые), которые в силу высокой степени вероятности их осуществления

признаются действительными, истинными при условии их неопровержения.

Некоторые исследователи подразделяют презумпции на материально-правовые и процессуально-правовые [Ойгензихт 1975: 26]. С этим выводом можно согласиться в той части, что презумпции закрепляются как в материально-правовых, так и в процессуальных актах. Однако при этом презумпции, закрепленные в материально-правовых источниках права, имеют двойственное значение и порождают самые разные последствия.

Материально-правовое значение презумпции состоит в том, что презюмируемый факт считается существующим, доказанным, если

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева в рамках реализации проекта научной группы № 0102/23.

он не опровергнут. Процессуальное значение презумпции определяется ее воздействием как детерминанты процессуальной деятельности участников дела. Сторона, против которой действует презумпция, должна опровергнуть презюмируемый факт. Тем самым презумпция определяет необходимость совершения соответствующим субъектом процессуальных действий по доказыванию и освобождает от доказывания другую сторону. В связи с этим И. Н. Зайцев справедливо относит презумпции к числу процессуальных льгот [Зайцев 1981: 23]. Суд также учитывает наличие презюмируемых фактов в собственной доказательственной деятельности. Таким образом, правовые последствия презюмируемых фактов в процессуальном отношении обуславливают деятельность его участников и определяют конкретного субъекта, который должен совершить соответствующие действия. В силу сказанного любая материально-правовая презумпция является одновременно процессуальной.

По общему правилу, «сторона спора, в пользу которой установлена презумпция, может ссылаться на факты, но не обязана их доказывать» [Особенности арбитражного производства 2019: 85]. Поэтому для подтверждения существования презюмируемого факта достаточно утверждения соответствующей стороны, в пользу которой установлена презумпция. Такое волеизъявление стороны имеет односторонний характер, поскольку сторона, указывая на существование презюмируемого факта, не связана позицией другой стороны, а исходит из закрепления в соответствующей норме права и / или судебной практике правовой презумпции.

Предусматривает ли ст. 248.1 АПК РФ презумпцию, и если да, то какого содержания? Данная статья была введена в арбитражное процессуальное законодательство относительно недавно Федеральным законом от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ¹. Для правильного понимания, выявления смысла нормы и ее содержания обратимся к нескольким

¹ Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза».

источникам, в частности к материалам, подготовленным для целей принятия данного нормативного акта, к судебной практике толкования нормы и др.

Ключевые подходы к толкованию выработаны в общей теории права. С. С. Алексеев писал, что «существенные особенности приобретает толкование в случае, когда оно является элементом применения права» [Алексеев 1973: 167]. В частности, толкование, направленное на уяснение целей издания правовых актов, называется телеологическим (целевым) [Перевалов 2016: 238]. В. Д. Перевалов справедливо указывал, что подобное толкование необходимо в условиях меняющейся общественно-политической обстановки [Там же]. С. С. Алексеев отмечал важную роль в толковании норм права данных, относящихся «...к ходу и характеру подготовки, обсуждения и принятия закона, его отдельных положений» [Алексеев 1999: 136].

Указанный контекст принятия законопроекта, которым были введены в АПК РФ ст. 248.1 и 248.2, очевиден и хорошо отражен в подготовительных материалах. Так, в пояснительной записке к законопроекту говорилось следующее: «...Граждане Российской Федерации и российские юридические лица в связи с введением в отношении них мер ограничительного характера фактически лишены возможности защищать свои права в судах иностранных государств, международных организаций или третейских судах, находящихся за пределами территории Российской Федерации».

В целях защиты прав указанных лиц на полноценное судебное разбирательство законопроектом предусматривается, что иск к ним предъявляется в арбитражный суд или суд общей юрисдикции по месту их нахождения в Российской Федерации либо по месту нахождения на территории Российской Федерации их имущества.

Таким лицам предоставляется право в одностороннем порядке внести в действующие соглашения, в соответствии с которыми рассмотрение споров с участием граждан Российской Федерации и российских юридических лиц отнесено к компетенции судов иностранных государств, международных организаций или третейских судов, находящихся за пределами территории Российской Федерации, изменения, предусматривающие включение в такие соглашения условия

о рассмотрении спора судом Российской Федерации в соответствии с его компетенцией и правом Российской Федерации или условия о передаче спора на рассмотрение третейского суда с местом арбитража на территории Российской Федерации»¹.

Выявлению содержания ст. 248.1 АПК РФ существенно помогает и ее судебное толкование как разновидность официального толкования. Для применения ст. 248.1 АПК РФ необходимо одновременное соблюдение трех условий.

Первое условие – предметный критерий, а именно наличие спора, соответствующего критериям ст. 248.1 АПК РФ.

Второе условие относится к субъектному критерию. Первоначальное толкование сводилось к тому, что правила исключительной компетенции распространяются только на лиц, в отношении которых были введены ограничительные меры², независимо от их статуса³. Затем толкование изменилось, и в судебной практике положения ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ стали толковаться с учетом того, что не имеет правового значения, введены ли меры ограничительного характера в отношении российского юридического лица государством, в котором расположен иностранный суд или арбитраж, или данное государство лишь проявляет лояльное отношение к санкциям.

Например, в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 31 января 2023 г. № 09АП-87847/22 по делу № А40-191489/2022 было указано: «...В силу пункта 7.1 части 6 статьи 27 АПК РФ споры, указанные в статье 248.1 настоящего Кодекса, рассматриваются арбитражными судами независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане.

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты прав отдельных категорий физических и юридических лиц в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 июля 2020 г. по делу № А40-107039/19.

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 января 2021 г. № Ф05-541/2021 по делу № А40-201344/2020.

Таким образом, из буквального толкования положений п. 2 ч. 2 ст. 248.1 АПК РФ следует, что к исключительной компетенции арбитражных судов РФ прямо отнесены, в том числе, споры одного иностранного юридического лица с другим иностранным юридическим лицом, если основанием для таких споров являются ограничительные меры, введенные в отношении граждан Российской Федерации.

При этом ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ не требует, чтобы ограничительные меры (санкции) были наложены непосредственно на истца по спору. Для установления исключительной компетенции достаточно того, чтобы санкции выступали основанием спора и истец выразил свое волеизъявление на разрешение спора в российском суде.

В рассматриваемом случае приложенными к исковому заявлению доказательствами подтверждается, что настоящий спор возник вследствие неисполнения ответчиком своих договорных обязательств перед истцом по причине введения антироссийских санкций,

Для установления исключительной компетенции достаточно того, чтобы санкции выступали основанием спора и истец выразил свое волеизъявление на разрешение спора в российском суде

что в силу п. 2 ч. 1 ст. 248.1 АПК РФ также указывает на исключительную компетенцию арбитражного суда РФ безотносительно включения или невключения непосредственно истца в санкционные списки».

В другом деле было сказано, что «...в силу включения корпоративно контролируемых Истца лиц в санкционные списки США, Соединенного королевства и др. иностранных государств пророгационные соглашения, заключенные между Истцом и Ответчиками, более не являются действительными и должны оцениваться во взаимосвязи с ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ»⁴.

Третье условие заключается в отсутствии иного установленного международным договором или соглашением сторон порядка разрешения спора в иностранном суде или арбитраже. Правила исключительной компе-

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30 января 2023 г. № 09АП-84757/2022 по делу № А40-74815/2022.

тенции в ст. 248.1 АПК РФ не распространяются на российских лиц, если в отношении них действует международный договор, определивший иначе компетентный орган для разрешения спора с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера, либо если российские лица заключили соглашение, в котором определен иностранный суд, международный коммерческий арбитраж, находящийся за пределами территории РФ, для рассмотрения споров с их участием. Однако наличие пророгационного или арбитражного соглашения не является непреодолимым препятствием для использования правил исключительной компетенции по ст. 248.1 АПК РФ, поскольку буквальное соблюдение условий такого соглашения может ограничить право на судебную защиту.

Согласно постановлению Арбитражного суда Московского округа от 3 февраля 2023 г. № Ф05-35601/22 по делу № А40-98865/2022 «введение иностранными государствами ограничительных мер (запретов и персональных санкций) в отношении граждан Российской Федерации и российских юридических лиц, обусловленное политическими мотивами, не может не создавать сомнений в том, что соответствующий спор будет рассмотрен на территории иностранного государства с соблюдением гарантий справедливого судебного разбирательства, в том числе касающихся беспристрастности суда, что составляет один из элементов доступности правосудия.

Таким образом, российское юридическое лицо, в отношении которого введены меры ограничительного характера, вправе обратиться в арбитражный суд в Российской Федерации с заявлением о запрете инициировать или продолжать разбирательство в соответствующем иностранном суде (международном коммерческом арбитраже), если иностранное государство, на территории которого проводится судебное разбирательство, применяет меры ограничительного характера. При этом отдельное доказывание затруднения в доступе к правосудию в иностранном государстве не требуется».

Резюме. Как видно, используя приведенные приемы толкования (телеологическое и судебное), можно сделать вывод о том, что применение ограничительных мер в отношении российского лица является достаточным для обоснованного предположения

о наличии ограничений самого доступа его к правосудию и об ограничении гарантий справедливого судебного разбирательства. Иными словами, здесь действует презумпция ограничения доступа российского лица, к которому применены меры ограничительного характера, к правосудию в иностранном государстве.

Наиболее ясно позиция о наличии презумпции была сформулирована в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 9 декабря 2021 г. № 309-ЭС21-6955 (1-3) по делу № А60-36897/2020. Здесь на основе анализа ст. 248.1 АПК РФ и подготовительных материалов к ней была прямо сформулирована следующая правовая позиция (*ratio decidenti*):

«Таким образом, из системного толкования приведенных правовых норм и с учетом целей законодательного регулирования следует, что сам по себе факт введения в отношении российского лица, участвующего в споре в международном коммерческом арбитраже, находящемся за пределами территории Российской Федерации, мер ограничительного характера, предполагается достаточным для вывода об ограничении доступа такого лица к правосудию.

Ограничительные меры имеют, во-первых, личный характер, т. е. адресованы конкретному лицу персонально, а во-вторых, публичный характер, то есть общеобязательны и основаны на силе и авторитете публичной государственной власти. Введение иностранными государствами ограничительных мер (запретов и персональных санкций) в отношении российских лиц поражает их в правах как минимум репутационно и тем самым заведомо ставит их в неравное положение с иными лицами. В таких условиях вполне оправданны сомнения в том, что спор с участием лица, находящегося в государстве, применившем ограничительные меры, будет рассмотрен на территории иностранного государства, также применившего ограничительные меры, с соблюдением гарантий справедливого судебного разбирательства, в том числе касающихся беспристрастности суда, что составляет один из элементов доступности правосудия».

Следовательно, ст. 248.1 АПК РФ, закрепляя право российского лица на исключительную компетенцию российского суда, основана на предположении, что оно (рос-

сийское лицо) в связи с введением ограничительных мер столкнется с препятствиями в доступе к правосудию в иностранном суде или арбитраже. Обязанность опровергнуть презумпцию ограничения доступа российского лица к правосудию и процессуальных прав будет лежать на другой стороне. Правовым последствием наличия данной презумпции в конкретном деле является право истца на обращение в российский суд в силу правил исключительной компетенции. Презюмируемый характер факта ограничений доступа к правосудию в связи с введением ограничительных мер против российского лица подтверждается, помимо определения Верховного Суда РФ от 9 декабря 2021 г. № 309-ЭС21-6955, другой единообразной судебной практикой¹. При этом наличие санкционного режима в судебной практике рассматривается как общеизвестный факт, не требующий доказывания².

Для признания исключительной компетенции российского арбитражного суда достаточно одностороннего волеизъявления подсанкционного российского лица путем приведения фактов применения в его отношении ограничительных мер. В решении Арбитражного суда г. Москвы от 12 августа 2022 г. по делу № А40-107628/2022 был сделан следующий вывод:

«Вопросы исключительной компетенции российских арбитражных судов по спорам с участием лиц, в отношении которых иностранные публично-правовые образования применили меры ограничительного характера, урегулированы статьей 248.1 АПК РФ.

Согласно части 4 этой статьи к исключительной компетенции арбитражных судов в Российской Федерации относятся дела, если заключенное сторонами соглашение неисполнимо по причине применения в отношении одного из лиц, участвующих в споре, мер ограничительного характера иностранным публично-правовым образованием, создающим такому лицу препятствия в доступе к правосудию.

По смыслу названной нормы само по себе применение мер ограничительного характера

¹ Решения Арбитражного суда г. Москвы от 12 августа 2022 г. по делу № А40-107628/2022, от 19 сентября 2022 г. по делу № А40-142282/2022; постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 февраля 2023 г. № Ф05-35601/22 по делу № А40-98865/2022.

² Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 декабря 2022 г. № Ф03-6497/22 по делу № А73-15265/2022.

уже создает российской стороне препятствия в доступе к правосудию, в силу чего для перевода спора под юрисдикцию российских арбитражных судов достаточно ее одностороннего волеизъявления, выраженного в процессуальной форме».

Является ли презумпция опровержимой? Да, по общему правилу все презумпции являются опровержимыми. Однако презумпции могут быть опровергнуты противоположной стороной, на которую переходит бремя опровержения презюмируемого факта. Как отмечается в доктрине, «пока обстоятельство презюмируется, оно не подлежит доказыванию, ибо предполагается его установленность, что не исключает вхождение такого факта в предмет доказывания. Как только презумпция опровергнута, презюмировавшееся ранее обстоятельство подлежит доказыванию. В связи с этим представляется, что презумпция лишь сдвигает бремя доказывания, но не влияет на предмет доказывания. Если исключать презюмируемые факты из предмета доказывания, то суд был бы не вправе допускать доказательства, опровергающие презумпцию, как не относящиеся к делу, что недопустимо с позиции и законности, и разумности» [Справочник по доказыванию в арбитражном процессе 2020: 19].

Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2015 г.) было указано следующее:

«Договор, при заключении которого допущено злоупотребление правом, подлежит признанию недействительным на основании ст. 10 и 168 ГК РФ по иску лица, чьи права или охраняемые законом интересы нарушает этот договор.

Однако судами не исследовались имеющие существенное значение для правильного разрешения спора обстоятельства, свидетельствующие о недобросовестности сторон оспариваемой сделки.

Кроме того, судами ошибочно не принято во внимание то, что презумпция добросовестности является опровержимой».

Какими обстоятельствами может быть опровергнута презумпция? Например, является ли достаточным подтверждение возможности участвовать в судебном процессе, или необходимо подтвердить реальную возможность получить исполнение судебного акта, принятого в пользу российского юридического лица? Для правильного ответа на данный вопрос необходимо исследовать

понимание судебной защиты и ключевых составляющих права на справедливое судебное разбирательство, а именно то, являются ли право на исполнение и исполняемость судебного решения неотъемлемыми элементами права на судебную защиту.

Объем и пределы составляющих права на справедливое судебное разбирательство значимы в силу того, что в ст. 248.1 АПК РФ установлены правила исключительной судебной компетенции в отношении российских лиц, к которым применены ограничительные меры, а также указано, что необходимо обеспечить беспрепятственный доступ к правосудию российских лиц. Ориентиром здесь могут быть процессуальные права и обязанности участвующих в деле лиц, указанные в главе 5 и других главах АПК РФ, в разделе VII АПК РФ, а для сторон арбитражного разбирательства – перечисленные в ст. 41, 44–49, 318, 319 и других статьях АПК РФ. Это своего рода процессуальный стандарт справедливого правосудия, исходя из которого можно определить ключевые составляющие права на справедливое судебное разбирательство.

Право на судебную защиту включает в себя ряд составляющих его правомочий, среди которых одним из важнейших является право на исполнение судебного акта. Данный тезис является общеизвестным и отражен в практике Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. В частности, как отмечает Е. Н. Кузнецов, Конституционный Суд РФ неоднократно давал толкование ключевых элементов права на судебную защиту, объема и ключевых элементов права на справедливое судебное разбирательство, включая в него и право на исполнение судебного решения [Кузнецов 2022: 79–82]. Конституционный Суд РФ сформулировал конституционный принцип исполняемости судебного решения, без соблюдения которого восстановление в нарушенных правах и сама судебная защита будут неэффективными.

Данная позиция полностью разделяется Верховным Судом РФ, который также подчеркивает необходимость реального обеспечения действия принципа исполняемости судебного решения¹. Поэтому отсутствие

¹ См., например: п. 13 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 октября 2022 г.); п. 57 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 ноября 2021 г.).

возможности обеспечить исполняемость судебного решения, которое является неотъемлемым элементом права на справедливое судебное разбирательство, рассматривается как в российском, так и в международном праве и судебной практике как отсутствие правосудия, а не его реальное действие.

Между тем в ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ прямо сказано о мерах, «создающих такому (российскому) лицу препятствия в доступе к правосудию». Одним из таких очевидных препятствий в доступе к правосудию является отсутствие возможности исполнения судебного решения. Поэтому при отсутствии безусловных юридических гарантий, обеспечивающих фактическую, а не формально декларируемую возможность исполнения судебного решения, и при возможности вмешательства принимающих непредсказуемые публично-правовые решения третьих лиц право на правосудие является иллюзорным и не реально обеспеченным с учетом его понимания как в российском, так и в международном процессуальном праве.

Следует обратить внимание и на более широкий спектр последствий применения ограничительных мер для российского лица, которые не исчерпываются невозможностью получения присужденного по судебному акту.

В частности, после введения ограничительных мер для российского лица становится практически невозможным либо крайне затруднительным: получить визу для участия в судебном или арбитражном разбирательстве; найти иностранных адвокатов, согласных вести дела российских лиц; оплатить судебные издержки и иные судебные расходы, включая оплату юристов; воспользоваться помощью иностранных нотариусов для удостоверения или свидетельствования необходимых документов; воспользоваться услугами экспресс-почты для получения и доставки судебных документов; совершать банковские операции, связанные как с оплатой юридической помощи, так и с пребыванием российских юристов за рубежом; получить присужденное по судебному или арбитражному решению ввиду блокирования международных банковских переводов, запретительного по своей сути контроля всех денежных переводов, связанных с российскими лицами. Кроме того, публичные органы власти и банки недружественных государств обладают правом без обоснования причин либо по сугубо надуманным основаниям отказывать в совер-

шении тех или иных юридических действий, рассмотрении заявлений и обращений российских лиц и т. д.

В связи с этим лицо, утверждающее, что препятствия для доступа подсанкционного российского лица к судебной защите отсутствуют, должно привести убедительные доказательства, свидетельствующие о возможности полного соблюдения правил справедливого судебного разбирательства в отношении российского юридического или физического лица, включая беспрепятственную реализацию права российского лица на исполнение судебного решения и получение присужденного по нему.

Полагаю, что для доказывания отсутствия препятствий для доступа к правосудию российскому лицу в иностранной юрисдикции должен применяться самый высокий стандарт доказывания с подтверждением судебной практикой соответствующего иностранного государства.

Как распределяются обязанности по доказыванию между участниками процесса по применению ст. 248.1 АПК РФ? Как уже указывалось, наличие презумпций смещает бремя доказывания на одну из сторон. «Сторона спора, в пользу которой установлена презумпция, может ссылаться на факты, но не обязана их доказывать. При этом презумпции, установленные действующим законодательством, могут быть опровергнуты противоположной стороной» [Особенности арбитражного производства 2019: 85].

Поэтому обязанности по доказыванию при применении ст. 248.1 АПК РФ распределяются следующим образом. Поскольку именно на суде лежит обязанность по соответствующей правовой квалификации отношений сторон, то сам суд вправе выявить наличие предусмотренной законом презумпции, поскольку «обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, определяются арбитражным судом на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле, в соответствии с подлежащими применению нормами материального права» (ч. 2 ст. 65 АПК РФ).

Приведем в пример постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27 декабря 2022 г. № Ф10-5435/22 по делу № А62-3378/2022. Суду области необходимо было выяснить, в том числе, вопрос

о реальной возможности обеспечения участником судебного разбирательства права на судебную защиту своих законных интересов на территории иностранного государства, включенного в перечень недружественных государств (разрешение данного вопроса на стадии принятия искового заявления к производству было невозможно).

Согласно ст. 248.1 АПК РФ российскому лицу-истцу достаточно доказать факт применения к нему ограничительных мер, что доказывает невозможность получения доступа к судебной защите в недружественном государстве. Напротив, отсутствие препятствий для доступа к судебной защите у российского лица, включая наличие возможности безусловного исполнения судебного решения в иностранном государстве, доказывает другая сторона, которая настаивает на отсутствии таких препятствий. Подобное распределение обязанностей по доказыванию прямо вытекает из содержания ст. 248.1 АПК РФ, приведенного выше толкования Верховного Суда РФ и единообразной судебной практики.

Выводы. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что ст. 248.1 АПК РФ содержит презумпцию, согласно которой введение ограничительных мер против российского лица предполагает невозможность получения полноценной защиты в суде или международном коммерческом арбитраже, расположенных в государствах, которые применили санкции и меры ограничительного характера в отношении Российской Федерации и российских лиц.

Данный вывод подтверждают анализ текста упомянутой статьи, подготовительных материалов к законопроекту о включении в АПК РФ ст. 248.1 и 248.2, судебной практики их применения, в том числе Верховным Судом РФ, анализ самого санкционного регулирования, а также размещенной в открытых источниках информации о фактических сложностях либо невозможности в принципе получить судебную защиту российским лицам в судах и иностранных арбитражах на территории недружественных стран. Поэтому применение ограничительных мер либо соблюдение в данном государстве санкционного режима в отношении российского лица определяет исключительную компетенцию российского арбитражного суда.

Список литературы

- Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
- Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1973. Т. 2. 401 с.
- Зайцев И. Н. Процессуальные льготы в гражданском судопроизводстве // Материальное право и процессуальные средства его защиты: межвуз. темат. сб. / отв. ред. Р. Е. Гукасян. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1981. С. 21–26.
- Качур Н. Ф. Презумпции в советском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. 216 с.
- Кузнецов Е. Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации. М.: Статут, 2022. 336 с.
- Нахова Е. А. Доказательственное право в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве. СПб.: ВВМ, 2017. 1056 с.
- Ойгензихт В. А. Понятие гражданско-правовой презумпции // Советское государство и право. 1975. № 10. С. 25–33.
- Особенности арбитражного производства: учеб.-практ. пособие / под ред. И. В. Решетниковой. М.: Юстиция, 2019. 323 с.
- Перевалов В. Д. Теория государства и права: учеб. и практикум. 5-е изд. М.: Юрайт, 2016. 341 с.
- Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе. 3-е изд. М.: Юрайт, 2013. 527 с.
- Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И. В. Решетниковой. М.: Норма; Инфра-М, 2020. 360 с.

Владимир Владимирович Ярков – заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: yarkov5995@gmail.com.
ORCID: 0000-0003-2644-5940

Does Article 248.1 of the CPC of the Russian Federation Establish a Presumption of Restriction of the Procedural Rights of Russian Persons under Sanctions?

The article examines the relatively new provisions of Article 248.1 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation, which establish the exclusive competence of Russian courts for Russian persons under sanctions. The analysis of the practice of application of this Article by arbitration courts allows us to identify three criteria for its use: the subject criterion, the subjective criterion and the absence of another established procedure for dispute resolution.

Having studied the judicial practice, the author concludes that the application of restrictive measures against a Russian person is sufficient for a reasonable assumption that there are restrictions on access to justice for him and the observance of guarantees of a fair trial, i. e. the effect of the presumption of restricting access of a Russian person to whom restrictive measures have been applied to justice in a foreign state. In this case, the rules on the exclusive competence of the Russian arbitration court on the basis of Article 248.1 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation should be applied. At the same time, this presumption is refutable. It is obvious that the duty to refute the presumption of restricting access to justice in a foreign state rests with the defendant in the claim of a Russian person.

Keywords: *sanctions, restrictive measures, commercial court, presumption*

Recommended citation

Yarkov V. V. Soderzhit li stat'ya 248.1 APK RF prezumptsiyu ogranicheniya protsessual'nykh prav rossiiskikh lits v usloviyakh sanktsii? [Does Article 248.1 of the CPC of the Russian Federation Establish a Presumption of Restriction of the Procedural Rights of Russian Persons under Sanctions?], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 65–73, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_65.

References

Alekseev S. S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – Theory – Philosophy: the Experience of Complex Research], Moscow, Statut, 1999, 712 p.

Alekseev S. S. *Problemy teorii prava* [Problems of the Theory of Law], in 2 vols., Sverdlovsk, Sverdl. jurid. in-t, 1973, vol. 2, 401 p.

Kachur N. F. *Prezumptsii v sovetskom semeinom prave* [Presumptions in Soviet Family Law]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Sverdlovsk, 1982, 216 p.

Kuznetsov E. N. *Pravo na ispolnenie sudebnykh aktov v Rossiiskoi Federatsii* [The Right to the Execution of Judicial Acts in the Russian Federation], Moscow, Statut, 2022, 336 p.

Nakhova E. A. *Dokazatel'stvennoe pravo v tsivilisticheskom protsesse i administrativnom sudoproizvodstve* [Evidentiary Law in Civil Procedure and Administrative Proceedings], Saint Petersburg, VVM, 2017, 1056 p.

Oigenzikht V. A. Ponyatie grazhdansko-pravovoi prezumptsii [The Concept of Civil Presumption], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1975, no. 10, pp. 25–33.

Perevalov V. D. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], Moscow, Yurait, 2016, 341 p.

Reshetnikova I. V. (ed.) *Osobennosti arbitrazhnogo proizvodstva* [Features of Commercial Proceedings], Moscow, Yustitsiya, 2019, 323 p.

Reshetnikova I. V. (ed.) *Spravochnik po dokazyvaniyu v arbitrazhnom protsesse* [Handbook of Evidence in the Commercial Procedure], Moscow, Norma, Infra-M, 2020, 360 p.

Reshetnikova I. V. *Dokazyvanie v grazhdanskom protsesse* [Proving in Civil Procedure], Moscow, Yurait, 2013, 527 p.

Zaitsev I. N. *Protsessual'nye l'goty v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Procedural Privileges in Civil Proceedings], Gukasyan R. E. (ed.) *Material'noe pravo i protsessual'nye sredstva ego zashchity* [Substantive Law and Procedural Means of Its Protection], Kalinin, Kalinin. gos. un-t, 1981, pp. 21–26.

Vladimir Yarkov – honored scientist of the Russian Federation, doctor of juridical sciences, professor, head of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: yarkov5995@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-2644-5940

Дата поступления в редакцию / Received: 01.07.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023

Д. В. Двуречинский
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

КОНКЛЮДЕНТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ И БЕЗДЕЙСТВИЕ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Наряду с устными и письменными процессуальными действиями в цивилистическом процессе выделяются конклюдентные действия (бездействие). С опорой на учение о конклюдентных действиях (бездействии) в гражданском праве выделяются признаки указанного правового института, приводятся примеры конклюдентных процессуальных действий (бездействия). В частности, процессуальные действия (бездействие), совершенные в конклюдентной форме, отличает опосредованность воли на порождение соответствующих процессуальных последствий.

В отношении конструкции нормы ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ, предполагающей признание невыгодного стороне факта при ее пассивном поведении (неоспаривании утверждения процессуального оппонента), обосновывается тезис о том, что по смыслу указанного процессуального правила суду индифферентна направленность воли лица на признание факта. Подчеркивается, что презумпции и фикции представляют собой самостоятельные правовые инструменты, которые решают определенные локальные задачи, связанные с доказыванием; при этом в отличие от конструкции конклюдентного бездействия оперирование презумпциями и фикциями не предполагает в качестве конституирующего признака учет волеизъявления спорящих сторон.

Ключевые слова: воля, волеизъявление, процессуальные действия, конклюдентные действия, бездействие, презумпции, фикции

Для цитирования

Двуречинский Д. В. Конклюдентные действия и бездействие в цивилистическом процессе // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 74–82. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_74.

УДК 342.93

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_74

Процессуальные действия являются основными юридическими фактами, с которыми нормы процессуального права связывают правовые последствия [Зейдер 1965: 62–63; Чечина 2021: 62–65]. В доктрине цивилистического процесса под процессуальными действиями понимается результат осуществления субъектами гражданских процессуальных правоотношений процессуальных прав и исполнения обязанностей [Васьковский 2016: 581–603; Клейнман 1967: 24; Чечот 2005: 91].

Единство устности и письменности судопроизводства как один из принципов процесса [Гражданский процесс 2022: 66–67] предопределяет форму совершения процессуальных действий. Как указывал Н. В. Щеглов,

«...строгое соблюдение формы процессуального действия обеспечивает четкость процесса, ясное представление субъектов процесса о совершенном действии и вытекающих из него процессуальных правах и обязанностях, облегчает контроль за правильностью возникновения, развития и прекращения процесса и повышает его воспитательное значение» [Щеглов 1966: 85]. Соответствующая форма процессуального действия может быть предусмотрена законом, и в таком случае ее соблюдение является обязательным для субъектов процесса.

Большинство процессуальных действий совершаются в письменной форме, а с внедрением в процессуальную ткань инфор-

мационных технологий – и в электронной форме [Брановицкий 2018; Незнамов 2019; Ткачева 2022]. Например, итоговый судебный акт по делу в силу прямого указания закона излагается в письменной форме или в форме электронного документа (ч. 1 ст. 197 ГПК РФ, ч. 1 ст. 169 АПК РФ). Предъявление иска предполагает обязательное его облечение в письменную форму или в форму электронного документа (ч. 1 ст. 131 ГПК РФ, ч. 1 ст. 125 АПК РФ).

При наличии прямого указания закона либо при отсутствии предписания об обязательном письменном способе выражения процессуальные действия могут совершаться в устной форме с обязательной фиксацией в протоколе и аудиозаписью судебного заседания [Сахнова 2014: 70]. Например, наделение полномочиями представителя в процессе может происходить путем соответствующего устного заявления доверителя, которое заносится в протокол судебного заседания (ч. 6 ст. 53 ГПК РФ). Протокольные определения выносятся судом устно в зале судебного заседания с обязательной фиксацией в протоколе судебного заседания (чч. 2, 5 ст. 184 АПК РФ).

Кроме того, в научной литературе высказываются мнения о выделении так называемых конклюдентных действий или процессуальных действий, совершенных в конклюдентной форме [Афанасьев 2011b; Ярков 2012: 108].

Стоит отметить, что единой концепции конклюдентных процессуальных действий в отечественной науке цивилистического процесса не выработано. С. Ф. Афанасьев обращает внимание на то, что процессуальные конклюдентные действия в системе технико-юридических приемов, используемых судами при рассмотрении гражданских дел, пока в теории суть *terra incognita* [Афанасьев 2011b: 85], чего нельзя сказать о цивилистике, в которой проблема конклюдентных действий весьма основательно исследована в рамках учения о гражданско-правовых сделках.

Конклюдентные действия традиционно анализируются в рамках вопроса о формах сделок [Анненков 1899: 408; Синайский 1914: 164]. В отличие от устной и письменной формы сделок, при которой волеизъявление выражается непосредственно в виде речи (устной или письменной), конклюдентный

способ волеизъявления состоит в косвенном (опосредованном) выражении воли субъекта через действия («скрытные действия» [Мейер 2021: 201]), которые не выражают намерение (волю) лица прямо, а только дают возможность судить по ним о его намерении (воле) [Шершеневич 2023: 124]. Г. Ф. Шершеневич приводил следующий пример: «...Если наследник не заявляет прямо о своем желании принять наследство, а вступает в распоряжение им, платит долги наследодателя, пользуется имуществом в свою пользу, то это может быть истолковано только в смысле принятия...» [Там же: 124].

Отталкиваясь от понимания конклюдентных действий в гражданском праве, можно обозначить ключевые признаки, которым должно соответствовать процессуальное действие, чтобы именоваться конклюдентным: во-первых, оно должно быть совершено в форме *активного* действия, во-вторых, оно должно представлять собой такое волеизъявление, которое выражает волю *косвенно* (опосредованно), позволяя другим субъектам, которые ее воспринимают, заключить, что воля на порождение соответствующих правовых последствий выражена.

В процессе независимо от способа выражения (письменный или устный) все процессуальные действия совершаются в рамках процессуальной формы, императивные нормы которой определяют их содержание, условия и правовые последствия. Обязательным участником процессуальных правоотношений является суд [Гурвич 1955: 47; Гурвич 1975: 19; Юдельсон 1956: 10; Шакарян 1970: 131]. Именно суд совершает все основные процессуальные действия [Курс советского гражданского процессуального права 1981: 236–237; Щеглов 1966: 27–29; Ярков 2012: 48–50]. Однако допустить, что процессуальные действия суда имеют конклюдентный характер, вряд ли возможно: правоприменительная деятельность не может предполагать косвенного или опосредованного волеизъявления органа правосудия. Применительно к *facta concludentia* в процессе суд является, скорее, своеобразным «адресатом» процессуальных действий, поэтому заострим внимание на конклюдентных действиях лиц, участвующих в деле.

Процессуальные действия как форма реализации прав и обязанностей участвующих в деле лиц порождают вполне определен-

ные процессуальные последствия. Например, предъявление иска влечет возбуждение производства в суде первой инстанции, признание иска – удовлетворение исковых требований, заключение сторонами мирового соглашения – прекращение производства по делу. Такая последовательность (воля – прямое волеизъявление – процессуальные последствия) характерна для большинства процессуальных действий.

Однако некоторые действия или совокупность действий в процессе, помимо прямого процессуального эффекта, воля на который выражается непосредственно, могут одновременно порождать побочные процессуальные последствия, воля лица на которые выражается косвенно.

Например, С. Ф. Афанасьев усматривает конклюдентное значение в предоставлении сторонами доказательств на стадии судебных прений, которое ставит орган правосудия в известность об их желании возобновить рассмотрение дела по существу (ст. 191 ГПК РФ) или в отказе от замены ненадлежащего ответчика, который указывает суду на волю истца на продолжение судебного разбирательства, даже если это повлечет отказ в удовлетворении заявленных требований (ст. 41 ГПК РФ) [Афанасьев 2011а: 33–34].

К приведенным примерам можно добавить и иные. В частности, признание ответчиком компетенции государственного суда при наличии третейского соглашения может быть выражено посредством совершения конклюдентных процессуальных действий. Если между сторонами заключено третейское соглашение, однако иск предъявлен в государственный суд, ответчик вправе либо прямым волеизъявлением заявить о несогласии с подведомственностью, и тогда исковое заявление будет оставлено без рассмотрения, либо начать спорить по существу и таким образом косвенно выразить своим процессуальным поведением согласие на рассмотрение дела именно государственным, а не третейским судом (п. 5 ч. 1 ст. 148 АПК, абз. 6 ст. 222 ГПК РФ). В последнем примере процессуальные действия ответчика сами по себе порождают процессуальные последствия как совершенное в устной или письменной форме волеизъявление и одновременно создают побочный процессуальный эффект как конклюдентные действия.

Полагаем, что именно с точки зрения конклюдентных действий следует рассматривать позицию Верховного Суда РФ, который указывает, что «если в арбитражном суде первой инстанции ответчик не заявлял довод о несоблюдении истцом досудебного порядка урегулирования спора, то данный довод не может быть рассмотрен в качестве основания для отмены судебных актов в арбитражном суде апелляционной или кассационной инстанции» (п. 18 Обзора практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июля 2020 г.). Иными словами, если суд первой инстанции по каким-либо причинам не отреагирует на факт несоблюдения истцом досудебного порядка урегулирования спора (п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ предписывает в подобных случаях выносить определение об оставлении искового заявления без рассмотрения), а ответчик прямо не выразит волю на прекращение процессуального правоотношения уже после возбуждения дела, то вся совокупность его (ответчика) процессуальных действий приобретает значение *facta concludentia*, указывающих судам проверочных инстанций на согласие продолжить судебную процедуру, не прибегая к досудебному порядку урегулирования спора.

С точки зрения *facta concludentia* можно рассмотреть и рекомендацию Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, который высказывал схожую позицию применительно к институту подведомственности, когда сторона либо явно заявляет об отсутствии у арбитражного суда компетенции по рассмотрению дела, либо продолжает спорить по существу, тем самым соглашаясь на рассмотрение дела арбитражным судом [Правовые позиции Президиума ВАС Российской Федерации 2012: 442–443].

Применение конклюдентных действий в процессе не ограничивается указанными случаями. В последнее время авторы все чаще обращаются к конструкции этих действий при анализе так называемого процессуального эстоппеля [Володарский, Кашкарова 2019; Володарский, Кашкарова 2021]. Вместе с тем к вопросу о конклюдентных действиях в процессе следует подходить весьма осмо-

трительно. Далеко не любое процессуальное поведение может рассматриваться в качестве конклюдентного. Так, дискуссионным является мнение В. В. Яркова о конклюдентном значении молчаливого признания в процессе доказывания. Автор пишет, что конструкция нормы ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ «придает правовое значение конклюдентным действиям, поскольку выводит правовые последствия из самого факта несовершения другой стороной действий по опровержению выдвинутых другой стороной обстоятельств» [Ярков 2012: 77].

Если опустить квалификацию несовершенных действий (фактически бездействия) в качестве конклюдентного действия, которое по определению совершается в активной форме, то стоит задаться общим вопросом: действительно ли бездействие в процессе может являться косвенным выражением воли?

В процессуальных правоотношениях наряду с фактами-действиями процессуальные последствия порождает и бездействие участников процесса [Чечина 2021: 64]. Так, пассивность ответчика в осуществлении процессуальных прав и обязанностей в виде неявки в судебное заседание может трансформировать правоприменительный цикл в суде первой инстанции в заочное производство (ст. 233 ГПК РФ). Пассивное процессуальное поведение третьего лица без самостоятельных требований, участвовавшего в деле на стороне, в пользу которой принят судебный акт, является основанием для отказа в возмещении лицу судебных издержек (ч. 4 ст. 98 ГПК РФ, ч. 5.1 ст. 110 АПК РФ). Бездействие заинтересованных лиц в реализации права на апелляционное обжалование судебного акта наряду с истечением конкретного срока становится юридическим фактом в составе, обуславливающим вступление решения в законную силу (ч. 1 ст. 209 ГПК РФ, ч. 1 ст. 180 АПК РФ).

В приведенных примерах бездействие (молчание) как процессуальный юридический факт само по себе порождает процессуальные последствия вне зависимости от того, имелось ли прямое или косвенное волеизъявление пассивной стороны.

О. А. Красавчиков отмечал, что молчание может рассматриваться в качестве отрицательного волеизъявления, при котором отрицается не наличие воли, а наличие ее положительного изъявления [Красавчиков 1958: 100].

Опираясь на это мнение, можно заключить, что в отличие от обычного бездействия, которое влечет процессуальные последствия непосредственно, конклюдентное бездействие должно порождать процессуальные последствия в силу квалификации судом такого бездействия в качестве отрицательного волеизъявления.

Например, в случае заявления прокурором отказа от иска, предъявленного в интересах другого лица, материальный истец может либо прямым волеизъявлением выразить волю на прекращение производства по делу, либо бездействовать, там самым указывая суду на несогласие с отказом прокурора от иска (ч. 2 ст. 45 ГПК РФ, ч. 4 ст. 52 АПК РФ). И наоборот, молчание присоединившихся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц свидетельствует об их согласии с прекращением процедуры группового производства на основании отказа истца-представителя от иска (ч. 7 ст. 244.24 ГПК РФ, ч. 7 ст. 225.15 АПК РФ). В приведенных

Бездействие (молчание) как процессуальный юридический факт само по себе порождает процессуальные последствия вне зависимости от того, имелось ли прямое или косвенное волеизъявление пассивной стороны

примерах значение отрицательного волеизъявления и конклюдентного факта имеет само молчание – косвенное выражение воли на продолжение рассмотрения дела либо на прекращение производства по делу. Подчеркнем, что первично здесь не само бездействие, влекущее процессуальные последствия, а отраженное в нем косвенное волеизъявление, позволяющее суду с уверенностью заключить, что воля на порождение соответствующих процессуальных последствий выражена.

Таким образом, отвечая на вопрос о том, может ли молчание в процессе являться косвенным выражением воли, следует согласиться с мнением авторов, которые усматривают в бездействии конклюдентное значение.

Вместе с тем если вернуться к конструкции нормы ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ, то необходимо констатировать обратное: ни о каком косвенном волеизъявлении, направленном на признание фактов и обстоятельств, при мол-

чании истца или ответчика в процессе доказывания речи не идет.

В. В. Ярков считает, что «данная статья введена с целью активизации доказательственной деятельности сторон и по сути дела ввела в арбитражный процесс новую презумпцию, в соответствии с которой считаются признанными одной стороной все те обстоятельства, которые выдвинула другая сторона, если они не были ей оспорены» [Ярков 2012: 78]. И. В. Решетникова приводит норму ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ в качестве примера правовой фикции, т. е. предположения о существовании факта вопреки действительности [Справочник по доказыванию в арбитражном процессе 2023: 25]. О. Н. Шеменова усматривает в данной норме как элементы презумпции – вероятного предположения о том, что сторона не оспаривает обстоятельство, поскольку оно реально имело место в действительности, так и фикции – признания существующим заведомо не соответствующего действительности явления [Шеменова 2011].

Не углубляясь в научную дискуссию о квалификации рассматриваемой нормы в качестве презумпции или фикции, обратим лишь внимание на то, что обе эти категории и конклюдентные процессуальные действия (бездействие) – явления разные. С. Ф. Афанасьев, опираясь на мнение Г. Ф. Дормидонтова, указывает, что под фикциями и презумпциями нужно подразумевать приемы, которые оправдывают недоказанные события, а под конклюдентными действиями – способ установления воли [Афанасьев 2010: 57–58]. Презумпции и фикции в процессе представляют собой совершенно самостоятельные инструменты, которые решают определенные локальные задачи – установление недоказанных фактов безотносительно установления воли лица о подобных фактах. Напротив, с помощью конструкции конклюдентного бездействия суд устанавливает действитель-

ную волю лица на порождение соответствующих процессуальных последствий, как если бы такая воля нашла прямое выражение: в случае *facta concludentia* «мы имеем дело с фактом, о существовании которого свидетельствует другой факт как знак или эквивалент его» [Дормидонтов 1895: 54].

Важно, что для применения правила ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ суду индифферентна направленность воли лица на признание фактов; более того, действительная воля такого субъекта вполне может быть прямо противоположной (лицо, очевидно, не желало наступления невыгодных для себя процессуальных последствий при установлении конкретного обстоятельства). Согласимся здесь с Р. О. Опалевым, который справедливо замечает: «Воля ответчика на признание соответствующих обстоятельств при применении ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ не выясняется, поскольку сама по себе она юридического значения не имеет» [Опалев 2013: 41].

На основании изложенного полагаем, что указание на конклюдентный характер волеизъявления применительно к норме ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ не учитывает сущности конклюдентного процессуального бездействия как косвенного выражения воли на процессуальные последствия.

Итак, выделение наряду с письменными и устными не только процессуальных конклюдентных действий, но и бездействия представляется оправданным. Отметим также, что теория конклюдентных действий (бездействия) нуждается в дальнейшей разработке: необходимо уточнить их квалифицирующие признаки, классифицировать по определенным основаниям на виды, четко отграничить от иных внешне схожих правовых явлений, проанализировать действующее российское законодательство на предмет доктринально обоснованного использования указанной конструкции.

Список литературы

- Анненков К. Н. Система русского гражданского права. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Т. I: Введение и общая часть. 672 с.
- Афанасьев С. Ф. Использование конклюдентных процессуальных действий при рассмотрении судом гражданских дел // Российская юстиция. 2011а. № 1. С. 31–34.
- Афанасьев С. Ф. К теории процессуальных конклюдентных действий // Вестник гражданского процесса. 2011б. № 1. С. 79–85.

Афанасьев С. Ф. О соотношении признанных и неоспоренных фактов, а также конклюдентных действий в гражданском процессе (на примере части 3.1 статьи 70 АПК РФ) // Юрист. 2010. № 10. С. 55–58.

Брановицкий К. Л. Влияние информационных технологий на гражданское судопроизводство // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 24–27.

Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.

Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н. К вопросу о рецепции доктрины эстоппеля: процессуальный аспект // Закон. 2021. № 7. С. 106–116.

Володарский Д. Б., Кашкарова И. Н. Процессуальный эстоппель в практике российских судов (эмпирический анализ) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 61–110.

Гражданский процесс: учеб. для студентов юрид. высш. учеб. заведений / отв. ред. В. В. Ярков. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2022. 734 с.

Гурвич М. А. К вопросу о предмете науки советского гражданского процесса // Ученые записки ВИЮН. М.: Госюриздат, 1955. Вып. 4. С. 44–50.

Гурвич М. А. Структура и движение гражданского процессуального правоотношения: Вопросы науки советского гражданского процессуального права // Труды ВЮЗИ. М.: РИО ВЮЗИ, 1975. Т. 38. С. 3–34.

Дормидонтов Г. Ф. Юридические фикции и презумпции. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань: Типолит. Император. ун-та, 1895. 176 с.

Зейдер Н. Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1965. 74 с.

Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права (Очерк по истории). М.: Изд-во Москов. ун-та, 1967. 121 с.

Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.

Курс советского гражданского процессуального права: в 2 т. Т. 1: Теоретические основы правосудия по гражданским делам / редкол.: П. П. Гуреев, А. А. Добровольский, А. А. Мельников (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1981. 464 с.

Мейер Д. И. Русское гражданское право: курс лекций. М.: Статут, 2021. 846 с.

Незнамов А. В. О классификации цифровых технологий в гражданском процессе // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 3. С. 27–35.

Опалев Р. О. Основные положения учения о доказывании в российском арбитражном процессе // Российская юстиция. 2013. № 4. С. 37–41.

Правовые позиции Президиума ВАС Российской Федерации. Избранные постановления за 2009 год с комментариями / под ред. А. А. Иванова. М.: Статут, 2012. 510 с.

Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. М.: Статут, 2014. 784 с.

Синайский В. И. Русское гражданское право: в 2 вып. Киев: Тип. Р. К. Лубковского, 1914. Вып. 1: Общая часть и вещное право. 331 с.

Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И. В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; Инфра-М, 2023. 480 с.

Ткачева Н. Н. Неизбежная трансформация принципа письменности в исковом производстве – эффективная альтернатива и гарантия судебной защиты // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 6. С. 47–50.

Чечина Н. А. Гражданские процессуальные отношения // Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2021. 656 с.

Чечот Д. М. Участники гражданского процесса // Чечот Д. М. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. 616 с.

Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1970. 213 с.

Шеменева О. Н. Неоспоренные обстоятельства в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 2. С. 19–22.

Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Общая часть. М.: Юрайт, 2023. Т. 1. 148 с.

Щеглов Н. В. Гражданские процессуальные правоотношения. М.: Юрид. лит., 1966. 168 с.

Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1956. 439 с.

Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 608 с.

Даниил Витальевич Двуречинский – аспирант, ассистент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: dvurechinsky@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6028-9411

Conclusive Actions and Inaction in the Civil Procedure

Along with oral and written procedural actions, conclusive actions (inaction) are distinguished in the civil procedure. Based on the doctrine of conclusive actions (inaction) in civil law, the signs of this legal institution are identified, examples of conclusive procedural actions (inaction) are given. In particular, it is pointed out that procedural actions (inaction) committed in a conclusive form are distinguished by the mediation of the will to generate the corresponding procedural consequences.

With regard to the construction of the norm of Part 3.1 of Article 70 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation, which presupposes the recognition of a fact unfavorable to the party with its passive behavior (non-dispute of the statement of the procedural opponent), the thesis is substantiated that, within the meaning of the said procedural rule, the court is indifferent to the direction of the will of the person to recognize the fact. With regard to presumptions and fictions, it is emphasized that they are independent legal instruments that solve certain local problems related to proof; at the same time, in contrast to the construction of conclusive inaction, operating with presumptions and fictions does not imply as a constituent feature taking into account the will of the disputing parties.

Keywords: will, expression of will, procedural actions, conclusive actions, inaction, presumptions, fictions

Recommended citation

Dvurechinsky D. V. Konklyudentnye deistviya i bezdeistvie v tsivilisticheskom protsesse [Conclusive Actions and Inaction in the Civil Procedure], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 74–82, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_74.

References

Afanas'ev S. F. Ispol'zovanie konklyudentnykh protsessual'nykh deistvii pri rassmotrenii sudom grazhdanskikh del [The Use of Conclusive Procedural Actions in the Consideration of Civil Cases by the Court], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2011a, no. 1, pp. 31–34.

Afanas'ev S. F. K teorii protsessual'nykh konklyudentnykh deistvii [Towards the Theory of Procedural Conclusive Actions], *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2011b, no. 1, pp. 79–85.

Afanas'ev S. F. O sootnoshenii priznannykh i neosporenykh faktov, a takzhe konklyudentnykh deistvii v grazhdanskom protsesse (na primere chasti 3.1 stat'i 70 APK RF) [On the Ratio of Recognized and Uncontested Facts, as well as Conclusive Actions in Civil Proceedings (on the Example of Part 3.1 of Article 70 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation)], *Yurist*, 2010, no. 10, pp. 55–58.

Annenkov K. N. *Sistema russkogo grazhdanskogo prava* [The System of Russian Civil Law], Saint Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1899, vol. 1, 672 p.

Branovitskii K. L. Vliyanie informatsionnykh tekhnologii na grazhdanskoe sudoproizvodstvo [The Impact of Information Technology on Civil Proceedings], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2018, no. 7, pp. 24–27.

Chechina N. A. *Grazhdanskie protsessual'nye otnosheniya* [Civil Procedural Relations], Chechina N. A. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure], Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2021, 656 p.

Chehot D. M. *Uchastniki grazhdanskogo protsessa* [Participants in the Civil Procedure], Chehot D. M. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure], Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005, 616 p.

Dormidontov G. F. *Yuridicheskie fiktsii i prezumptsii. Klassifikatsiya yavlenii yuridicheskogo byta, odnosimyykh k sluchayam primeneniya fiktsii* [Legal Fictions and Presumptions. Classification of the Phenomena of Legal Life Related to the Cases of the Use of Fictions], Kazan, Tipolit. Imperator. un-ta, 1895, 176 p.

Gurvich M. A. K voprosu o predmete nauki sovetskogo grazhdanskogo protsessa [On the Subject of the Science of Soviet Civil Procedure], *Uchenye zapiski VIYuN*, 1955, no. 4, pp. 44–50.

Gurvich M. A. *Struktura i dvizhenie grazhdanskogo protsessual'nogo pravootnosheniya: Voprosy nauki sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Structure and Movement of Civil Procedural Legal Relations: Issues of the Science of Soviet Civil Procedural Law], *Trudy VYuZI*, 1975, vol. 38, pp. 3–34.

Ivanov A. A. *Pravovye pozitsii Prezidiuma VAS Rossiiskoi Federatsii. Izbrannye postanovleniya za 2009 god s kommentariyami* [Legal Positions of the Presidium of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. Selected Resolutions for 2009 with Comments], Moscow, Statut, 2012, 510 p.

Kleinman A. F. *Noveishie techeniya v sovetskoj nauke grazhdanskogo protsessual'nogo prava (Ocherk po istorii)* [The Latest Trends in the Soviet Science of Civil Procedural Law (Essays on History)], Moscow, Izd-vo Moskov. un-ta, 1967, 121 p.

Krasavchikov O. A. *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Legal Facts in Soviet Civil Law], Moscow, Gosyurizdat, 1958, 183 p.

Meier D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law], Moscow, Statut, 2021, 846 p.

Mel'nikov A. A. (eds.) *Kurs sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava: Teoreticheskie osnovy pravosudiya po grazhdanskim delam* [The Course of Soviet Civil Procedural Law: Theoretical Foundations of Justice in Civil Cases], Moscow, Nauka, 1981, vol. 1, 464 p.

Neznamov A. V. O klassifikatsii tsifrovyykh tekhnologii v grazhdanskom protsesse [On the Classification of Digital Technologies in Civil Proceedings], *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, 2019, no. 3, pp. 27–35.

Opalev R. O. *Osnovnye polozheniya ucheniya o dokazyvanii v rossiiskom arbitrazhnom protsesse* [The Main Provisions of the Doctrine of Proof in the Russian Commercial Procedure], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2013, no. 4, pp. 37–41.

Reshetnikova I. V. (ed.) *Spravochnik po dokazyvaniyu v arbitrazhnom protsesse* [Handbook of Evidence in the Commercial Procedure], Moscow, Norma, Infra-M, 2023, 480 p.

Sakhnova T. V. *Kurs grazhdanskogo protsessa* [The Course of Civil Procedure], Moscow, Statut, 2014, 784 p.

Shakaryan M. S. *Sub"ekty sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Subjects of Soviet Civil Procedural Law], Moscow, Izd-vo VYuZI, 1970, 213 p.

Shcheglov N. V. *Grazhdanskie protsessual'nye pravootnosheniya* [Civil Procedural Legal Relations], Moscow, Yurid. lit., 1966, 168 p.

Shemeneva O. N. *Neosporennnye obstoyatel'stva v arbitrazhnom protsesse* [Uncontested Circumstances in the Commercial Procedure], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2011, no. 2, pp. 19–22.

Shershenevich G. F. *Uchebnyy kurs russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law], Moscow, Yurait, 2023, vol. 1, 148 p.

Sinaiskii V. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law], Kyiv, Tip. R. K. Lubkovskogo, 1914, iss. 1, 331 p.

Tkacheva N. N. *Neizbezhnaya transformatsiya printsipa pis'mennosti v iskovom proizvodstve – effektivnaya al'ternativa i garantiya sudebnoi zashchity* [The Inevitable Transformation of the Principle of Writing in the Claim Proceedings is an Effective Alternative and Guarantee of Judicial Protection], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2022, no. 6, pp. 47–50.

Vas'kovskii E. V. *Kurs grazhdanskogo protsessa: Sub"ekty i ob"ekty protsessa, protsessual'nye otnosheniya i deistviya* [The Course of Civil Procedure: Subjects and Objects of the Procedure, Procedural Relations and Actions], Moscow, Statut, 2016, 624 p.

Volodarskii D. B., Kashkarova I. N. K voprosu o retseptsii doktriny estoppelya: protsessual'nyi aspekt [On the Issue of Reception of the Estoppel Doctrine: Procedural Aspect], *Zakon*, 2021, no. 7, pp. 106–116.

Volodarskii D. B., Kashkarova I. N. Protsessual'nyi estoppel' v praktike rossiiskikh sudov (empiricheskii analiz) [Procedural Estoppel in the Practice of Russian Courts (Empirical Analysis)], *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2019, no. 5, pp. 61–110.

Yarkov V. V. (ed.) *Grazhdanskii protsess* [Civil Procedure], Moscow, Statut, 2022, 734 p.

Yarkov V. V. *Yuridicheskie fakty v tsivilisticheskoi protsesse* [Legal Facts in the Civil Procedure], Moscow, Infotropik Media, 2012, 608 p.

Yudel'son K. S. (ed.) *Sovetskii grazhdanskii protsess* [Soviet Civil Procedure], Moscow, Gosyurizdat, 1956, 439 p.

Zeider N. B. *Grazhdanskii protsessual'nye pravootnosheniya* [Civil Procedural Legal Relations], Saratov, Izd-vo Saratov. un-ta, 1965, 74 p.

Daniil Dvurechinsky – postgraduate student, teaching assistant of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: dvurechinsky@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-6028-9411

Дата поступления в редакцию / Received: 01.03.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023

А. С. Домченко
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕЖИМ КАК ПРИЗНАК НОРМАТИВНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО АКТА

В статье ставится проблема недостаточности использования такого юридическо-го средства, как правоотношение, представленного в структуре механизма административно-правового регулирования, для учета уникальности и многообразия различных видов деятельности и взаимодействия. В связи с этим предлагается рассматривать конструкцию административного режима в качестве альтернативы механизму административно-правового регулирования, поскольку режимная регуляция осуществляется в тех случаях, когда отсутствует либо крайне ослабляется связь субъектов, построенная на основе взаимных прав и обязанностей, что не позволяет (или значительно затрудняет возможность) рассматривать данных субъектов в статусе участников тех или иных правоотношений, тогда как их деятельность (взаимодействие) тем не менее осуществляется.

Автор определяет место нормативного административного акта в механизме административно-правового регулирования, его признаки и характер регламентирующего воздействия, а также выявляет особенности режимного регулирования в сфере публичного управления. Сделан вывод о том, что необходимо рассматривать административный режим как ключевой признак нормативного правового акта, позволяющий отграничить его от всех иных управленческих решений, определить его отраслевую принадлежность, значение, интервал регулирующего воздействия, влияние на деятельность и другие правовые акты.

Ключевые слова: признаки нормативного административного акта, механизм административно-правового регулирования, административный режим, нормативность, режимное воздействие, специальные административные режимы

Для цитирования

Домченко А. С. Административный режим как признак нормативного административного акта // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 83–90. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_83.

УДК 342.924

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_83

Для юридической науки и практики является в большей мере правилом, нежели исключением, отсутствие разделяемых большинством определений базовых категорий (а также единых и общих в системе актуального правопорядка понятий). Сказанное, к примеру, касается категории нормативного правового акта, частным случаем которого выступает нормативный административный акт.

Тем не менее правовая доктрина и прикладная юриспруденция выявляют (форму-

лируют) совокупности относительно устойчивых признаков того или иного предмета (явления) в целях его идентификации, отграничения от иных предметов (явлений), их соотнесения (сравнения). Так, выделяются следующие признаки нормативного административного акта: 1) подзаконный и исполнительно-распорядительный характер; 2) принадлежность к сфере публичного управления; 3) издание в установленном порядке управомоченным органом (организацией, должностным лицом) публичной адми-

нистрации; 4) наличие в нем правовых норм, т. е. правил поведения, которые обязательны для неопределенного круга лиц или условно устойчивого круга субъектов с относительно переменным составом, рассчитаны на неоднократное применение, направлены на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений [Хахалева 2010: 428–429; Домченко 2017: 53–54; Уманская, Малеванова 2020: 47–51, 63–66; Кононов 2021: 139]. Это дает основание выделить в качестве самостоятельных признаков такого правового акта обязательный неперсонифицированный и неоднократный характер его действия, а также его направленность на изменение динамики общественных отношений.

Система названных существенных признаков обуславливает необходимость выделения и дополнительного, а именно представленности нормативного административного акта в механизме административно-правового регулирования. Действительно, в основе формулирования каждого из перечисленных признаков лежит принятое за аксиому положение о том, что правовое регулирование (в том числе в сфере публичного управления) целенаправленно воздействует на общественные отношения, трансформируя их в правоотношения того или иного отраслевого (межотраслевого) вида. Во-первых, принимается нормативный правовой акт, содержащий нормы права, в гипотезах которых есть указание на условия их действия (юридические факты). Во-вторых, возникают конкретные жизненные обстоятельства (ситуации), соответствующие описанным в нормах, что переводит участвующих в них субъектов в статус участников правоотношений, руководствующихся заключенными в диспозиции правовой нормы правилами с оглядкой на возможные виды юридической ответственности (иные виды правового принуждения), которые закреплены в санкции нормы. В-третьих, участники правоотношений реализуют принадлежащие им права, обязанности, полномочия, несут предусмотренную нормой ответственность и т. д.

Однако данная описательная конструкция не учитывает уникальности и многообразия различных видов деятельности и взаимодействия, которые подвержены правовому регулированию, но не основаны на корреспонден-

ции прав и обязанностей, т. е. исключают возможность рассмотрения их в качестве правоотношений.

Реальная практика демонстрирует множество ситуаций, в рамках которых субъекты действуют относительно автономно в силу возложенных на них обязанностей, ограничений, запретов, следуя тем или иным условиям, как это зачастую происходит при реализации полномочий властными субъектами, адресатами обязательных требований, взаимодействуют на основе встречных обязанностей, в том числе в случаях профессиональной кооперации (нормотворческая деятельность; юрисдикционный процесс – за пределами предоставленных юридических гарантий, обуславливающих конструирование юридических норм по правопредоставительному и противостоящему ему правообязывающему типам; межведомственное информационное взаимодействие и т. п.).

Иными словами, конструкция правоотношения не является единственно возможной для актуального правопорядка (что в первую очередь касается его особой публично-властной составляющей – административного правопорядка), в том числе для характеристики нормативного правового акта, задающего основу не только тем или иным правоотношениям, но и правовым режимам, возникающим тогда, когда отсутствует либо крайне ослабляется связь субъектов, построенная на основе взаимных прав и обязанностей, но их деятельность (взаимодействие) осуществляется.

Представляется верным, что именно данное обстоятельство учитывал Пленум Верховного Суда РФ, относя к признакам нормативного акта возможность установления им правового режима конкретного объекта публичного права, поскольку такой режим свидетельствует об обязательности этого акта для неопределенного круга лиц (абз. 3 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»). В юридической науке также высказываются поддерживаемые нами суждения о возможной правовой регуляции посредством административно-правовых режимов [Долгополов 2006: 46].

Однако такая регуляция не является однородной, поскольку подразумевает различие административных режимов ординарного и экстраординарного характера [Зырянов 2016]. И если экстраординарные (нестационарные) режимы непостоянны, их воздействие волнообразно и может быть описано в терминах стохастических изменений, то ординарным (стационарным) режимам присуще равномерное интенсивное воздействие, обуславливающее их регулярность и масштаб. Иными словами, ординарные режимы являются более устойчивыми, поскольку длительность их действия заранее и точно не определена (они внетемпоральны), а охват режимного воздействия не избирателен (ни по ситуациям, ни по обстоятельствам, ни по объектам) и приближается к абсолютному. Это позволяет сделать вывод о безусловной силе данных режимов, проявляющейся в *стабильности позитивного обывания*, а также в их самодостаточном характере в отличие от экстраординарных режимов.

Действительно, чрезвычайные, нестационарные, ситуационные административные режимы могут быть рассмотрены лишь в качестве реакционных, исключительных сочетаний юридических средств, заимствованных из наличного инструментария административных режимов ординарного типа (все режимы так или иначе подразумевают реализацию правоограничений, а их различие заключается в *интенсивности воздействия* одними и теми же средствами на разные типы ситуаций, обстоятельств и объектов).

Следовательно, обуславливающие возникновение экстраординарных режимов факторы в действительности не приводят к возникновению каких-либо особых средств и не свидетельствуют о появлении «мобилизационного» (чрезвычайного) метода в деятельности органов публичного управления. Напротив, налицо лишь изменение подхода к реализации их общественно значимых функций и полномочий, в рамках которых имеющиеся средства используются уже в роли компенсаторов для достижения амортизационного (погашающего) эффекта в условиях изменения интенсивности негативного воздействия на публичный правопорядок [Соболев, Домченко 2022]. Сказанное позволяет сделать следующий вывод: поскольку экстраординарные режимы противоречат природе социальной стабильности,

которую тем не менее должно обеспечивать государство, располагающее ограниченным набором юридических средств, постольку данные режимы являют собой компенсацию дестабилизирующего (деструктивного) влияния любых факторов, которые вторгаются в поле ординарных административных режимов.

Иначе говоря, не существует ни одного экстраординарного режима, который бы не являлся следствием ситуационного ответа ординарного режима, единственно способного поддерживать регулярность и стабильность, соотносимые со свойством юридической нормативности.

Более того, нережимное регулирование в публичном правопорядке в значительной мере уступает режимному. Это позволило А. А. Долгополову и А. Н. Жеребцову сделать следующий вывод: «Управление, в том числе в различных областях социальной жизни, может состояться лишь в том случае, если правовое регулирование управленческой деятельности государственных органов

Не существует ни одного экстраординарного режима, который бы не являлся следствием ситуационного ответа ординарного режима, единственно способного поддерживать регулярность и стабильность, соотносимые со свойством юридической нормативности

осуществляется посредством административно-правовых режимов» [Долгополов, Жеребцов 2016: 306]. С одной стороны, верно, что публичное управление может осуществляться посредством административного режимоустройства, однако в адекватно организованной режимной среде потребность в управленческом воздействии, как правило, отпадает, уступая место практикам «алгоритмизированного» (по условиям самого режима) руководства. С другой стороны, управление как преобразующая деятельность по отношению к иным видам деятельности намного шире осуществления режимоустроительных мероприятий, а стало быть, не может быть сведено к последним.

Несмотря на сказанное, преобладание режимного регулирования, безусловно, характеризует публичный правопорядок, в том

числе поскольку органами государственной администрации методы административно-правового воздействия реализуются в ходе осуществления исполнительно-распорядительной деятельности или взаимодействия с иными субъектами, которые также, используя доступные правовые формы и методы, выступают участниками деятельности специальных видов (образовательной, медицинской, промышленной, правоохранительной, военной, инновационной и др.), но в большинстве случаев не могут быть рассмотрены как субъекты административных правоотношений, в частности ввиду отсутствия необходимой для конструирования подобных отношений связи взаимных (встречных) прав и обязанностей.

В то же время воздействие на указанные отрасли деятельности специальных (наделенных публичной властью) субъектов на основании специальных (административно-правовых) норм посредством специальных методов (регулирования, общего руководства, лицензионно-разрешительного, регистрационно-учетного, контрольно-надзорного, содействия (опеки), принуждения) образует в совокупности основу для административно-правовых режимов [Соболев 2017: 59].

При этом А. Ф. Ноздрачев обоснованно пишет, что «все нормативные правовые акты, образующие конструкцию административного режима, должны быть между собой согласованы, органически связаны и объединены в единую систему, образуемую различными видами нормативных правовых актов» [Ноздрачев 2017: 109]. Однако в данном контексте автором без онтологической характеристики рассмотрен лишь режимформирующий (режимоустроительный) аспект административного акта, тогда как без должного внимания остаются режимонесущие (режимовоспроизводящие) акты, рассматриваемые нами в качестве актов применения режимных требований к конкретным ситуациям и обстоятельствам, т. е. актов ненормативных. Последние обладают реакционным, организационным характером и производны от режимформирующих актов; направлены на придание индивидуально-статусным элементам специальной правосубъектности граждан и их организованных коллективов динамических свойств (стимулирование деятельности в режимном поле, преобразование ее

в процесс); не способствуют возникновению, изменению или прекращению правоотношений, а лишь отягощают попадающие в рамки режима деятельность и взаимодействие процедурно-процессуальными компонентами.

Приведенные особенности режимных актов (в отличие от актов, порождающих режимы) не только способствуют демаркации нормативного и ненормативного правового регулирования и соответствующих данным типам правового воздействия административных актов, но и позволяют разрешить фундаментальную проблему современной административистики, заключающуюся в отграничении административных действий от административных актов. Дело в том, что в условиях административных режимов исключается как саморегулирование [Осинцев 2022: 46], так и система волевых действий субъектов, поскольку режимность обуславливает устойчивую исполнительскую механику, сопровождаемую осуществлением режимонесущих актов, вне зависимости от наличия / отсутствия документированной формы и разновидности (информация, доклад, поручение, высказывание, операция (поведение), мероприятие и т. д.).

Значит, может быть критически оценена правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ, отнесшего «к действиям наделенных публичными полномочиями органов и лиц... их волеизъявление, которое не облечено в форму решения»¹, поскольку основания для свободного волеизъявления в условиях режимной регуляции, предусматривающей требование, отсутствуют (режимность детерминирует автоматику исполнения, подерживаемую соответствующими актами, а сам факт волеизъявления властного субъекта порождает отклонения от режимных требований, которые и должны являться предметом судебной оценки).

Таким образом, лежащая в основе режима регулярность соответствует нормативности актов, ситуативность приложения режимных требований соотносится с актами правоприменения, а физические действия и организационные мероприятия, выходя за пределы

¹ Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

правового воздействия, поглощаются режимом, что делает их совершенно индифферентными в юридическом измерении.

Поскольку административный режим, с одной стороны, рассматривается в качестве индикатора нормативности акта, установившего данный режим, и с другой стороны, позволяет отграничить нормативный административный акт от ненормативного, представляется верным обратиться к конкретным правовым актам, как порождающим административные режимы, так и обеспечивающим их действенность.

Например, режимы общей или частичной мобилизации задаются актами Президента РФ, о чем свидетельствуют положения ст. 4 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», а также внесенные в данный Закон изменения, обусловленные режимными требованиями. Более того, введение режима частичной мобилизации Указом Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 повлекло внесение множества изменений в ТК РФ¹, КоАП РФ², иные федеральные законы³, а также принятие новых федеральных законодательных⁴ и подзаконных⁵ актов. При этом режимная обусловленность подобных результатов правотворческих решений исключает их из числа нормативных, поскольку такие акты, независимо от занимаемого ими места

в формальной иерархии источников права, наименования, прохождения всех юридически значимых процедур, несут некоторые элементы режимного воздействия, за пределами которого они уже не могут быть реализованы, так как потребность в них просто отпадет.

Аналогичной позиции придерживался, например, Высший Арбитражный Суд РФ, рассматривая акт применения к тем или иным объектам публичного права специального режима, предусмотренного законом или иным нормативным правовым актом, как ненормативный⁶. Руководствуясь указанной позицией, суды оценивали постановления об утверждении схем размещения нестационарных торговых объектов⁷, а также проектов планировки территории⁸, резервировании земель⁹ в качестве режимонесущих, т. е. ненормативных. Однако в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 подобный подход проигнорирован, в связи с чем режимоформирующие и режимонесущие акты в равной степени рассматриваются как нормативные. Это порождает порочную правоприменительную практику и требует критического переосмысления.

Наконец, стоит отметить, что административный режим способен не только порождать соответствующие режимные требования, облачаемые в правовые акты, но и «поглощать» требования иных правовых актов (как нормативных, так и правоприменительных), интенсифицировать, замедлить, парализовать их воздействие, что наблюдается в условиях режимов, ставших ответом на пандемию коронавируса COVID-19, а также режимов, имеющих милитаризованную окраску. При названных обстоятельствах зарождаются гибридные формы нормативных и правоприменительных актов,

¹ Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации».

² Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 364-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

³ Федеральные законы от 7 октября 2022 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁴ См., например: Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 377-ФЗ «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁵ См., например: Указ Президента РФ от 2 ноября 2022 г. № 787 «О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации».

⁶ Абзац 2 п. 1.1 постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 58 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании нормативных правовых актов» (не подлежит применению с 25 декабря 2018 г.).

⁷ Определения Верховного Суда РФ от 4 июня 2015 г. по делу № 310-ЭС14-7667, от 4 июня 2015 г. № 310-кг15-1493.

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 1 декабря 2016 г. № 305-КГ16-15954.

⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29 декабря 2015 г. № Ф04-28086/2015 по делу № А46-4505/2015.

«достраивающих» административные режимы соответственно изменяющимся условиям, что обуславливает необходимость оценивать одни и те же акты и как режимопорождающие, и как режимонесущие. Однако речь в таком случае идет исключительно о чрезвычайных режимах и не касается преобладающей части ординарных административных режимов.

Резюмируя сказанное, считаем верным рассматривать административный режим как ключевой признак нормативного административного акта, позволяющий отграничить его от всех иных управленческих решений, а также определить его отраслевую принадлежность, значение, интервал регулирующего воздействия, влияние на деятельность и другие правовые акты. Сам же факт существова-

ния административных режимов (что следует из различных доктринальных подходов) предполагает некий стационарный режим (режим нормативного акта), который не исчерпывается изданием того или иного акта, его регистрацией в Министерстве юстиции РФ, а, напротив, инициирует динамику в сфере исполнительно-распорядительной деятельности государства.

Таким образом, полученные в ходе исследования режимности административного акта результаты открывают до настоящего времени не изученные аспекты феномена и обозначающей его конструкции административного режима, предоставляя возможности для проблематизации и пересмотра ряда теоретических позиций, подходов, концептуальных положений в науке административного права.

Список литературы

Долгополов А. А. Понятие и виды нормативных правовых актов, образующих административно-правовые режимы // Российский следователь. 2006. № 9. С. 43–48.

Долгополов А. А., Жеребцов А. Н. Административно-правовой режим как критерий структурирования отрасли российского административного права // Общество и право. 2016. № 2. С. 303–307.

Домченко А. С. Виды нормативных и иных неиндивидуализированных правовых актов публичного управления федерального уровня // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 6. С. 52–59.

Зырянов С. М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 72–81.

Кононов П. И. Очерки общей теории современного административного права. М.: Юнити-Дана, 2021. 239 с.

Ноздрачев А. Ф. Современное содержание понятия «административно-правовой режим» // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 98–110.

Осинцев Д. В. Система административного права (методология, наука, регламентация): моногр. М.: Инфра-М, 2022. 228 с.

Соболев О. В. Индивидуальный административно-правовой режим // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 2. С. 55–63.

Соболев О. В., Домченко А. С. Реализация адаптационной модели публичной власти на примере органов местного самоуправления в условиях санкционного давления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 4. С. 3–6.

Уманская В. П., Малеванова Ю. В. Государственное управление и государственная служба в современной России: моногр. М.: Норма, 2020. 176 с.

Хахалева Е. В. Некоторые вопросы определения нормативности правового акта управления // Наука и современность. 2010. № 6-2. С. 428–435.

Артем Сергеевич Домченко – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: artem.domchenko@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-1796-9646

Administrative Regime as a Sign of a Regulatory Administrative Act

The article raises the problem of the insufficiency of using such a legal means as a legal relationship, represented in the structure of the mechanism of administrative and legal regulation, to take into account the uniqueness and diversity of various types of activities and interactions. In this regard, it is proposed to consider the construction of an administrative regime as an alternative to the mechanism of administrative and legal regulation, since regime regulation is carried out in cases when there is no (or it is extremely weakened) connection of subjects built on the basis of mutual rights and obligations, which does not allow (or extremely complicates the possibility) considering these subjects as participants in certain legal relations, whereas their activities (interactions) are nevertheless being implemented.

The author defines the place of a regulatory administrative act in the mechanism of administrative and legal regulation, its features and the nature of the regulatory impact, and identifies the features of regime regulation in the field of public administration. A conclusion is drawn that it is necessary to consider the administrative regime as a key feature of a regulatory legal act, allowing to distinguish it from all other management decisions, determine its industry affiliation, value, interval of regulatory impact, influence on activities and other legal acts.

Keywords: signs of a normative administrative act, mechanism of administrative and legal regulation, administrative regime, normativity, regime impact, special administrative regimes

Recommended citation

Domchenko A. S. Administrativnyi rezhim kak priznak normativnogo administrativnogo akta [Administrative Regime as a Sign of a Regulatory Administrative Act], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 83–90, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_83.

References

Dolgoplov A. A. Ponyatie i vidy normativnykh pravovykh aktov, obrazuyushchikh administrativno-pravovye rezhimy [The Concept and Types of Regulatory Legal Acts that form Administrative-Legal Regimes], *Rossiiskii sledovatel'*, 2006, no. 9, pp. 43–48.

Dolgoplov A. A., Zherebtsov A. N. Administrativno-pravovoi rezhim kak kriterii strukturirovaniya otrasli rossiiskogo administrativnogo prava [Administrative Legal Regime as a Criterion for Structuring the Branch of Russian Administrative Law], *Obshchestvo i pravo*, 2016, no. 2, pp. 303–307.

Domchenko A. S. Vidy normativnykh i inykh neindividualizirovannykh pravovykh aktov publichnogo upravleniya federal'nogo urovnya [Types of Normative and Other Non-Individualized Legal Acts of Public Administration at the Federal Level], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2017, no. 6, pp. 52–59.

Khakhaleva E. V. Nekotorye voprosy opredeleniya normativnosti pravovogo akta upravleniya [Some Issues of Determining the Normativity of a Legal Act of Management], *Nauka i sovremennost'*, 2010, no. 6-2, pp. 428–435.

Kononov P. I. *Ocherki obshchei teorii sovremennogo administrativnogo prava* [Essays on the General Theory of Modern Administrative Law], Moscow, Yuniti-Dana, 2021, 239 p.

Nozdrachev A. F. Sovremennoe sodержanie ponyatiya «administrativno-pravovoi rezhim» [The Modern Content of the Concept of «Administrative-Legal Regime»], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2017, no. 2, pp. 98–110.

Osintsev D. V. *Sistema administrativnogo prava (metodologiya, nauka, reglamentatsiya)* [System of Administrative Law (Methodology, Science, Regulation)], Moscow, Infra-M, 2022, 228 p.

Sobolev O. V. Individual'nyi administrativno-pravovoi rezhim [The Individual Administrative-Legal Regime], *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, 2017, no. 2, pp. 55–63.

Sobolev O. V., Domchenko A. S. Realizatsiya adaptatsionnoi modeli publichnoi vlasti na primere organov mestnogo samoupravleniya v usloviyakh sanktsionnogo davleniya [Implementation

of the Adaptive Model of Public Authority on the Example of Local Governments under Sanctions Pressure], *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy*, 2022, no. 4, pp. 3–6.

Umanskaya V. P., Malevanova Yu. V. *Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaya sluzhba v sovremennoi Rossii* [Public Administration and Public Service in Modern Russia], Moscow, Norma, 2020, 176 p.

Zyryanov S. M. Ekstraordinarnye (spetsial'nye) administrativno-pravovye rezhimy: ponyatie i obosnovanie neobkhodimosti vvedeniya [Extraordinary (Special) Administrative and Legal Regimes: the Concept and Rationale for the Need to Introduce], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2016, no. 4, pp. 72–81.

Artem Domchenko – candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Department of social and humanitarian disciplines, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: artem.domchenko@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-1796-9646

Дата поступления в редакцию / Received: 10.12.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023

Е. В. Никитина, В. С. Раменская
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ ОТ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ С ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИЕЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена анализу постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, предусмотревших возможность получения судом апелляционной инстанции пояснений от присяжных заседателей в связи с оказанным на них незаконным воздействием. Обращается внимание на то, что занимаемая Конституционным Судом РФ правовая позиция порождает ряд процессуальных проблем. Конституционный Суд РФ не разъясняет, каким процессуальным статусом будет обладать присяжный заседатель, а указывает лишь на невозможность придания ему статуса свидетеля; говоря о пояснениях присяжного заседателя, предлагает предупредить его об ответственности за дачу ложных показаний. Пояснениям присяжных заседателей Конституционный Суд РФ придает значение доказательств, что противоречит основным положениям доказательственного права.

Авторы делают вывод о том, что перед законодателем стоит сложнейшая задача – урегулировать процессуальные вопросы получения информации от присяжных, – поскольку ответов на эти вопросы Конституционный Суд РФ не дает. В статье отражена позиция Верховного Суда РФ, представлены мнения отдельных ученых. В заключение предлагается один из возможных вариантов решения проблемы: в случае незаконного воздействия на присяжных заседателей в процессе отправления ими правосудия руководствоваться положениями ст. 8.1 УПК РФ, предусмотревшей определенный алгоритм действий в ответ на внепроцессуальные обращения к судьям.

Ключевые слова: решения Конституционного Суда РФ, уголовно-процессуальный закон, пояснения присяжных заседателей, незаконное воздействие на присяжных, процессуальный статус

Для цитирования

Никитина Е. В., Раменская В. С. Получение информации от присяжных заседателей: вопросы процессуального характера, возникающие в связи с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 91–96. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_91.

УДК 343.1

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_91

Правовая позиция, занимаемая Конституционным Судом Российской Федерации по тем или иным вопросам, постоянно находится в поле зрения ученых [Колабухов 2012; Мучкаева 2018], в том числе и процессуалистов, в сферу интересов которых входит производство в суде с участием присяжных заседателей [Дудко 2017; Хырхырьян 2021].

А. Ф. Кони отмечал, что «суд присяжных, как и всякий суд, отражает на себе недостатки общества, среди которого он действует и из недр которого он выходит» [Кони 1991: 90]. Поэтому неслучаен выбор решений Конституционного Суда Российской Федерации, которые будут рассмотрены далее. Речь идет о постановлениях Конституционного Суда РФ, предусмотревших возможность получение

ния от присяжных заседателей информации о незаконном воздействии, оказываемом на них в процессе рассмотрения и разрешения уголовных дел.

Так, в Постановлении от 7 июля 2020 г. № 33 по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. А. Алиева Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что присяжные заседатели могут быть приглашены в суд апелляционной инстанции для дачи пояснений относительно предполагаемых нарушений

Получается, что в уголовном процессе должен появиться новый участник, у которого есть лишь право, но нет обязанности давать пояснения

закона при обсуждении и вынесении вердикта «без придания им при этом процессуального статуса свидетеля». Конституционный Суд РФ, ссылаясь на Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в ред. от 30 декабря 2020 г.) «О статусе судей в Российской Федерации», говорит лишь о праве присяжных заседателей давать пояснения суду. Кроме того, пояснения эти не должны разглашать сведения о суждениях, высказывавшихся во время совещания и голосования присяжных.

Последнее положение сомнений не вызывает, поскольку присяжный заседатель (как и судья) не может быть допрошен об обстоятельствах уголовного дела, ставших ему известными в связи с участием в этом деле (п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). Проблема видится в том, что Конституционный Суд РФ предлагает получать информацию от присяжных заседателей без придания им процессуального статуса свидетелей.

Суд аргументирует свою позицию тем, что процессуальный статус свидетеля по уголовному делу несовместим «со статусом лица, осуществляющего правосудие» по данному делу. Но тогда возникает вопрос о том, каким процессуальным статусом будет обладать присяжный заседатель, приглашенный в судебное заседание. Ответа на этот вопрос Конституционный Суд РФ не дает, а только

указывает, что «федеральный законодатель не лишен возможности урегулировать процессуальные особенности такого участия присяжных».

Таким образом, Конституционный Суд РФ ставит законодателя перед необходимостью каким-то образом урегулировать процессуальные аспекты такого участия присяжных заседателей, но не дает разъяснений, как это можно сделать. Кроме того, сама формулировка предполагает лишь *возможность* процессуального урегулирования участия присяжных. Получается, что законодатель может и проигнорировать установление процессуального порядка участия (опроса) присяжных заседателей в заседании суда апелляционной инстанции и их процессуального положения в этом случае, оставляя пробел в законе. Более того, в свою формулировку Конституционный Суд РФ заложил мысль о том, что присяжный заседатель, давая подобные пояснения, должен нести «ответственность за дачу ложных показаний».

Итак, присяжный заседатель не может быть свидетелем, он лишь вправе, но не обязан давать пояснения суду апелляционной инстанции и к тому же предупреждается об ответственности за дачу ложных показаний. Как в данном случае определить процессуальный статус такого лица? В рамках действующего уголовно-процессуального закона это невозможно. Получается, что в уголовном процессе должен появиться *новый* участник, у которого есть лишь право, но нет обязанности давать пояснения. При этом он несет ответственность за дачу ложных показаний.

Возникает еще ряд закономерных вопросов. Конституционный Суд РФ говорит о *пояснениях* присяжных заседателей. Но как лицо, дающее пояснения, может предупреждаться об ответственности за дачу ложных *показаний*? Исходя из норм уголовно-процессуального закона показания любого участника уголовного судопроизводства – это сведения, сообщенные им на допросе (ст. 76, 77, 78, 79, 80 УПК РФ). А Конституционный Суд РФ исключает возможность вызова присяжного заседателя на допрос.

Кроме того, о какой ответственности идет речь? Если об уголовной ответственности, то уголовный закон также говорит о *показаниях*, причем о показаниях конкретных участников уголовного судопроизводства:

свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста (ст. 307 УК РФ). Поскольку присяжному заседателю не придается статус свидетеля, то уж тем более он не является ни потерпевшим, ни экспертом, ни специалистом. Какая в этом случае ответственность имеется в виду?

Новые вопросы возникают в связи с другим Постановлением Конституционного Суда РФ от 27 сентября 2022 г. № 35-П по делу о проверке конституционности частей первой, второй, пункта 1 части третьей статьи 56 и статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина В. И. Борисова. В этом Постановлении Суд вновь подтвердил свою позицию, высказанную ранее, и признал правомочность суда апелляционной инстанции пригласить присяжных заседателей в судебное заседание для дачи пояснений по поводу обстоятельств предполагаемых нарушений закона при обсуждении и вынесении вердикта. Причем из контекста Постановления усматривается, что подобного рода пояснения присяжных заседателей Конституционный Суд РФ считает *доказательством* по уголовному делу.

Такая позиция Конституционного Суда РФ противоречит основным положениям доказательственного права. Перечень уголовно-процессуальных доказательств является закрытым. В качестве доказательств по уголовному делу допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). К какому же из этих видов доказательств следует отнести «пояснения присяжного заседателя»? К показаниям свидетеля? Но Конституционный Суд РФ сам отрицает возможность вызова присяжного на допрос в качестве свидетеля, усматривая в этом нарушение независимости присяжных. Что в таком случае будет доказательством в уголовном деле? Ответа на эти вопросы Конституционный Суд РФ не дает.

Позиция, занимаемая Конституционным Судом РФ, вызвала неоднозначную реакцию в научных кругах.

Представители адвокатского сообщества в целом положительно отнеслись к появле-

нию таких решений Конституционного Суда РФ. В частности, С. А. Насонов считает, что возможность подтвердить или опровергнуть факт незаконного воздействия на присяжных посредством получения их объяснений в суде апелляционной инстанции – это процессуальный способ проверки указанных обстоятельств, являющийся наиболее приемлемым. Автор отмечает, что начало такому подходу положили решения ЕСПЧ (постановления от 14 ноября 2017 г. по делу «Тимофеев против России» и от 8 января 2019 г. по делу «Никотин против России»). В указанных решениях Европейский Суд подчеркнул, что надлежащая проверка факта незаконного воздействия на присяжных возможна только путем их соответствующего опроса¹. Не вызывает вопросов позиция Конституционного Суда РФ и у других представителей адвокатского сообщества [Насонов, Стрелкова 2023; Хырхырьян 2021: 38–39].

Н. А. Колоколов полагает, что предлагаемое Конституционным Судом РФ «заслушивание» присяжных заседателей является работоспособным процессуальным механизмом, позволяющим устранить многие неясности [Колоколов 2023: 42].

С. А. Пашин выделяет достоинства и недостатки занимаемой Конституционным Судом РФ позиции. К достоинствам он относит четкое разграничение Судом, с одной стороны, сведений, которые касаются суждений присяжных заседателей в ходе их совещания и голосования при вынесении вердикта, а с другой – информации, которая ставит под сомнение «правосудность судебного решения». Недостатком же ученый считает то, что присяжные, приглашенные судом апелляционной инстанции, не обладают процессуальным статусом свидетеля и наделяются лишь правом дать пояснения суду. Это означает, что присяжный заседатель не несет ответственности «за ложь перед судом»².

¹ Насонов С. Опрос адвокатом присяжного заседателя допустим. 2020 // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/opros-advokatom-prisyazhnogo-zasedatelya-dopustim/> (дата обращения: 21.01.2023).

² КС указал, в каких случаях апелляционный суд может опросить присяжных, вынесших вердикт. 2020 // URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ukazal-v-kakikh-sluchayah-apellyatsionnyy-sud-mozhet-oprosit-prisyazhnykh-vynesshikh-verdikt/> (дата обращения: 12.04.2023).

В. В. Кальницкий высказывается еще более жестко. Он выражает сожаление, что представленная Конституционным Судом РФ правовая позиция стала возможной. По его мнению, таким образом нарушается привилегия судьи против свидетельствования [Кальницкий 2020: 34]. Анализируя решение Конституционного Суда РФ, автор останавливается, в том числе, на возникающих процессуальных проблемах получения информации от присяжных. В частности, он акцентирует внимание на том, что форма изложения присяжными информации (пояснения, а не показания) несоразмерна той ответственности, которая предусмотрена за предоставление ими ложных сведений. Автор считает, что Конституционный Суд РФ необоснованно приравнивает пояснения присяжных заседателей к доказательствам, и приходит к выводу о том, что получение сведений от присяжных заседателей без придания им процессуального статуса свидетеля нарушает установленные правила исследования судом доказательств [Там же: 38].

Нельзя обойти вниманием и позицию Верховного Суда РФ. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» был внесен ряд изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей». В частности, введен п. 42.2, закрепивший право судов как апелляционной, так и кассационной инстанции производить опрос присяжных заседателей с целью установления обстоятельств возможного незаконного воздействия на них. Очевидно, что, давая подобное разъяснение, Верховный Суд РФ при-

держивался позиции, высказанной Конституционным Судом РФ. Но это не дает ответов на серьезнейшие вопросы процессуального характера.

Думается, задача, поставленная Конституционным Судом РФ перед законодателем, архисложная. Слишком много в анализируемых решениях Конституционного Суда РФ нестыковок с действующим уголовно-процессуальным законом. Вызывает сожаление то, что столь важные решения приняты Конституционным Судом РФ в отрыве от основных положений действующего закона.

Можно ли вообще законодательным путем урегулировать сложившуюся ситуацию? Не претендуя на непогрешимость, считаем возможным предложить следующий вариант. Может быть, стоит не доводить рассмотрение вопроса о незаконном воздействии на присяжных до вышестоящих судебных инстанций, а распространить действие ст. 8.1 УПК РФ «Независимость судей» на присяжных заседателей, ведь «присяжные заседатели на все время процесса становятся судьями» [Бараева, Осокина 2007: 503]. С этой целью можно было бы предусмотреть в законе, что в случае оказания давления на присяжных заседателей в процессе осуществления ими своих обязанностей по отправлению правосудия они обязаны извещать об этом председательствующего судью, который размещает информацию о незаконном воздействии на присяжных заседателей на официальном сайте суда. В таком случае не будет нарушен установленный ч. 3 ст. 56 УПК РФ запрет на допрос присяжного заседателя в качестве свидетеля, будет устранено противоречие, связанное с получением доказательств (пояснения присяжных не являются показаниями), не придется ситуационно вводить нового участника уголовного судопроизводства. Проблему можно будет решить в рамках действующего уголовно-процессуального закона.

Список литературы

Бараева О. В., Осокина Г. А. Некоторые вопросы, возникающие при рассмотрении дел с участием присяжных заседателей // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (16–17 ноября 2006 г.). М.: МГЮА, 2007. С. 495–503.

Дудко Н. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации о суде присяжных // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3. С. 42–45. DOI: 10.14258/izvasu(2017)3-06.

Кальницкий В. В. Привлечение присяжного заседателя к участию в апелляционном производстве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 34–38.

Колабухов Н. А. Правовая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2012. № 4. С. 17–21.

Колоколов Н. А. Присяжный просит слова. Позиции Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ об опросе присяжных // Уголовный процесс. 2023. № 1. С. 38–43.

Кони А. Ф. Присяжные заседатели // Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. Л.: Лениздат, 1991. С. 28–91.

Мучкаева Е. В. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации: место в национальной правовой системе // Новый юридический вестник. 2018. № 4. С. 7–10.

Насонов С. А., Стрелкова Ю. В. Новые возможности защиты в процессе с участием присяжных заседателей // Уголовный процесс. 2023. № 1. С. 24–31.

Хырхырьян М. А. Суд присяжных в решениях Конституционного Суда РФ: вопросы и ответы // Уголовный процесс. 2021. № 4. С. 32–39.

Елена Викторовна Никитина – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: nick2210@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-5992-3887

Виктория Святославовна Раменская – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: viva-ra@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-0428-7283

Getting Information from Jurors: Procedural Issues Arising in Connection with the Legal Position of the Constitutional Court of the Russian Federation

The paper analyzes the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which provided for the possibility for the court of appeal to receive explanations from jurors in connection with the illegal influence exerted on them. Attention is drawn to the fact that the legal position taken by the Constitutional Court of the Russian Federation leads to certain procedural problems. The Court does not explain what procedural status a juror will have, pointing only to the impossibility of giving him the status of a witness; speaking about the explanations of the juror, the Court suggests warning him about the responsibility for giving false testimony. The Court considers the explanations of jurors as the evidence, but it contradicts the basic provisions of evidentiary law.

The authors conclude that the legislator faces the most difficult task to resolve procedural issues of obtaining information from the jury, because the Constitutional Court of the Russian Federation does not answer these questions. The article also reflects the position of the Supreme Court of the Russian Federation, the opinions of several scientists are presented. One of the possible solutions is to follow the provisions of Article 8.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in case of illegal influence on jurors during the justice process.

Keywords: *decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, criminal procedure law, explanations of jurors, illegal influence on jurors, procedural status*

Recommended citation

Nikitina E. V., Ramenskaya V. S. Poluchenie informatsii ot prisyzhnykh zasedatelei: voprosy protsessual'nogo kharaktera, vznikayushchie v svyazi s pravovoi pozitsiei Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Getting Information from Jurors: Procedural Issues Arising in Connection with the Legal Position of the Constitutional Court of the Russian Federation], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 91–96, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_91.

References

Baraeva O. V., Osokina G. A. *Nekotorye voprosy, vznikayushchie pri rassmotrenii del s uchastiem prisyazhnykh zasedatelei* [Some Questions that Arise when Considering Cases Involving Jurors], *Aktual'nye problemy ugovnogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva, praktiki primeneniya (k 5-letiyu UPK RF)* [Current Issues of Criminal Proceedings: Questions of Theory, Legislation, Practice of Application (to the 5th Anniversary of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)]: conference papers, Moscow, MGYuA, 2007, pp. 495–503.

Dudko N. A. *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii o sude prisyazhnykh* [Legal Position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the Jury], *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 3, pp. 42–45, DOI: 10.14258/izvasu(2017)3-06.

Kal'nitskii V. V. *Privlechenie prisyazhnogo zasedatelya k uchastiyu v apellyatsionnom proizvodstve* [The Involvement of the Juror to Participate in the Appeal Proceedings], *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 4, pp. 34–38.

Khyrkhyr'yan M. A. *Sud prisyazhnykh v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda RF: voprosy i otvety* [Jury Trial in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: Questions and Answers], *Ugolovnyi protsess*, 2021, no. 4, pp. 38–39.

Kolabukhov N. A. *Pravovaya priroda reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [The Legal Nature of the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation], *Rossiiskii sud'ya*, 2012, no. 4, pp. 17–21.

Kolokolov N. A. *Prisyazhnyi prosit slova. Pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF i Plenuma Verkhovnogo Suda RF ob oprose prisyazhnykh* [The Juror Asks for the Floor. Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Jury Questioning], *Ugolovnyi protsess*, 2023, no. 1, pp. 38–43.

Koni A. F. *Prisyazhnye zasedateli* [Jurors], *Sud prisyazhnykh v Rossii: Gromkie ugovnyye protsessy 1864–1917 gg.* [Jury Trial in Russia: High-Profile Criminal Trials of 1864–1917], Leningrad, Lenizdat, 1991, pp. 28–91.

Muchkaeva E. V. *Pravovaya pozitsiya Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii: mesto v natsional'noi pravovoi sisteme* [The Legal Position of the Constitutional Court of the Russian Federation: a Place in the National Legal System], *Novyi yuridicheskii vestnik*, 2018, no. 4, pp. 7–10.

Nasonov S. A., Strelkova Yu. V. *Novye vozmozhnosti zashchity v protsesse s uchastiem prisyazhnykh zasedatelei* [New Possibilities of Protection in The Trial with the Participation of Jurors], *Ugolovnyi protsess*, 2023, no. 1, pp. 24–31.

Elena Nikitina – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of judicial activity and criminal procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: nick2210@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-5992-3887

Victoria Ramenskaya – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of judicial activity and criminal procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: viva-ra@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-0428-7283

Дата поступления в редакцию / Received: 27.04.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023

Н. С. Голосова
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ ДЕТЕЙ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ТРУДОВОМУ ПРАВУ И ПРАВУ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Изучение развития научных представлений, проблем правового регулирования, возникающих на разных этапах развития общества, позволяет переосмыслить опыт предшествующих поколений, избежать ошибок и найти действенные решения с целью совершенствования правового регулирования социальной защиты. А такие категории детей, как дети-инвалиды, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, дети из приемных, многодетных, неполных семей, требуют к себе более пристального внимания при изучении проблем, возникающих в сфере их социальной защиты.

Анализируя основные направления российских научных исследований в этой области, автор выделяет основные этапы формирования научных представлений о социальной защите детей отдельных категорий обозначает основные проблемы. Он приходит к выводу о том, что, несмотря на имеющиеся позитивные изменения в сфере социальной защиты детей и семей с детьми в последние десятилетия, некоторые проблемы не нашли решения. Кроме того, автор считает целесообразным оценивать последствия применения различных мер социальной защиты для детей конкретной категории (результативность этих мер), что дает возможность соотнести потребность в мерах социальной защиты с уже предоставленными (предоставляемыми) мерами и провести их корректировку в случае необходимости.

Ключевые слова: дети-сироты, дети-инвалиды, дети, оставшиеся без попечения родителей, многодетные семьи, неполные семьи, социальные риски, результативность мер социальной защиты

Для цитирования

Голосова Н. С. Развитие научных представлений о социальной защите детей отдельных категорий в исследованиях по трудовому праву и праву социального обеспечения // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 97–110. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_97.

УДК 349.3

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_97

Конституция РФ называет детей важнейшим приоритетом государственной политики России (ч. 4 ст. 67.1). Путем заботы о здоровье и благосостоянии детей обеспечивается прирост здорового населения страны. Поэтому в целях обеспечения и защиты национальных интересов Российской Федерации особое внимание уделяется реализации мер, направленных на поддержку детей, семей с детьми, на воспитание детей, их нравственное и ин-

теллектуальное, духовное и физическое развитие, на повышение рождаемости¹.

Наличие детей в семье всегда являлось одним из критериев дифференциации правового регулирования отношений по социальному обеспечению. С целью усиления социальной защищенности детей отдельных категорий:

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

детей-инвалидов, детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, детей из приемных, многодетных, неполных семей, законами закрепляются дополнительные виды социального обеспечения.

Существующие проблемы в сфере социальной защиты детей и семей с детьми не только находятся в центре внимания государства, но и являются предметом обсуждения представителей различных отраслей науки: социологов, педагогов, психологов, юристов, специализирующихся в сфере трудового права и права социального обеспечения, специалистов по семейному праву.

Несмотря на то что в науке истории государства и права России рассматривали исторические периоды развития института социальной защиты детей и семей, имеющих детей, с дохристианских времен, интерес ученых-юристов к соответствующим проблемам проявляется со второй половины 80-х гг. Как указывает Ю. Б. Корсаненкова, именно с этого момента начинает создаваться уже развитая система социальных пособий на детей, в качестве оснований обеспечения которых выступают такие юридические факты, как наличие в семье детей-инвалидов и инвалидов с детства, многодетность, малообеспеченность семьи с детьми, воспитание ребенка одинокой матерью, уклонение родителя от уплаты алиментов [Корсаненкова 2007: 18].

Отношения по предоставлению социальных выплат семьям с детьми были включены в предмет права социального обеспечения практически с самого начала формирования отрасли. М. Л. Захаров конкретизировал круг таких отношений, указав на те, которые связаны с обеспечением нетрудоспособных, больных и семей, где есть дети, а В. С. Андреев дополнил предмет отрасли отношениями по поводу содержания детей в детских учреждениях [Цит. по: Лушников, Лушникова, Барышникова 2008: 69].

Современные учебники и учебные пособия по дисциплине «Право социального обеспечения» в большинстве своем содержат главы и разделы, посвященные социальному обеспечению детей и семей с детьми (см., например: [Григорьев, Шайхатдинов 2023; Право социального обеспечения 2023а; Право социального обеспечения 2023б; Право социального обеспечения России 2002]). В ряде учреждений высшего и среднего профессио-

нального образования преподают специальные дисциплины: в Уральском государственном юридическом университете им. В. Ф. Яковлева – «Социальное обеспечение детей в Российской Федерации (правовые основы)», в Сибирском федеральном университете – «Управление системой социальной защиты семьи и детства», в Тюменском государственном университете – «Советское детство: история и источники», «Социальная защита отдельных категорий граждан».

Тема социальной защиты и социального обеспечения детей и семей с детьми рассматривается не только в учебной литературе, но и в диссертациях и монографиях, что способствует формированию в отраслевой науке системного взгляда на социальное обеспечение граждан названных категорий.

В юридической науке эта сфера изучалась авторами чаще в контексте избранных ими тем – отдельных проблем общей части отрасли, организационно-правовых форм социального обеспечения.

Так, Е. А. Истомина в работе, посвященной концепции социального риска и его влиянию на правовое регулирование социального обеспечения, обозначила «риски, вытекающие из семейных обязанностей», особенность которых состоит в том, что они требуют не предупреждения формирующих их факторов и социально-рисковых событий, а компенсации негативных последствий [Истомина 2021: 157].

А. И. Колодяжная выявила необходимость в конкретизации таких рисков, как потеря кормильца, материнство, отцовство, детство, и в отнесении к кругу лиц, подлежащих социальному обеспечению (по международному стандарту), таких категорий населения, как семья, дети, женщины, выполняющие функции материнства [Колодяжная 2019].

И. И. Шаманаева затрагивала вопросы повышения размеров компенсационной выплаты по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, повышения размера пособия по временной нетрудоспособности по уходу за больным ребенком до величины прожиточного минимума, установления возможности досрочного выхода на пенсию для женщин в зависимости от числа рожденных и воспитанных ими детей, создания федерального фонда государственных пособий на детей [Шаманаева 1999].

Семьи с детьми рассматривались как субъекты правоотношений, возникающих в связи с наступлением страхового случая, связанного с несчастным случаем на производстве [Синьков 2006], как объект социальной защиты в связи с проживанием в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях [Митин 2007]. Категории детей-сирот, семьи беженцев и вынужденных переселенцев упоминались при исследовании вопросов предоставления временного жилья; малообеспеченность и отсутствие ухода и заботы со стороны родителей или иных членов семьи рассматривались как основания социальной защиты в жилищно-коммунальной сфере в виде предоставления жилья, компенсаций и субсидий по оплате жилья и коммунальных услуг [Измествьев 2005].

В науке трудового права исследовались вопросы, связанные с привлечением к сверхурочной работе на производстве с вредными и опасными условиями труда женщин, имеющих детей до 14 лет [Домрачева 2011], регулированием труда работников с семейными обязанностями [Москвичева 2005; Харитоновна 2003; Степаненко 2008] и переводом беременных женщин и лиц, имеющих детей в возрасте до полутора лет [Гусов 2010]. Рассматривались также особенности реализации в рамках трудового договора трудовое право статуса женщин, имеющих детей, и несовершеннолетних [Рожников 1999], проблемы трудоустройства молодежи [Орлова 2004] и др.

Таким образом, авторы, изучая те или иные проблемы в сфере трудового права и права социального обеспечения, рассматривают детей и семьи с детьми как субъектов, нуждающихся в повышенной социальной защите и социальном обеспечении, предлагая при этом установить для них дополнительные трудовые гарантии, повышенные размеры социальных выплат, специальные условия при выходе на пенсию и дополнительные меры социальной поддержки.

Многие российские ученые (Е. Г. Азарова, А. В. Буянова, Т. С. Гусева, Ю. Б. Корсаненкова, Е. В. Соловьева, Л. В. Сотникова, Л. Н. Шипулина и др.) посвятили свои диссертации и монографии проблемам правового регулирования социального обеспечения детей и семей, имеющих детей, рассматривая при этом такие категории, как дети-

сироты, дети из многодетных, неполных семей, дети-инвалиды.

Некоторые авторы сосредоточили внимание на социальном обеспечении отдельных категорий детей, находящихся в социально уязвимом положении, – детей-сирот и детей-инвалидов (Н. Т. Полис, Д. А. Семянникова).

Исследуя вопросы предоставления пособий на детей, Ю. Б. Корсаненкова рассматривает понятие семьи и констатирует отсутствие у него определения, универсального для научных отраслей, занимающихся семейными отношениями. Принимая во внимание неоднородность категории «семья с детьми», она предлагает ввести адресные пособия, предназначенные для разных типов семей, воспитывающих детей. Предполагается, что такие семьи должны выделяться с учетом различных критериев, например возраста детей, их количества, социального статуса семьи и др. Кроме того, автор говорит о необходимости исчисления размера некоторых видов единовременных пособий застрахованным гражданам сообразно с величиной прожиточного минимума, что нашло отражение в действующем законодательстве [Корсаненкова 2007].

Многодетные семьи рассматривались в публикациях ученых-юристов как особая социальная группа, характеризующаяся высоким риском бедности. С точки зрения Е. Г. Азаровой, воспитание детей, их содержание и уход за ними в многодетной семье подразумевают наличие повышенной нагрузки на родителей и сокращение возможностей для получения средств к существованию за счет оплачиваемой работы, что обуславливает необходимость социального обеспечения многодетной семьи [Азарова 2012]. Автор приводит мнение специалистов, которые отмечают, что многодетные семьи должны стать приоритетной группой для системы социальной защиты в тех регионах, где преобладают малодетные семьи. Кроме предоставления детям в этих семьях мер социальной поддержки, государство должно стимулировать активность многодетной семьи в самообеспечении. Это может быть как оказание содействия трудоустройству многодетных родителей, предоставление преимуществ безработным и молодежи из многодетных семей в активных программах занятости, так и развитие личных подсобных хозяйств.

Если социальная поддержка многодетных семей достаточно давно законодательно закреплена в нашей стране, то стимулирование активности семьи в самообеспечении – как комплекс мер – так и не нашло отражения в российском законодательстве, за исключением, пожалуй, трудоустройства многодетных родителей, воспитывающих несовершеннолетних детей, которых Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» относит к «гражданам, испытывающим трудности в поиске работы» (ст. 5). В субъектах РФ для них активно проводятся мероприятия по содействию занятости в виде предоставления субсидий работодателям и некоммерческим организациям. Развитие личных подсобных хозяйств предлагается в рамках социального контракта в том случае, когда многодетность дополняется таким дифференцирующим фактором, как малоимущность.

Т. С. Гусева указывает на зависимость мер социальной поддержки многодетной семьи от экономической возможности регионов, что в результате приводит к снижению гарантий прав детей из многодетных семей на достойные условия проживания, питания, материального обеспечения и развития [Гусева 2012: 112]. Предложение автора ввести понятие многодетной семьи на федеральном уровне заслуживает поддержки. До сих пор отсутствует единообразная трактовка этого понятия в регионах, что приводит к разному уровню социальной защищенности многодетных семей. В ряде субъектов РФ в состав многодетной семьи включаются родители или усыновители и совместно проживающие с ними дети (три и более) в возрасте до 18 лет, в других субъектах РФ правом на социальную поддержку наделены приемные семьи, семьи, принявшие под опеку несовершеннолетних детей. Также Т. С. Гусева отмечает, что право многодетной семьи на получение мер социальной поддержки в отдельных субъектах РФ зависит от различных условий. Это могут быть наличие у одного или обоих родителей гражданства Российской Федерации, низкие доходы [Гусева 2012: 112]. Таким образом, отсутствие единого подхода к определению состава многодетной семьи в разных регионах приводит к тому, что не во всех из них семья признается многодетной при ее равном количественном составе.

Рассматривая проблемы неполных семей, Е. В. Соловьева предложила ввести понятие «семьи с одним родителем». К таковым она отнесла семьи, образованные вследствие развода, внебрачной рождаемости, рождения ребенка одинокой матерью, овдовения. Подобные семьи обозначаются общеупотребительным термином «неполная семья». Они должны быть приравнены к семьям с детьми, в которых родитель (или родители) уклоняются от уплаты алиментов, и обеспечены пособиями. В свою очередь, расходы, связанные с уплатой алиментов, должно возмещать государство, истребуя их затем с лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов [Соловьева 1995].

Е. Г. Азарова обращает внимание на то, что в российском законодательстве отсутствует понятие неполной семьи и нет устоявшегося понятия, которое бы обозначало родителя, воспитывающего детей в одиночку. Это вызывает трудности в понимании и применении законодательства, в частности касающегося предоставления различных мер поддержки родителям, имеющим детей. В ее работе возобновляется обсуждение необходимости ввести алиментное пособие, выплачивавшееся в 80-е гг. в СССР детям, чьи родители уклонялись от уплаты алиментов [Азарова 2012]. В настоящее время данное пособие «трансформировалось» в ежемесячное пособие на ребенка, которое выплачивалось до 31 декабря 2022 г. за счет бюджетов субъектов РФ в небольших размерах¹. В связи с внесением изменений в Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» обсуждение вопроса о государственном алиментном фонде может быть продолжено. А учитывая задолженность по алиментам в стране по итогам 2022 г., которая составила около 168 млрд руб.², необходимо также выявить причины неуплаты алиментов и заняться поиском путей выхода из данной ситуации.

В 1990-е гг., в период радикальных перемен в нашей стране, Н. Т. Полис одна из

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2022 г. № 455-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственных пособиях гражданам, имеющим детей“».

² Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов за 2022 год // URL: <https://fssp.gov.ru/statistics> (дата обращения: 03.02.2023).

первых обозначила проблемы социального обеспечения детей-сирот и детей-инвалидов [Полис 1990]. В это время специальных исследований, посвященных этим категориям детей, не проводилось. Дети-сироты и дети-инвалиды отнесены ею к категории имеющих особые потребности в сфере социальной защиты, нуждающихся в повышенной социальной защите и обладающих специальным правовым статусом. Однако дети-инвалиды, на наш взгляд, требуют больше внимания, заботы и значительного объема мер социальной поддержки и, соответственно, финансовых средств на их реализацию, по сравнению с детьми-сиротами. Такой дифференцирующий фактор, как сиротство, может дополняться, например, фактором малоимущности, а особенности состояния здоровья у детей-инвалидов могут дополняться как фактором малоимущности, так и отсутствием полноценной семьи. Здесь будет иметь место синергия социальных рисков, когда риск нездоровья ребенка-инвалида может дополниться и риском сиротства, и риском бедности [Истомина 2021].

Н. Т. Полис определила инвалидность с детства, сиротство и отсутствие родительского попечения как социально-правовые основания права социального обеспечения. При этом она указала, что юридические факты или жизненные обстоятельства, вызывающие потребность в предоставлении благ социального характера, у подобных детей различны, а наступающие правовые последствия идентичны: это потребность в средствах к существованию, потребность в уходе (заботе). Таким образом, Н. Т. Полис исследовала детей-сирот и детей-инвалидов как отдельную группу субъектов права социального обеспечения, выделенную по признаку «отсутствие семейного ухода или его недостаточность». Кроме того, она предложила ввести дифференцированный подход к предоставлению социальной поддержки в случае сиротства юридического (сейчас это случай смерти родителей) и сиротства фактического (все остальные случаи), принять закон СССР «О защите прав и законных интересов инвалидов», в котором отдельный раздел должен был быть посвящен детям-инвалидам и инвалидам с детства.

Е. В. Соловьева предлагала с целью определения права на пенсию по случаю потери

кормильца включить в круг обеспечиваемых пенсией лиц родителя, занятого уходом за ребенком-инвалидом до 18 лет [Соловьева 1995]. Сейчас право на страховую пенсию по случаю потери кормильца имеют родственники, если они заняты уходом за детьми, братьями, сестрами или внуками умершего кормильца, не достигшими 14 лет¹.

На это же обращается внимание в работе Т. С. Гусевой. Период ухода за ребенком-инвалидом до 18 лет включается в страховой стаж лиц, осуществляющих уход, в связи с чем продление срока получения пенсии по случаю потери кормильца видится вполне закономерным [Гусева 2012: 202]. Можно предположить, что не работающий родитель, осуществляющий уход за ребенком с ограниченными возможностями здоровья, и после достижения таким ребенком возраста 14 лет, учитывая состояние его здоровья, не сможет совмещать уход за ним с работой вне дома. Поэтому такое предложение вполне можно считать достойным внимания.

Проблемы детей-инвалидов поднимает и Л. В. Сотникова, предлагая предоставить им право на получение одновременно социальной пенсии и пенсии по случаю потери кормильца [Сотникова 2007]. В соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (далее – Закон о государственном пенсионном обеспечении) цель социальной пенсии для нетрудоспособных граждан (к ним Закон относит детей-инвалидов) – предоставление им средств к существованию (ст. 2).

Право детей-инвалидов на социальную пенсию обусловлено их особым статусом. В силу особенностей состояния здоровья «блага социального обеспечения требуются им в большем объеме и более сложной структуры, а предоставление этих благ сопряжено с необходимостью выделения на эти цели значительных финансовых средств» [Азарова 2012: 101]. И этими средствами в виде заработной платы или алиментов ребенка-инвалида обеспечивает один из родителей, в то время как второй родитель в это время осуществляет уход за ним. Однако в соответствии с Законом о государственном пенсионном обеспечении в случае потери

¹ Статья 10 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях».

родителя ребенок-инвалид сможет получать лишь одну пенсию по выбору. В то же время потеря кормильца – матери или отца – ребенком-инвалидом, равно как и потеря кормильца здоровым ребенком, должна повлечь за собой предоставление пенсии по случаю потери кормильца [Сотникова 2007: 111]. При разводе один из родителей обязан платить алименты на содержание ребенка (он это делает в дополнение к пенсии по инвалидности), а случае смерти кормильца выплаты не предусмотрены. Считаем, что это очень важный вопрос и с точки зрения социальной справедливости, и с точки зрения здоровья детей-инвалидов, оставшихся без кормильца, эти пенсии не взаимоисключающие, а дополняющие друг друга.

До принятия Закона РФ от 20 ноября 1990 г. № 340-1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации» дети-инвалиды и инвалиды с детства получали ежемесячные пособия. Назначение и выплата пособий не зависели от трудовой или иной общественно полезной деятельности. Установление пособий, в отличие от пенсий, было связано с наступлением нетрудоспособности и имело своей целью материальное обеспечение граждан, не получающих пенсию, но в силу старости либо плохого состояния здоровья нуждающихся в заботе государства [Социальное страхование в СССР 1973].

Основными критериями, по которым разграничиваются понятия «пенсия» и «пособие», – это цель и длительность предоставления (см., например: [Захаров, Тучкова 2002; Право социального обеспечения 2001; Право социального обеспечения 2015]). Пенсии – постоянный и основной источник средств к существованию, пособия, как правило, временно заменяют утраченный заработок или служат дополнением к основному источнику средств к существованию. На наш взгляд, пенсия, назначаемая детям-инвалидам, обладает и признаком пенсии (является постоянной), и признаком пособия (дополняет основной источник средств к существованию), поскольку основным источником средств к существованию для такого ребенка будут доходы родителей или полное государственное обеспечение.

Возможность применения дифференцированных размеров социальной пенсии ребенка-инвалида с учетом степени выраженности

стойких нарушений функций организма человека предлагает установить Д. А. Семянникова. Она объясняет это прямой зависимостью между степенью выраженности таких нарушений (тяжестью нарушений ребенка-инвалида) и уровнем потребностей ребенка в социальном обеспечении [Семянникова 2019: 84]. Аналогичный подход предлагается применить и в отношении компенсационной выплаты по уходу за ребенком-инвалидом. Также автор считает целесообразным установить в федеральном законодательстве дополнительное пособие на ребенка-инвалида, что позволит выровнять объем материального обеспечения детей с инвалидностью независимо от региона проживания.

В сфере социального обслуживания как важной части социального обеспечения ребенка-инвалида Д. А. Семянникова обращает внимание на необходимость предоставления семье, воспитывающей ребенка-инвалида, некоторых видов социальных услуг, значимых как для ребенка-инвалида, так и для семьи, на бесплатной основе (либо со значительной скидкой) [Там же: 149].

Выявление проблем, обозначенных авторами в своих исследованиях в отношении детей-инвалидов, дало толчок к положительным изменениям в проводимой государством социальной политике в отношении детей-инвалидов.

Так, размер компенсационной выплаты по уходу за ребенком-инвалидом для родителей (опекунов, усыновителей), обозначенный в исследовании Т. С. Гусевой, увеличен с 5500 до 10 тыс. руб.¹ Тем не менее очевидно, что установленный размер не в состоянии в полной мере удовлетворить потребности лица, осуществляющего уход. Поэтому совершенно справедливо предложение Д. А. Семянниковой наделить родителя, воспитывающего ребенка-инвалида и не имеющего ни основного, ни дополнительных источников дохода, правом на компенсацию в размере величины прожиточного минимума для трудоспособного населения [Там же: 83].

Обозначенные Е. Г. Азаровой тенденции к росту числа детей, впервые признанных инвалидами, не сохраняются. Число детей,

¹ Указ Президента РФ от 7 марта 2019 г. № 95 «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 175 „О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы“».

впервые признанных инвалидами, в 2020 г. уменьшилось до 70 тыс. человек (в 2019 г. – 76,5 тыс. человек; в 2018 г. – 73,9 тыс. человек; в 2017 г. – 76,1 тыс. человек)¹, что связано, наряду с иными причинами, с внедрением в практику диагностики и лечения больных детей высоких медицинских технологий. Кроме того, проводятся научные исследования по различным направлениям, мероприятия по профилактике детской инвалидности, развиваются системы ранней помощи в регионах, внедрены новые технологии ухода за детьми с тяжелыми множественными нарушениями развития и др.²

Решаются и очерченные автором проблемы получения профессионального образования детьми-инвалидами. Например, в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 г. (далее – План основных мероприятий) предусмотрена разработка программно-методического, учебно-дидактического и информационно-компьютерного обеспечения общего и профессионального образования детей-инвалидов, системы подготовки квалифицированных кадров для указанных обучающихся. Доля реализующих программы среднего профессионального образования образовательных организаций, здания которых приспособлены для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, должна составить к 2027 г. не менее 75 %.

Правовые вопросы дистанционного обучения детей-инвалидов затрагивались в работе Л. Н. Шипулиной. С целью реализации их права на получение образования она предложила организовывать центры дистанционного образования детей-инвалидов. В настоящее время центры дистанционного образования действуют на базе учреждений социальной защиты; кроме того, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» дает возможность реализовывать образовательные программы

с помощью дистанционных образовательных технологий, электронного обучения (ст. 16).

Еще одна категория детей, нуждающихся в повышенной социальной защите, – дети-сироты. Основные исследования, посвященные детям-сиротам и детям, лишенным родительского попечения, проводились учеными-социологами. В этих исследованиях рассматриваются вопросы семейного устройства детей, изучения детского благополучия, постинтернатной адаптации выпускников, профилактики социального сиротства и др.

Проблемы детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения, не остались без внимания и ученых-юристов. Вместе с тем после Н. Т. Полис исследований в отношении именно этой группы детей не проводилось. В рамках тематики своих работ, пожалуй, наиболее подробно на них останавливалась Е. Г. Азарова, также упоминались дети-сироты и дети, потерявшие кормильца, в работах А. В. Буяновой, Т. С. Гусевой, Л. В. Сотниковой.

Вопрос трудоустройства детей-сирот – выпускников интернатов был затронут А. В. Буяновой. Она предложила закрепить в федеральном законе норму об обязательном предоставлении первого рабочего места несовершеннолетним этой категории [Буянова 2005: 18]. Учитывая, что детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, и лицам из их числа, впервые выходящим на рынок труда, в силу жизненных обстоятельств объективно тяжело выдержать жесткую конкуренцию, следует поддержать такое предложение, как квотирование рабочих мест, являющееся гарантией трудоустройства для детей названной категории [Голосова 2022а].

Е. Г. Азарова совершенно справедливо разделяет детей на имеющих семью и воспитываемых в ней и на лишенных попечения родителей, поскольку это различие существенно отражается на их правовом положении, условиях жизнедеятельности и социальном обеспечении. Дети, оказавшиеся вне родной семьи, находятся в трудной и (или) опасной жизненной ситуации и нуждаются не только в повышенном внимании, но и в особом социальном обеспечении.

Очень многое было сделано для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в последнее десятилетие. В связи с этим обозначенные ранее в работах авто-

¹ Государственный доклад Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации «О положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации. 2020 год» // URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/1887> (дата обращения: 10.02.2023).

² Распоряжение Правительства РФ от 23 января 2021 г. № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года».

ров проблемы, такие как нехватка интернатных учреждений, их недофинансирование, переполненность сиротских учреждений, в значительной степени оказались сегодня решенными. Мероприятия, направленные на стимулирование граждан к семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, привели к значительному сокращению числа детей, воспитывающихся в организациях для детей-сирот. Был запущен процесс реформирования организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, путем разукрупнения, создания в них условий, приближенных к семейным. Планом основных мероприятий сейчас предусмотрены развитие и совершенствование системы опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних и приведение к 2024 г. организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, к единой модели подчиненности [Голосова 2022b].

С точки зрения концепции социального риска соотношение потребности и предоставляемых мер социальной защиты (или обоснованность социального обеспечения) рассматривается через степень их компенсируемости

Актуальной остается профилактическая работа с проблемными семьями, на недостаточность развития которой указывала Т. С. Гусева. Несмотря на то что это не входит в сферу социального обеспечения, эффективные профилактические меры напрямую влияют на требуемый для обеспечения нормальной жизнедеятельности детей-сирот объем средств социального обеспечения.

Обращает на себя внимание и претендует на дальнейшее осмысление установление Е. Г. Азаровой критерия эффективности социального обеспечения детей-инвалидов, которое применимо ко всем получателям мер социальной защиты, включая детей. Автор пишет: «Социальное обеспечение детей-инвалидов можно будет признать эффективным, когда будут удовлетворяться жизненно важные потребности каждого без исключения ребенка и каждой семьи, воспитывающей ребенка-инвалида» [Азарова 2012: 141].

С точки зрения концепции социального риска соотношение потребности и предоставляемых мер социальной защиты (или обоснованность социального обеспечения) рассматривается через степень их компенсируемости, которая зависит от того, можно ли восполнить тот или иной риск в принципе, что именно в динамике риска подпадает под этот способ защиты – причина или неблагоприятное последствие, а также от того, в каких видах, на какие сроки и в каких пределах устанавливается компенсация [Истомина 2021: 165]. А оценка последствий компенсации социального риска предполагает выявление эффективности применения мер для конкретной категории детей в системе методов управления социальными рисками [Истомина, Федорова 2018].

Между обоснованностью социального обеспечения и оценкой последствий компенсации существует взаимосвязь.

Для целей обоснованности должно быть определено соотношение всех возможных потребностей и соответствующих им мер социальной защиты, что можно закрепить, например, в национальном стандарте. Следует выяснить наиболее полный перечень потребностей (учитывая факторы дифференциации), для того чтобы определить комплекс мер, необходимых для удовлетворения жизненно важных потребностей. Потребности могут существенно различаться в зависимости от возраста детей, состояния здоровья, от того, находятся ли они в семье либо вне семьи, от материального положения последней и от других обстоятельств. Вопрос о соотношении потребностей и предоставляемых мер социальной защиты является одним из самых сложных и требующих дальнейшего исследования. Для его решения необходимо привлекать экономические, статистические, социологические научные знания.

Далее, важно оценить последствия – эффективность (результативность) применения тех или иных мер для конкретной категории детей. От этого будет зависеть соблюдение соотношения «потребность – меры», и, в случае необходимости, проведение его корректировки. Системы оценки последствий компенсации социального риска в настоящее время не существует, поэтому нет возможности скорректировать меры социальной защиты

в зависимости от потребностей в них в случае необходимости. Однако возможна разработка стандарта, основанного на статистических данных о результатах оценки последствий компенсации. В связи с этим видится перспективным создание единой, обязательной к применению системы показателей, по результатам мониторинга которой можно было бы судить о положительном или негативном опыте предоставления детям мер социальной защиты.

Д. А. Семянникова высказала мнение о правах лиц, осуществляющих воспитание детей-инвалидов (родителей, усыновителей, опекунов, попечителей), как о «производных» от правового статуса ребенка-инвалида. Вопросы правового регулирования социальной защиты и труда тех лиц, чьи права «производны», не были предметом отдельного изучения специалистов в области трудового права и права социального обеспечения. Исследовалось лишь правовое регулирование труда лиц, осуществляющих уход за детьми-инвалидами [Самсонова 2019]. Речь в данной работе идет об уточнении понятийного аппарата, формулировании правового статуса лиц, осуществляющих уход, расширении объема гарантий, предоставляемых работникам данной категории в связи с сочетанием ими исполнения трудовых и семейных обязанностей, о внесении изменений в трудовое законодательство. Вполне современным выглядит предложение автора предоставить таким лицам преимущественное право на заключение трудового договора о дистанционной работе. Заслуживает поддержки предложение увеличить количество календарных дней отпуска до 30, предоставлять ежегодный отпуск в удобное время обоим лицам (родителям, усыновителям, опекунам, попечителям), осуществляющим уход за ребенком-инвалидом.

Без сомнения, можно говорить и о правах таких субъектов-адресатов, как родители, усыновители, опекуны, попечители. Их статус будет «производным» от статуса ребенка-сироты, ребенка многодетной, неполной семьи и повлияет на объем прав в области социального обеспечения лиц, осуществляющих их воспитание. Это может быть, напри-

мер, право на предоставление социального обслуживания, досрочный выход на страховую пенсию (как для многодетных матерей, так и для родителей ребенка-инвалида), предоставление компенсационных выплат по уходу за ребенком-инвалидом, содействие занятости одиноких и многодетных родителей, воспитывающих несовершеннолетних детей, детей-инвалидов.

Таким образом, к настоящему моменту накоплены значительные теоретические и эмпирические знания, необходимые для решения проблем, связанных с защитой детей социально уязвимых категорий, и позволяющие обеспечить им благополучное детство. Повторим, что в последние десятилетия в сфере социальной защиты детей и семей с детьми наметились позитивные тенденции, создана система, которая гарантирует детям социально уязвимых категорий социальную защиту практически во всех жизненно важных сферах. Однако в ряде сфер проблемы по-прежнему не решены в полной мере. Так, сохраняется проблема обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями. Многодетные, неполные семьи остаются подверженными риску бедности, что чревато материальной и жилищной необеспеченностью и, как следствие, сиротством и безнадзорностью.

Практически все детские проблемы и пути их решения нашли отражение в Плане основных мероприятий, в Национальных проектах «Демография», «Здравоохранение», «Образование» с тем, чтобы в максимально возможной степени обеспечивать право ребенка на полноценную жизнь, здоровье, рост и развитие вне зависимости от его принадлежности к какой-либо категории детей.

В значительной степени этим успешным преобразованиям способствовали научные исследования, которые должны быть продолжены и активизированы сообразно целям государственной политики, социальным трансформациям, происходящим в обществе, и конституционным принципам справедливости и гарантированности реализации прав и законных интересов детей государством.

Список литературы

- Азарова Е. Г. Социальное обеспечение детей: теоретические подходы: моногр. М.: Контракт, 2012. 256 с.
- Буянова А. В. Особенности правового регулирования труда несовершеннолетних работников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 36 с.
- Голосова Н. С. Квотирование рабочих мест для детей-сирот и приравненных к ним лиц: региональный подход // За права трудящихся! Реализация социально-трудовых прав граждан: опыт, проблемы, перспективы: материалы Восьмой Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15–16 декабря 2022 года) / под общ. ред. Ю. В. Иванчиной, Е. А. Истоминой. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т им. В. Ф. Яковлева, 2022а. С. 27–32.
- Голосова Н. С. Роль документов стратегического планирования в реализации государственной семейной политики и социальной политики в отношении детей-сирот // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022b. № 6. С. 44–51. DOI: 10.34076/22196838_2022_6_44.
- Григорьев И. В., Шайхатдинов В. Ш. Право социального обеспечения: учеб. и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023. 431 с.
- Гусева Т. С. Социальное обеспечение семьи, материнства, отцовства и детства в России: теоретические и практические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 347 с.
- Гусов М. Ю. Переводы в трудовом праве России: некоторые вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 21 с.
- Домрачева О. В. Вредные и опасные условия труда как условие трудового договора и элемент института охраны труда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 30 с.
- Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения России: учеб. М.: БЕК, 2002. 560 с.
- Изместьев А. В. Правовое регулирование социальной защиты населения Российской Федерации в жилищно-коммунальной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2005. 28 с.
- Истомина Е. А. Влияние концепции социального риска на правовое регулирование социального обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 500 с.
- Истомина Е. А., Федорова М. Ю. Правовой механизм управления социальными рисками: моногр. Екатеринбург: изд-во УИУ РАНХиГС, 2018. 240 с.
- Колодяжная А. И. Реализация в российском законодательстве минимальных норм социального обеспечения: правовые проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 32 с.
- Корсаненкова Ю. Б. Российская система социальных пособий на детей (правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 27 с.
- Лушников А. М., Лушникова М. В., Барышникова Т. Ю. Теория права социального обеспечения: прошлое и настоящее: учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2008. 288 с.
- Митин О. А. Социальная защита граждан, проживающих и работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: правовые вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 232 с.
- Москвичева Т. М. Особенности правового регулирования труда женщин, работников с семейными обязанностями и опекунов (попечителей) несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2005. 28 с.
- Орлова Е. Е. Правовые гарантии обеспечения занятости граждан, особо нуждающихся в социальной поддержке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.
- Полис Н. Т. Право детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и инвалидов с детства на особую заботу общества в социальном обеспечении: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 158 с.
- Право социального обеспечения: учеб. / под ред. К. Н. Гусова. М.: ПБОЮЛ Грачев С. М., 2001. 328с.
- Право социального обеспечения: учеб. / под ред. В. Ш. Шайхатдинова. М.: Юстиция, 2023а. 576 с.

Право социального обеспечения: учеб. и практикум для вузов / под ред. М. В. Филипповой. М.: Юрайт, 2023b. 451 с.

Право социального обеспечения России: учеб. / под ред. Д. В. Агашева, В. С. Аракчеева. Томск: Изд-во Том. ун-та 2015. 508 с.

Рожников Л. В. Трудовые договоры специальных субъектов трудового права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 160 с.

Самсонова В. О. Правовое регулирование труда лиц, осуществляющих уход за детьми-инвалидами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 33 с.

Семянникова Д. А. Правовое регулирование социального обеспечения детей-инвалидов в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 214 с.

Синьков С. Н. Возмещение вреда в порядке обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 32 с.

Соловьева Е. В. Социальное обеспечение семей с детьми как элемент социальной защиты населения России в переходный к рыночной экономике период: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 32 с.

Сотникова Л. В. Социальное обеспечение семей с детьми в Российской Федерации (правовые вопросы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 26 с.

Социальное страхование в СССР / под ред. К. С. Батыгина. М.: Профиздат, 1973. 287 с.

Степаненко Е. А. Правовое регулирование труда лиц, занятых в домашнем хозяйстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 27 с.

Харитонова А. О. Работники с семейными обязанностями: дифференциация правового регулирования как средство обеспечения международным трудовым и российским трудовым правом равных возможностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2003. 24 с.

Шаманаева И. И. Вопросы соотношения российского законодательства о социальном обеспечении с международными актами о правах человека: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 235 с.

Наталья Сергеевна Голосова – преподаватель кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: nata_sotnikova@inbox.ru.

ORCID: 0000-0002-8800-9194

Development of Scientific Ideas about the Social Protection of Certain Categories of Children in Research on Labor Law and Social Security Law

The study of the development of scientific ideas, the problems of legal regulation that arise at different stages of the development of society, allows us to rethink the experience of previous generations, avoid mistakes and find effective solutions to improve the legal regulation of social protection. Moreover, such categories of children as disabled children, orphans, children left without parental care, children from foster, large, single-parent families, require more attention when studying problems arising in the field of their social protection.

Analyzing the main directions of Russian scientific research in this area, the author highlights the main stages of the formation of scientific ideas about the social protection of certain categories of children, identifies the main problems. It is concluded that, despite the positive changes in social protection of children and families with children in recent decades, some problems have not been solved and remain relevant. In addition, the author considers it appropriate to assess the consequences of the application of various social protection measures for a specific category of children (effectiveness of these measures), which makes it possible to correlate the

need for social protection measures with the measures already provided and to adjust them if necessary.

Keywords: orphans, disabled children, children left without parental care, large families, single-parent families, social risks, effectiveness of social protection measures

Recommended citation

Golosova N. S. Razvitie nauchnykh predstavlenii o sotsial'noi zashchite detei ot del'nykh kategorii v issledovaniyakh po trudovomu pravu i pravu sotsial'nogo obespecheniya [Development of Scientific Ideas about the Social Protection of Certain Categories of Children in Research on Labor Law and Social Security Law], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 97–110, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_97.

References

Agashev D. V., Arakcheev V. S. *Pravo sotsial'nogo obespecheniya Rossii* [Social Security Law of Russia], Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 2015, 508 p.

Azarova E. G. *Sotsial'noe obespechenie detei: teoreticheskie podkhody* [Children's Social Security: Theoretical Approaches], Moscow, Kontrakt, 2012, 256 p.

Batygin K. S. (ed.) *Sotsial'noe strakhovanie v SSSR* [Social Insurance in the USSR], Moscow, Profizdat, 1973, 287 p.

Buyanova A. V. *Osobennosti pravovogo regulirovaniya truda nesovershennoletnikh rabotnikov* [Features of Legal Regulation of the Work of Underage Workers]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2005, 36 p.

Domracheva O. V. *Vrednye i opasnye usloviya truda kak uslovie trudovogo dogovora i element instituta okhrany truda* [Harmful and Dangerous Working Conditions as a Condition of an Employment Contract and an Element of the Institute of Labor Protection]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2011, 30 p.

Filippova M. V. (ed.) *Pravo sotsial'nogo obespecheniya* [Social Security Law], Moscow, Yurait, 2023b, 451 p.

Golosova N. S. *Kvotirovanie rabochikh mest dlya detei-sirot i priravnennykh k nim lits: regional'nyi podkhod* [Job Quotas for Orphans and Persons Equated to them: a Regional Approach], Ivanchina Yu. V., Istomina E. A. (eds.) *Za prava trudyashchikhsya! Realizatsiya sotsial'no-trudovykh prav grazhdan: opyt, problemy, perspektivy* [For the Rights of Workers! Realization of Social and Labor Rights of Citizens: Experience, Problems, Prospects]: conference papers, Ekaterinburg, Ural. gos. yurid. un-t im. V. F. Yakovleva 2022a, pp. 27–32.

Golosova N. S. Rol' dokumentov strategicheskogo planirovaniya v realizatsii gosudarstvennoi semeinoi politiki i sotsial'noi politiki v otnoshenii detei-sirot [The Role of Strategic Planning Documents in the Implementation of State Family Policy and Social Policy in Relation to Orphans], *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, 2022b, no. 6, pp. 44–51, DOI: 10.34076/22196838_2022_6_44.

Grigor'ev I. V., Shaikhatdinov V. Sh. *Pravo sotsial'nogo obespecheniya* [Social Security Law], Moscow, Yurait, 2023, 431 p.

Guseva T. S. *Sotsial'noe obespechenie sem'i, materinstva, otsovstva i detstva v Rossii: teoreticheskie i prakticheskie problemy* [Social Security of the Family, Motherhood, Fatherhood and Childhood in Russia: Theoretical and Practical Problems]: doct. jur. sc. thesis, Moscow, 2012, 347 p.

Gusov M. Yu. *Perevody v trudovom prave Rossii: nekotorye voprosy teorii i praktiki* [Transfers in the Labor Law of Russia: Some Questions of Theory and Practice]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2010, 21 p.

Gusov M. Yu. *Pravo sotsial'nogo obespecheniya* [Social Security Law], Moscow, PBOYuL Grachev S. M., 2001, 328 p.

Istomina E. A. *Vliyanie kontseptsii sotsial'nogo riska na pravovoe regulirovanie sotsial'nogo obespecheniya* [The Impact of the Concept of Social Risk on the Legal Regulation of Social Security]: doct. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2021, 500 p.

Istomina E. A., Fedorova M. Yu. *Pravovoi mekhanizm upravleniya sotsial'nymi riskami* [Legal Mechanism of Social Risk Management], Ekaterinburg, Izd-vo UIU RANHiGS, 2018, 240 p.

Izmest'ev A. V. *Pravovoe regulirovanie sotsial'noi zashchity naseleniya Rossiiskoi Federatsii v zhilishchno-kommunal'noi sfere* [Legal Regulation of Social Protection of the Population of the Russian Federation in the Housing and Communal Sphere]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Perm', 2005, 28 p.

Kharitonova A. O. *Rabotniki s semeinymi obyazannostyami: differentsiatsiya pravovogo regulirovaniya kak sredstvo obespecheniya mezhdunarodnym trudovym i rossiiskim trudovym pravom ravnokh vozmozhnostei* [Employees with Family Responsibilities: Differentiation of Legal Regulation as a Means of Ensuring Equal Opportunities under International Labor Law and Russian Labor Law]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Perm', 2003, 24 p.

Kolodyazhnaya A. I. *Realizatsiya v rossiiskom zakonodatel'stve minimal'nykh norm sotsial'nogo obespecheniya: pravovye problemy* [Implementation of Minimum Social Security Standards in Russian Legislation: Legal Problems]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2019, 32 p.

Korsanenkova Yu. B. *Rossiiskaya sistema sotsial'nykh posobii na detei (pravovoi aspekt)* [The Russian System of Social Benefits for Children (Legal Aspect)]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2007, 27 p.

Lushnikov A. M., Lushnikova M. V., Baryshnikova T. Yu. *Teoriya prava sotsial'nogo obespecheniya: proshloe i nastoyashchee* [Social Security Law Theory: Past and Present], Yaroslavl, YarGU, 2008, 288 p.

Mitin O. A. *Sotsial'naya zashchita grazhdan, prozhivayushchikh i rabotayushchikh v raionakh Krainego Severa i priravnennykh k nim mestnostyakh: pravovye voprosy* [Social Protection of Citizens Living and Working in the Far North and Equivalent Areas: Legal Issues]: cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2007, 232 p.

Moskvicheva T. M. *Osobennosti pravovogo regulirovaniya truda zhenshchin, rabotnikov s semeinymi obyazannostyami i opekunov (popechitelei) nesovershennoletnikh* [Features of Legal Regulation of the Work of Women, Workers with Family Responsibilities and Guardians (Trustees) of Minors]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Perm', 2005, 28 p.

Orlova E. E. *Pravovye garantii obespecheniya zanyatosti grazhdan, osobo nuzhdayushchikhsya v sotsial'noi podderzhke* [Legal Guarantees of Employment of Citizens in Particular Need of Social Support]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2004, 28 p.

Polis N. T. *Pravo detei-sirot, detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei, i invalidov s detstva na osobuyu zabotu obshchestva v sotsial'nom obespechenii* [The Right of Orphans, Children Left without Parental Care, and Children with Lifelong Disabilities to Special Care of Society in Social Security]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 1990, 158 p.

Rozhnikov L.V. *Trudovye dogovory spetsial'nykh sub"ektov trudovogo prava* [Employment Contracts of Special Subjects of Labor Law]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 1999, 160 p.

Samsonova V. O. *Pravovoe regulirovanie truda lits, osushchestvlyayushchikh ukhod za det'mi-invalidami* [Legal Regulation of the Work of Persons Caring for Disabled Children]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2019, 33 p.

Semyannikova D. A. *Pravovoe regulirovanie sotsial'nogo obespecheniya detei-invalidov v Rossiiskoi Federatsii* [Legal Regulation of Social Security of Disabled Children in the Russian Federation]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2019, 214 p.

Shaikhhatdinov V. Sh. (ed.) *Pravo sotsial'nogo obespecheniya* [Social Security Law], Moscow, Yustitsiya, 2023a, 576 p.

Shamanaeva I. I. *Voprosy sootnosheniya rossiiskogo zakonodatel'stva o sotsial'nom obespechenii s mezhdunarodnymi aktami o pravakh cheloveka* [Issues of Correlation of Russian Legis-

lation on Social Security with International Human Rights Acts]: cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 1999, 235 p.

Sin'kov S. N. *Vozmeshchenie vreda v poryadke obyazatel'nogo sotsial'nogo strakhovaniya ot neschastnykh sluchaev na proizvodstve i professional'nykh zabolevaniy* [Compensation for Damage in the Order of Compulsory Social Insurance against Industrial Accidents and Occupational Diseases: Legal Aspect]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2006, 32 p.

Solov'eva E. V. *Sotsial'noe obespechenie semei s det'mi kak element sotsial'noi zashchity naseleniya Rossii v perekhodnyi k rynochnoi ekonomike period* [Social Security of Families with Children as an Element of Social Protection of the Population of Russia in the Transition to a Market Economy]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 1995, 32 p.

Sotnikova L. V. *Sotsial'noe obespechenie semei s det'mi v Rossiiskoi Federatsii (pravovye voprosy)* [Social Security of Families with Children in the Russian Federation (Legal Issues)]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2007, 26 p.

Stepanenko E. A. *Pravovoe regulirovanie truda lits, zanyatykh v domashnem khozyaistve* [Legal Regulation of the Work of Persons Employed in the Household]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2008, 27 p.

Zakharov M. L., Tuchkova E. G. (eds.) *Pravo sotsial'nogo obespecheniya Rossii* [Social Security Law of Russia], Moscow, BEK, 2002, 560 p.

Natalya Golosova – lecturer of the Department of labor law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: nata_sotnikova@inbox.ru.

ORCID: 0000-0002-8800-9194

Дата поступления в редакцию / Received: 30.04.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ ПРАКТИКА НАУКА

Редактор *К. С. Пугушкина*
Дизайн обложки *К. О. Хрущева*
Компьютерная верстка *И. В. Яцюк*

Подписано в печать 11.10.2023. Формат 60×84/8.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 12,13.

Тираж 100 экз. Заказ №

Дата выхода в свет 27.10.2023.

Цена свободная

16+

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Отпечатано в ООО «ПРИНТ».
426035, Ижевск, ул. Тимирязева, д. 5, оф. 5